

В. Л. Пушкинъ.

СОЧИНЕНІЯ
В. Л. ПУШКИНА,

ИЗДАНЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. И. Саитова.

Съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ журналу

„С Ѣ В Е Р Ъ“,

за

ОКТАБРЬ

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Евг. Евдокимова.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 октября 1893 года.

F 24158

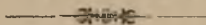

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., № 18.

Первое собраніе стихотвореній В. Л. Пушкина, задуманное имъ еще въ 1812 году, во время пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ, вышло въ Петербургѣ, въ 1822 году, съ портретомъ автора, гравированнымъ Галактіоновымъ. Это изданіе Пушкинъ печаталъ заочно, при участіи П. А. Плетнева, князя П. А. Вяземскаго и Карамзина. При печатаніи этого изданія не обошлось безъ затрудненій со стороны цензурнаго комитета, не соглашавшагося на пропускъ двухъ піесъ: второго посланія къ Дашкову, за выраженную авторомъ похвалу Вольтеровскому «Кандиду», и эпиграммы, начинающейся: «Лишился я жены, любовницы, коня». Посланіе отстоялъ Карамзинъ, но эпиграмма была исключена (Соч. Плетнева, т. III, стр. 382 — 385; Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 312, 332, 336 — 337).

Смирдинское изданіе 1855 г. представляетъ перепечатку предшествовавшаго, съ прибавленіемъ пяти піесъ. Настоящее собраніе сочиненій Пушкина заключаетъ въ себѣ всѣ прозаическія статьи, письма и стихотворенія Василія Львовича, печатавшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, альманахахъ, сборникахъ и вышедшія отдѣльно, за исключеніемъ «Опаснаго Сосѣда», не удовлетворяющаго цензурнымъ требованіямъ. Послѣднее по времени стихотвореніе Василія Львовича, посланіе къ А. С. Пушкину, печатается впервые по рукописи Императорской Публичной Библіотеки.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

СТР.

В. Л. Пушкинъ (историко-литературный очеркъ) . . . . .

Басни и сказки.

I. Мирза и Соловей	1
II. Левъ больной и Лисица	—
III. Левъ и его любимецъ.	2
IV. Мудрецъ и Филинъ	—
V. Старый Левъ и звѣри	3
VI. Голубка и Бабочка.	4
VII. Соловей и Чижъ.	—
VIII. Японецъ	5
IX. Пастухъ и Соловей.	6
X. Голубка.	—
XI. Вязъ и Рецейникъ	—
XII. Соловей и Малиновка.	7
XIII. Меркурій и умершіе.	8
XIV. Ощипанный Пѣтухъ	9
XV. Сурокъ и Щегленокъ.	10
XVI. Быль (сказка)	11
XVII. Овца, Лисица и Волкъ	—
XVIII. Волкъ и Лисица	12
XIX. Сычи	13
XX. Павлинъ, Зябликъ и Сорока.	14
XXI. Волкъ и Пастухи	15
XXII. Великодушный царь	—
XXIII. Медвѣдь и его гости	16
XXIV. Котъ и Моська	—
XXV. Листочекъ.	17
XXVI. Овсянка и Пѣночка	—
XXVII. Завистники соловья	18
XXVIII. Богачъ и Бѣднякъ	19
XXIX. Старушка и богиня Истина	—
XXX. Преимущество дарованій	20
XXXI. Молодая вдова	21
XXXII. Смоковница	23
XXXIII. Попугай	—
XXXIV. Людмила и Усладь (сказка).	24
XXXV. Кабудъ-путешественникъ (сказка)	26
XXXVI. Гнѣвъ Зевеса	32
XXXVII. Старая Яблонь и Садовникъ	—
XXXVIII. Прохожій и Рѣка	33
XXXIX. Кузпечикъ.	34
XL. Сапожникъ и его свать.	35
XLI. Чижъ.	36
XLII. Двѣ старыя кошки	—
XLIII. Бѣднякъ и старый солдатъ	37

XLIV. Догадливая жена (сказка)	38
XLV. Красавица въ шестьдесятъ лѣтъ (сказка)	—
XLVI. Волкъ и его товарищъ	—
XLVII. Щегленокъ и Воробей	39
XLVIII. Малиновка	40
XLIX. Сонъ Людмила (сказка)	41

Разныя стихотворенія.

I. Къ Камину	41
II. Къ Лирѣ (анакреотическая ода)	44
III. Дворцовый садъ	—
IV. Къ милой подругѣ моего сердца	—
V. Сердечное чувство	45
VI. Къ милой	—
VII. Тоска по милой	46
VIII. Отрывокъ изъ Оссіана (Колма)	—
IX. Къ Хлоѣ	48
X. Письмо къ И. И. Дмитріеву	—
XI. На Смерть Лауры	50
XII. Суйда	—
XIII. Къ брату и другу	52
XIV. Элегія (подражаніе)	53
XV. Пѣсня (подражаніе древнимъ)	54
XVI. Мадригалъ	55
XVII. Эпиграмма (подраженіе французской)	—
XVIII. Ученикъ-учитель (Бюнова идиллія)	—
XIX. Двѣ розы	—
XX. Пѣсня изъ «Эстеллы» Флоріановой	—
XXI. Пѣсня (Всѣ мило предо мною)	56
XXII. Вечеръ	—
XXIII. Не рыдай мене, мати, зряще во гробѣ	60
XXIV. Твореніе Кассіаны инокини	—
XXV. Къ **. На смерть подруги его (подражаніе Горацию)	—
XXVI. Завѣщаніе Киприды (подраженіе)	61
XXVII. Желаніе подруги	—
XXVIII. Разлука (подраженіе Сенъ-Ламберу)	62
XXIX. Эпитафія Ипполиту Богдановичу	—
XXX. Сельскій житель (подражаніе)	—
XXXI. Къ любимцамъ музъ (подражаніе Горацию)	63
XXXII. Разсужденіе о жизни, смерти и любви (стихи на заданныя риомы)	64
XXXIII. Экспромптъ на помѣщика Церхурова	65
XXXIV. Эпиграмма (Отечеству служить есть первый мой законъ)	—
XXXV. Эпиграмма (Мы, право, весело здѣсь время проводимъ)	—
XXXVI. Договоръ съ Писюю	—
XXXVII. На смерть Е. В. Херасковой	66
XXXVIII. Къ Пиррѣ (подражаніе Горацию)	—
XXXIX. Къ Лилѣ (подражаніе Горацию)	—
XL. Къ Лезбій (подражаніе)	67
XLI. Что есть любовь?	—
XLII. Эпиграмма (Змѣя ужалила Марсела)	—
XLIII. Экспромптъ на представленіе «Ольги Прекрасной»	68

	СТР.
XLIV. Масонскія пѣсни	68
XLV. Скромность (подражаніе Парни)	—
XLVI. Симпатія	69
XLVII. Къ В. А. Жуковскому	70
XLVIII. Къ Д. В. Дашкову	72
XLIX. Къ Делію (подражаніе Горацию)	74
L. Къ П. Н. Приклонскому	—
LI. Къ жителямъ Нижняго-Новгорода	75
LII. Къ Е. Ѳ. Салмановой	76
LIII. Къ Д. В. Дашкову	77
LIV. Къ М. А. Волковой	78
LV. Эпиграмма (Прославился хозяйствомъ Титъ)	79
LVI. Эпиграмма (Пріятель нашъ Ликастъ)	—
LVII. Эпиграмма (Панкратій, откупщикъ богатый)	—
LVIII. Эпиграмма (Возможно-ли, скажи, чтобъ нѣжная Людмила)	—
LIX. Couplets	80
LX. Къ князю П. А. Вяземскому	—
LXI. Пѣсня (Не пеняй мнѣ, что съ тобою)	82
LXII. На случай шутки А. М. Пушкина	—
LXIII. Люблю и не люблю	83
LXIV. Романсъ (Тамъ, далеко, за горами)	84
LXV. Эпиграмма (Какой учтивецъ сталъ Дамонъ)	—
LXVI. Хоръ на случай торжества въ Благородномъ собраніи	—
LXVII. Къ Арзамасцамъ	85
LXVIII. Элегія (Летятъ какъ вихрь веселій годы)	86
LXIX. Отвѣтъ именинника на поздравленіе друзей	87
LXX. Къ графу Ѳ. И. Толстому	—
LXXI. Надпись къ портрету В. А. Жуковскаго	89
LXXII. Къ графинѣ С. А. Музиной - Пушкиной	—
LXXIII. Разговоръ Горациа съ Лидіей (подражаніе)	—
LXXIV. Къ Аполлону (подражаніе Горацию)	90
LXXV. Стихи, пѣтые въ честь ея сятельства княгини Наталіи Петровны Голицыной въ селѣ Ильинскомъ	91
LXXVI. Подражаніе Мароту	—
LXXVII. Quatrain adressé à madame Catalani	92
LXXVIII. Стихи въ альбомъ О. Д. А.	—
LXXIX. Мадригалъ (Когда приходитъ часъ съ тобою разставаться)	—
LXXX. Мадригалъ (Злословить кто любовь, зоветь ее бѣдой)	92
LXXXI. Эпиграмма (Завистливость рождаетъ)	—
LXXXII. Эпиграмма (На что мнѣ жизнь)	93
LXXXIII. Эпиграмма (Фордець Клеонъ тебя ласкаетъ)	—
LXXXIV. Эпиграмма (Прозаикъ Сухословъ въ журналѣ увѣряетъ)	—
LXXXV. Эпиграмма (О, какъ болтаньемъ докучаетъ)	—
LXXXVI. Эпиграмма (Амура называютъ богомъ)	—
LXXXVII. Князю П. И. Шаликову	94
LXXXVIII. Совѣтъ огорченному	—
LXXXIX. Справедливый отвѣтъ	—
XC. Великодушіе	—
XCI. Куплеты	—
XCII. Подражаніе Петраркѣ	95

XCIII.	Первая любовь	—
XCIV.	На случай кончины семнадцатилѣтняго юноши, князя С. А. Голицына	96
XCV.	Экспромптъ графу М. Ю. Вѣльгорскому, спросив- шему, который мнѣ годъ	—
XCVI.	Къ Л. С. Пушкину	—
XCVII.	Къ ней	97
XCVIII.	Экспромптъ на прощаніе съ друзьями А. И. и С. И. Тургеневыми	98
XCIX.	Письмо къ В***	—
	С. Счастливый младенецъ (элегія)	—
	СІ. Пѣсня	99
	СІІ. Экспромптъ на отъѣздъ Н. М. Карамзина въ чужіе краи	100
СІІІ.	Мадригаль (Ты хочешь тайну знать мою)	—
СІV.	Эпиграмма (Ты думаешь, что глухъ брюнистый Ермолай)	—
СV.	Бабушка и внучка	—
СVІ.	Эпиграмма (Ахъ, какъ я радъ)	101
СVІІ.	Отрывекъ (Подражаніе Байрону)	—
СVІІІ.	Экспромптъ (Что мнѣ экспромптомъ написать)	101
СІХ.	Элегія (Проснись, родимая, проснись)	—
СХ.	На юнчину ***	103
СХІ.	Эпиграмма (Злослова, говорятъ, совсѣмъ перемѣ- нилась)	103
СХІІ.	Отвѣтъ на вопросъ: что за люди дантисты)	104
СХІІІ.	Умирающій лѣнivecъ	—
СХІV.	Посланіе къ ***	—
СХV.	Цедудка Къ Н* И** С*	105
СХVІ.	Къ Постумію	—
СХVІІ.	Капитанъ Храбровъ (повѣсть въ стихахъ)	106
СХVІІІ.	Къ А. С. Пушкину	113
СХІХ.	Куму-имениннику	—
СХХ.	Къ В. А. Жуковскому	114
СХХІ.	Въ альбомъ К. Г. и Н. В. Л.	—
СХХІІ.	Въ альбомъ дамѣ, которой имя Вѣра	—
СХХІІІ.	А. С. Пушкину	115
	Записки въ стихахъ къ князю П. И. Шаликову	116—130

Проза.

I.	О Каруселяхъ	130
II.	Любовь перваго возраста	136
III.	Рѣчь члена «Вотъ»	141
IV.	Замѣчанія о людяхъ и обществахъ	148

Письма.

I.	Н. М. Карамзину—28-го іюня 1803 г.	144
II.	Н. М. Карамзину—12-го сентября 1803 г.	146
III.	Князю П. А. Вяземскому—14-го декабря 1812 г.	149
IV.	Къ А. С. Пушкину—17-го апрѣля 1816 г.	150
V.	Н. И. Гнѣдичу—начало августа 1816 г.	—
VI.	А. И. и О. С. Павлицевымъ—2-го февраля 1828 г.	151
VII.	Къ М. П. Погодину—29-го іюня 1828 г.	—
	Примѣчанія	—

В. Л. ПУШКИНЪ.

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ).

Василій Львовичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 27-го апрѣля 1770 г. Отецъ его, Левъ Александровичъ, артиллерійскій подполковникъ, принадлежалъ къ числу преданныхъ слугъ Петра III и во время государственнаго переворота 1762 г. отказался присягать Екатеринѣ, за что и былъ посаженъ въ крѣпость, но черезъ два года выпущенъ на свободу. Разставшись навсегда со службою и владѣя большимъ состояніемъ, онъ жилъ въ Москвѣ открыто и роскошно, по временамъ удаляясь въ свои помѣстья, особенно въ село Болдино, Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Отличаясь пылкимъ, жестокимъ характеромъ, Пушкинъ-отецъ былъ совершеннымъ деспотомъ въ своей семьѣ. Первую жену, рожденную Воейкову, онъ уморилъ въ домашней тюрьмѣ за предполагаемую связь съ аббатомъ Николемъ, учителемъ своихъ сыновей, а самого аббата повѣсилъ у себя на дворѣ. Вторая жена Пушкина, Ольга Васильевна Чичерина, хотя и пережила Льва Александровича скончавшагося около 1790 г., но много отъ него натерпѣлась. ¹⁾ Отъ брака съ Ольгой Васильевной Пушкинъ имѣлъ двухъ сыновей: Василю и Сергѣя, родившагося 1771 году, а также двухъ дочерей: Анну, оставшуюся въ дѣвцахъ, и Елизавету, вышедшую впоследствии замужъ за камергера Матвѣя Михайловича Солнцева. Сыновья Пушкина, съ малолѣтства записанные на службу въ Измайловскій полкъ, получили блестящее домашнее образованіе. Главнымъ предметомъ ихъ обученія былъ, конечно, французскій языкъ, которымъ братья Пушкины владѣли въ совершенствѣ. Василій Львовичъ, кромѣ французскаго, изучалъ нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій языки. По окончаніи домашняго курса наукъ, В. Л. Пушкинъ сталъ появляться въ обществѣ. Благодаря свѣтскому образованію въ соединеніи съ природнымъ остроуміемъ и веселымъ, общительнымъ характеромъ, онъ скоро сдѣлался любимцемъ московскихъ салоновъ. Обладая сценическимъ дарованіемъ и искусствомъ декламации, Василій Львовичъ, будучи еще восемнадцати-лѣтнимъ юношей, участвовалъ на всѣхъ почти любительскихъ спектакляхъ, отличался на званныхъ вечерахъ чтеніемъ монологовъ изъ французскихъ трагедій и съ необыкновенною легкостью сочинялъ французскіе куплеты. ²⁾

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. Литературнаго фонда, т. V, 117, 149; VII, 329

²⁾ Записки Вигеля. М. 1891, ч. I, стр. 186.

Явившись на дѣйствительную службу въ Петербургъ, Пушкинъ весь отдался удовольствіямъ столичной жизни, которая вполне соответствовала наклонностямъ молодого, легкомысленнаго гвардейца. Въ это время существовало въ столицѣ дружеское общество «Галера», членами котораго состояли представители золотой молодежи, ставившей себѣ цѣлью жить не только весело, но и разгульно. Пушкинъ, не замедлившій примкнуть къ этому кружку, былъ въ немъ запѣвалой. Въ бумагахъ князя П. А. Вяземскаго сохранился первый куплетъ гѣсни, распѣваемой Пушкинымъ на масляницѣ:

«Пльви, Галера, веселися,
Къ Лиону въ маскарадъ пустися,
Одинъ остался вечеръ намъ!
Тамъ ждуть насъ фрау-баронесса
И сумасшедшая повѣса,
И Лиза Карловна ужъ тамъ. 1)

Ко времени пребыванія Пушкина въ Петербургъ относится и знакомство его съ И. И. Дмитриевымъ, который тогда находился на службѣ въ Семеновскомъ полку.

Дослужившись до чина поручика, Василій Львовичъ въ 1797 году вышелъ въ отставку и поселился на житье въ Москвѣ. 2) Вигель, познакомившійся съ нимъ 1801 году въ селѣ Марфинѣ, у гр. И. П. Салтыкова, такъ описываетъ наружность Пушкина: «Онъ былъ весьма некрасивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще, дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна». 3)

Къ этому приблизительно времени относится и женитьба Пушкина на извѣстной тогда красавицѣ, Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцовой, 4) вѣроятно дочери Мих. Мих. Вышеславцова, также бывшаго гвардейца, а потомъ преподавателя французскаго и нѣмецкаго языковъ въ Троице-Сергіевской семинаріи. Вышеславцовъ занимался литературой, преимущественно переводами, и издавалъ, между прочимъ, сборникъ духовныхъ стихотвореній русскихъ писателей подъ заглавіемъ «Приношеніе религіи», въ которомъ участвовалъ и Пушкинъ. Бракъ Василія Львовича оказался неудачнымъ, и уже въ 1802 году онъ принужденъ былъ развестись съ своею женою

1) Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 492, 505.

2) Гречъ. Опытъ краткой исторіи русской литературы. С.-Пб. 1822, стр. 333.

3) Записки, ч. I, стр. 187.

4) Русскій Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 509.

По семейнымъ преданіямъ Пушкиныхъ, виною разрыва была сама Капитолина Михайловна. ¹⁾

Издавна лелѣя мечту о посѣщеніи Парижа, Василій Львовичъ въ концѣ апрѣля 1803 г. отиравился въ заграничное путешествіе ²⁾ и въ теченіе 1803—1804 гг. посѣтилъ Германію, Францію и Англію. Во все время своего путешествія онъ велъ переписку съ друзьями, ³⁾ но къ сожалѣнію изъ этой переписки дошли до насъ только два его письма къ Карамзину, напечатанныя въ Вѣстникѣ Европы 1803 г. Въ этихъ письмахъ Пушкинъ является просвѣщеннымъ, любознательнымъ путешественникомъ, интересы котораго преимущественно сосредоточивались на литературѣ и театрѣ. Какъ въ Берлинѣ, такъ въ особенности въ Парижѣ Пушкинъ сходилъ съ различными литературными знаменитостями того времени и усердно посѣщаль спектакли. Желая, познакомиться Французовъ съ нашею народною поэзіей, Пушкинъ перевелъ на французскій языкъ нѣсколько старинныхъ русскихъ пѣсень, которые тогда же и были напечатаны въ журналѣ графа Сегюра «Archives littéraires». Въ Парижѣ Пушкинъ познакомился, между прочимъ, съ знаменитымъ трагикомъ Тальмою, у котораго Василій Львовичъ бралъ уроки декламаціи. ⁴⁾ О пребываніи Пушкина въ Англіи не сохранилось никакихъ извѣстій, кромѣ указаній И. И. Дмитріева и М. Н. Макарова, коротко знавшихъ Василю Львовича. Во время своего путешествія Пушкинъ собралъ драгоцѣнную библіотеку изъ лучшихъ изданій латинскихъ, французскихъ и англійскихъ писателей; многія изъ книгъ его собранія принадлежали королевской и другимъ богатымъ до революціи французскимъ библіотекамъ, такъ что извѣстный библіоманъ того времени, гр. Д. П. Бутурлинъ, завидовалъ сокровищамъ Пушкина, а самъ владѣлецъ ихъ очень гордился своимъ приобрѣтеніемъ. ⁵⁾

По возвращеніи изъ-за границы, Пушкинъ зажилъ веселою, беззаботною жизнью еще не стараго холостяка, вполне обеспеченаго съ матеріальной стороны. Князь Вяземскій, познакомившійся въ это самое время съ Василюемъ Львовичемъ, говоритъ, что «Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣтъ онъ былъ съ парижской иглочки съ головы до ногъ; прическа à la Titus, углаженная, умащенная huile antique. Въ простодушнои самохвальствѣ давалъ онъ дамамъ обнюхивать голову свою» ⁶⁾. Отличаясь радушіемъ и гостепримствомъ, Василій Львовичъ устраивалъ у себя званые

¹⁾ Д. Н. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. М. 1890, стр. 11, 200.

²⁾ Московскій Вѣдомости 1803 г., стр. 552.

³⁾ Дамскій Журналъ 1830 г., ч. XX XI, № 28, стр. 168.

⁴⁾ Соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. 309

⁵⁾ Дамскій Журналъ 1830 г., ч. XXXI, № 28, стр. 168--169.

⁶⁾ Соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. XXIХ.

обѣды, пріятельскія пирушки и литературные вечера, которые охотно посѣщались московскими литераторами. Какъ и въ дни своей юности, онъ усердно ѣздилъ въ театры, собранія, участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ и увеселялъ общество фарсами, провербами, шарадами, французскими куплетами своего сочиненія и экспромптами, иногда заимствованными изъ французскихъ альманаховъ. Но ни въ чемъ такъ не отличался Василій Львовичъ, какъ въ стихахъ на заданныя рѣмы: въ мастерствѣ и проворствѣ писать *bouts-rimés* никто не могъ съ нимъ сравняться. Въ такомъ родѣ было написано имъ «Разсужденіе о жизни, смерти и любви», которое онъ прочелъ однажды на вечерѣ у старика Хераскова, чѣмъ привелъ въ совершенное недоумѣніе и даже разсердилъ русскаго Гомера ¹⁾.

Послѣ заграничной поѣздки, Пушкинъ съ особеннымъ рвеніемъ сталъ заниматься литературой, начавъ дѣятельно сотрудничать въ различныхъ московскихъ и петербургскихъ журналахъ и альманахахъ. Склонность къ литературнымъ занятіямъ проявилась у Василія Львовича очень рано. Онъ съ юныхъ лѣтъ, еще будучи въ отцовскомъ домѣ, удѣлялъ свободныя минуты «поэзіи святой»; знакомство же съ Карамзинымъ, Дмитріевымъ и одобреніе послѣдняго окончательно побудили Пушкина открыто выступить на литературное поприще. Въ 1793 году, въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ», который издавался Крыловымъ и Клушинымъ, появилось первое его печатное стихотвореніе: «Къ камину», безъ имени автора, и, по словамъ С. Н. Глинки, имѣло въ то время большой успѣхъ ²⁾. Съ прекращеніемъ этого журнала стихотворные опыты Пушкина стали появляться въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», которое редактировалось Подшивалевымъ и Сохацкимъ, а затѣмъ въ «Аонидахъ» Карамзина, въ «Вѣстникѣ Европы» и во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Будучи сторонникомъ Карамзина, какъ по личнымъ отношеніямъ, такъ и по литературнымъ убѣжденіямъ, Василій Львовичъ принялъ дѣятельное участіе въ спорѣ, возникшемъ между послѣдователями новой школы писателей, представителемъ которой былъ Карамзинъ, и старой, защитникомъ которой явился Шишковъ, напечатавшій въ 1803 году свое «Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ русскаго языка». Съ появленіемъ этого сочиненія между двумя враждующими сторонами завязалась оживленная полемика, продолжавшаяся до 1810 года, когда, наконецъ, въ защиту карамзинистовъ выступилъ Д. В. Дашковъ, который, благодаря своимъ знаніямъ, таланту и замѣчательному остроумію, явился однимъ изъ

¹⁾ М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 30—31, 91.—Соч. К. П. Батюшкова, т. III, стр. 152.

²⁾ Русскій Вѣстникъ 1863 г., № 4, стр. 795.

опаснѣйшихъ противниковъ Шишкова. Разборомъ «Перевода двухъ статей изъ Лагарпа» («Цвѣтникъ» 1810 г., №№ 11 и 12) и брошюрой «О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики» (1811) Дашковъ окончательно разбилъ Шишкова, прекративъ съ нимъ дальнѣйшую полемику. Въ это же время и Пушкинъ, находясь въ Петербургѣ, напечаталъ въ декабрьской книжкѣ «Цвѣтника» за 1810 г. посланіе къ Жуковскому, въ которомъ, осмѣявъ «весь соборъ безграмотныхъ Славянъ», проводилъ ту мысль, что живой языкъ, какъ и всякій живой организмъ, долженъ подвергаться измѣненіямъ. Отвѣтомъ Дашкову и Пушкину явилось «Разсужденіе о краснорѣчїи Священнаго Писанія», напечатанное Шишковымъ въ 1811 году, но предварительно читанное въ годичномъ собранїи Россійской Академіи 3-го декабря 1810 г. Это разсужденіе, доказывающее тожество языковъ славянскаго и русскаго, заключало въ себѣ и личные намеки на Пушкина, котораго Шишковъ выставлялъ чловѣкомъ сомнительной нравственности и обвинялъ въ безбожїи. Но въ то время какъ глава «безграмотныхъ Славянъ» громилъ Василія Львовича въ стѣнахъ Россійской Академіи, послѣдній уже уѣхалъ въ Москву; лѣтомъ же слѣдующаго года возвратился въ сѣверную столицу вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Александромъ Сергѣевичемъ, котораго привезъ для опредѣленія въ лицей. По прїѣздѣ въ Петербургъ, Пушкинъ не замедлилъ отвѣтомъ на грубую, неприличную выходку Шишкова и издалъ отдѣльной брошюрой «Два посланія» съ предувѣдомленіемъ, въ которомъ объяснилъ мотивы ихъ появленія. Одно изъ посланій, къ Жуковскому, было уже прежде напечатано въ «Цвѣтникѣ»; другое, — къ Дашкову, являлось впервые. Въ послѣднемъ изъ нихъ авторъ съ достоинствомъ оправдывается отъ взводимыхъ на него обвиненій и въ свою очередь уличаетъ всѣхъ вообще «раскольниковъ-Славянъ», а въ частности и Шишкова, въ невѣжествѣ, ханжествѣ и въ стремленїи заглушить сѣмена науки въ своемъ отечествѣ, стать тормазомъ истиннаго просвѣщенія.

Въ 1811 году Пушкинъ написалъ и своего «Опаснаго Сосѣда», живую, остроумную сатиру во вкусѣ извѣстнаго французскаго писателя Ренье, въ которой осмѣялъ, между прочимъ, и ненавистныхъ ему славянофиловъ: Шишкова, кн. С. А. Шихматова и кн. Шаховскаго. Сатира Пушкина доставила ему литературную извѣстность и между современниками, и въ потомствѣ. Появленіе «Опаснаго Сосѣда» вызвало удивленіе и оживленные толки среди прїятельскаго кружка, къ которому принадлежалъ авторъ. Такъ, Батюшковъ, имѣвшій вообще невысокое мнѣніе о талантѣ Пушкина, находилъ его сатиру изящнымъ, оригинальнымъ поэтическимъ произведеніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ «вялою музою» Ва-

силія Львовича ¹⁾. Такое же мнѣніе о сатиричѣ дяди высказалъ въ послѣдствіи и его знаменитый племянникъ ²⁾. Даже Воейковъ, въ своемъ «Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ», опредѣляя мѣсто служенія Пушкина «при водяной коммуникаціи», замѣтилъ: «Имѣеть въ петлицѣ листочекъ лавра, съ надписью: «За Буянова» ³⁾.

С. Д. Полторацкій, въ предисловіи ко второму изданію «Опаснаго Сосѣда», напечатаннаго въ Лейпцигѣ въ 1855 году, рассказываетъ, что въ маѣ 1830 г., предъ своимъ отъѣздомъ за границу, онъ въ послѣдній разъ видѣлся съ Пушкинымъ въ домѣ его на Басманной. Находясь въ обыкновенномъ своемъ веселомъ расположеніи духа, Василій Львовичъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Милый мой, ты, вѣроятно, будешь въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, Парижѣ; тамъ есть русскія типографіи. Потѣшь меня, пожалуйста: напечатай моего «Опаснаго Сосѣда», лучшее и удачнѣйшее изъ моихъ стихотвореній. Оно извѣстно въ Россіи только въ рукописи, и жаль если пропадетъ и не дойдетъ до потомства. Вотъ тебѣ исправный списокъ: тисни его и тѣмъ порадууй меня». Всѣ присутствующіе разсмѣялись, услышавъ просьбу хозяина дома. Полторацкій однако не далъ обѣщанія исполнить желаніе автора, полагая, что это окажется невозможнымъ. Только черезъ 25 лѣтъ по смерти Пушкина, узнавъ, что «Опасный Сосѣдъ» былъ еще въ 1815 году налитографированъ въ Мюнхенѣ при главной квартирѣ русской арміи, Полторацкій исполнилъ просьбу покойнаго, который и самъ не зналъ о существованіи изданія 1815 г.

Наступилъ двѣнадцатый годъ. Извѣстіе о вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи и дальнѣйшіе его успѣхи въ связи съ опасностью, грозившей древней столицѣ произвели удручающее впечатлѣніе на Москвичей. Всеобщій упадокъ духа невольно отразился и на беззаботномъ Василіи Львовичѣ. Онъ на время какъ-то затихъ, прісмирѣлъ и уже не рѣшался высказывать свои симпатіи къ Франціи и вспоминать то счастливое время, когда, находясь въ Парижѣ, представлялся первому консулу.

Съ приближеніемъ Наполеона къ Москвѣ Пушкинъ удалился въ Нижній-Новгородъ, гдѣ собралось тогда все лучшее московское общество. Въ пожарѣ Москвы Василій Львовичъ потерялъ всю свою подвижность, въ томъ числѣ и драгоценную бібліотеку. Находясь въ самомъ критическомъ положеніи, лишанный даже необходимаго, Пушкинъ не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій стихотворствомъ и тогда же успѣлъ сочинить посланіе къ жителямъ Нижняго-Новгорода, въ послѣдствіи осмѣянное Дмитриевымъ. Не упуская случая развлечься, Василій Львовичъ часто посѣщалъ Архаровыхъ и ниже-

¹⁾ Сочиненія, т. III, стр. 118, 128, 132, 255.

²⁾ Соч. А. С. Пушкина, т. VII, стр. 28.

³⁾ Главное дѣйствующее лицо въ «Опасномъ Сосѣдѣ».

городскаго вице-губернатора Крюкова, къ которымъ время отъ времени собиралось все многолюдное общество московскихъ аристократовъ. Обѣды, ужины, балы, маскарады совершенно успокоили легкомысленнаго бѣглеца, который, среди каламбуровъ, комическихъ препирательствъ съ А. М. Пушкинымъ, своимъ четверюроднымъ братомъ, и горячихъ споровъ съ И. М. Муравьевымъ о превосходствахъ французской литературы, позабылъ и о народныхъ бѣдствіяхъ, и о своихъ личныхъ невзгодахъ ¹⁾. Побывавъ въ Петербургѣ, Пушкинъ въ концѣ февраля 1813 г. выѣхалъ въ Москву, какъ-разъ на канунъ чтенія «Расхищенныхъ Шубъ» въ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова. ²⁾ Этой комической поэмой, игравшей забавную роль въ полемикѣ карамзинистовъ съ шишковистами, князь Шаховской отмстилъ Василию Львовичу за «Опаснаго Сосѣда», заставивъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ своей піесы пародировать стихи Пушкина. Расплатившись съ Пушкинымъ, авторъ «Расхищенныхъ Шубъ» выступилъ противъ Жуковскаго, котораго и осмѣялъ въ «Липецкихъ Водахъ», какъ нѣкогда осмѣялъ Карамзина въ «Новомъ Стернѣ». Комедія Шаховскаго, представленная 23-го сентября 1815 г., вызвала дѣлую бурю негодованія среди того кружка, къ которому принадлежалъ Жуковскій. На Шаховскаго посылался градъ ѣдкихъ эпиграммъ и было написано много полемическихъ статей, между которыми особенно выдѣлялось «Письмо къ новѣйшему Аристофану», принадлежащее перу Д. В. Дашкова. Авторъ выставилъ кн. Шаховскаго недоброжелателемъ всѣхъ возникающихъ талантовъ, интриганомъ, завистникомъ и прямо указалъ на него, какъ на виновника гибели Озерова. Пушкинъ также присоединился къ общему хору обвинителей Шаховскаго и написалъ посланіе къ кн. Вяземскому, въ которомъ сѣтовалъ на злую критику «завистниковъ невѣждъ», всѣми силами старающихся унижить истинный талантъ. Говоря о враждѣ къ Карамзину, онъ вспоминаетъ и Озерова, печальная судьба котораго была тѣсно связана съ именемъ Шаховскаго. Затѣмъ, обращаясь къ своей «безвѣстной долѣ», указываетъ на собственныхъ злоповъ, между которыми оказался и Каченовскій, встрѣтившій неблагопріятнымъ отзывомъ брошюру Пушкина «О каруселяхъ», напечатанную еще въ 1811 году. Вяземскій и Жуковскій отвѣчали Пушкину также посланіями, при чемъ въ одномъ изъ нихъ Жуковскій говоритъ:

Послушай, Пушкинъ-другъ, твой слогъ отмѣнно чистъ;
Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,

И никогда твой слогъ не ковыляетъ.

Но, кажется, что ты подь-часъ многорѣчистъ,
Что стихотворный жаръ твой могъ бы быть живѣе,
А выраженія короче и сильнѣе.
Еще же есть и то, что ты, мой другъ, подь-часъ

¹⁾ Соч. К. Н. Батюшкова, т. II, стр. 517.

²⁾ Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 216.

Предметъ свой забываешь:
Твое посланье въ томъ живой примѣръ для насъ.

Другое же посланіе Жуковскаго начиналось такъ:

Ты, Вяземскій—прямой поэтъ!
Ты, Пушкинъ—стихотворецъ-горе!

на что Василій Львовичъ, конечно, обидѣлся, и потому въ печати стихи эти были замѣнены другими ¹⁾.

Выходка кн. Шаховскаго противъ Жуковскаго послужила внѣшнимъ поводомъ къ основанію Арзамасскаго общества, членами котораго сдѣлались талантливѣйшіе, передовые люди своего времени, сочувствовавшіе карамзинской реформѣ и задавшіеся цѣлью образовать изъ своего кружка противовѣсъ Бесѣдѣ любителей русскаго слова.

Въ началѣ 1816 г. Василій Львовичъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ и кн. Вяземскимъ, а въ концѣ марта съ ними же воротился въ Москву ²⁾. Ко времени пребыванія Пушкина въ Петербургѣ относится и избраніе его въ члены Арзамаса. По словамъ кн. Вяземскаго, Василя Львовича увѣрили, что это общество — родъ литературнаго масонства, и что при вступленіи въ него необходимо подвергнуться нѣкоторымъ, довольно тяжелымъ испытаніямъ. Пушкинъ, который еще съ 1810 г. былъ настоящимъ масономъ ³⁾, охотно согласился. Принятіе его въ Арзамасъ происходило въ домѣ С. С. Уварова и сопровождалось торжественнымъ и смѣшнымъ церемоніаломъ, главнымъ изобрѣтателемъ котораго былъ Жуковскій. Пушкина ввели въ одну изъ комнатъ верхняго этажа, положили на диванъ и накрыли шубами всѣхъ присутствующихъ членовъ общества — намекъ на «Расхищенныя Шубы» кн. Шаховскаго. Потомъ его нарядили въ хитонъ, украшенный раковинами, надѣли на голову шляпу съ широкими полями, дали въ руку посохъ и съ завязанными глазами долго водили съ лѣстницы на лѣстницу, бросая подъ ноги хлопучки, пока, наконецъ, не привели его въ нижній этажъ и помѣстили въ комнату, находящуюся передъ самымъ кабинетомъ ихъ превосходительства геніевъ Арзамаса. Кабинетъ былъ ярко освѣщенъ, а комната, гдѣ стоялъ Пушкинъ, оставалась темною и отдѣлялась отъ него аркою съ занавѣскою огненнаго цвѣта. Когда Василю Львовичу развязали глаза, ему представилось на вѣшалкѣ, покрытой холстомъ, огромное, безобразное чучело, означающее дурной литературный вкусъ или Пинкова. Пушкину подали лукъ, стрѣлы и велѣли поразить чудовище на груди котораго красовался ярлыкъ съ надписью изъ «Телема-

¹⁾ Соч. кн. Вяземскаго, т. III, стр. 73—74; Соч. Жуковскаго, изд. 8-е, т. I, стр. 433—434.

²⁾ П. Загаринъ. В. А. Жуковскій и его произведенія. М. 1883, стр. 199.

³⁾ Соч. Батюшкова, т. II, стр. 519.

хиды» Тредіаковскаго: «Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лайя». Василій Львовичъ пустилъ стрѣлу и упалъ отъ страха, потому что въ тотъ же моментъ выстрѣлилъ изъ пистолета мальчижъ, скрытый за холстомъ, и повалилъ чучело. Послѣ этого Пушкина ввели за занавѣску и дали въ руки эмблему Арзамаса — мерзлаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать во все время, пока ему говорили привѣтственные рѣчи: Жуковскій, Сѣверинъ, Данковъ, Блудовъ и кн. Вяземскій. Полныя остроумія, рѣчи Арзамасцевъ были посвящены осмѣянію Бесѣды любителей русскаго слова и Московскаго общества любителей словесности. Наконецъ, послѣ цѣлованія лиры и изображенія совы, вѣрной спутницы арзамасскаго гуся, Пушкину поднесли серебряный тазъ съ рукомылникомъ и велѣли умыться, объяснивъ что это прообразуетъ «Липецкія Воды» кн. Шаховскаго. Послѣ этого Пушкинъ, какъ членъ Московскаго общества любителей словесности, которое у Арзамасцевъ отождествлялось съ петербургскою Бесѣдой, долженъ былъ самому себѣ произнести надгробное слово, но, считая себя воскресшимъ, Василій Львовичъ «отпѣлъ» на этотъ разъ бесѣдчика кн. С. А. Шихматова. Съ окончаніемъ обряда посвященія Пушкинъ, согласно принятому обычаю, получилъ особое прозвище, ставъ именоваться членомъ «Вотъ». Впослѣдствіи же, съ полученіемъ титула старосты Арзамаса, Василій Львовичъ назывался «Вотъ я васъ» ¹⁾.

Вскорѣ послѣ своего избранія въ члены Арзамаса Василій Львовичъ отправился въ Москву, откуда и прислалъ въ общество сочиненные имъ въ дорогѣ стихи на заданныя рѣмы, нѣсколько эпиграммъ и посланіе къ Устиньѣ ²⁾. По этому поводу, въ маѣ 1816 г., состоялось чрезвычайное собраніе Арзамаса, на которомъ присутствовали: Сѣверинъ, Уваровъ, Полетика, А. И. Тургеневъ, Жихаревъ, Вигель и Блудовъ. Присланныя стихотворенія Пушкина были найдены «безстыдными» и «свиноподобными» произведеніями, годными для Бесѣды и Академіи, но позорящими весь Арзамасъ. По юмористическому приговору собравшагося судилища Пушкинъ признавался достойнымъ «конечнаго изверженія изъ нѣдръ Арзамаса», но въ виду прежнихъ заслугъ оставленъ въ немъ, съ лишеніемъ однако званія старосты и своего прозвища, въ замѣнъ котораго нареченъ «Ватрушкой». Опальному члену «Ватрушкѣ» сверхъ того вмѣнялось въ обязанность принести покаяніе хорошими стихами ³⁾.

¹⁾ Записки Вигеля, ч. V, стр. 41—43; Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 416—426; М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 88—89.

²⁾ Изъ всѣхъ этихъ стихотвореній сохранилась только эпиграмма на Шихматова, которую Василій Львовичъ сообщилъ А. С. Пушкину въ письмѣ къ нему отъ 17-го апрѣля 1817 г.

³⁾ Приложенія къ отчету И. П. Библиотеки за 1887 г., стр. 68—82.

Василій Львовичъ, обиженный притворомъ Арзамасцевъ, отвѣчалъ имъ посланіемъ. Упрекнувъ сочленовъ въ неблагодарности къ его литературнымъ заслугамъ, онъ обвинялъ ихъ въ легкомысленномъ отношеніи къ задачамъ Арзамаса, который, въ видахъ общественной пользы, долженъ былъ вести открытую и серьезную борьбу съ невѣжествомъ, а не исключительно заниматься шутками и пародіями среди замкнутого кружка своихъ-же единомышленниковъ. Впослѣдствіи мысль Пушкина, гораздо опредѣленнѣе и шире, была высказана Н. И. Тургеневымъ и въ особенности М. Ѳ. Орловымъ, позднѣйшими и болѣе авторитетными сравнительно съ Пушкинымъ членами Арзамаса, но по силѣ сложившихся обстоятельствъ осталась безъ примѣненія.

16-го августа 1816 г. посланіе Пушкина было рассмотрѣно въ засѣданіи Арзамаса и найдено хорошимъ; нѣкоторые же стихи въ отдѣльности—сильными и прекрасными. По единогласному приговору всѣхъ членовъ Василю Львовичу было возвращено званіе старосты и прозвище «Вотъ я васъ», съ прибавленіемъ слова «опять». Добродушный Василю Львовичъ былъ въ такомъ восхищеніи, что ѣздилъ по Москвѣ и разсказывалъ всѣмъ о своемъ примиреніи съ Арзамасцами.¹⁾

Хотя по своимъ литературнымъ понятіямъ Пушкинъ былъ классикомъ и не ощущивалъ возникшему на его глазахъ романтическому направленію, но одно время невольно увлекся Байрономъ и, подчинившись могучему вліянію послѣдняго, занимался даже переводомъ одной изъ его поэмъ, вѣроятно «Паризины», отрывокъ изъ которой и былъ напечатанъ въ «Литературномъ Музеумѣ» на 1827 г. Симпатіи же свои къ старому французскому классицизму Пушкинъ вполне опредѣленно выразилъ въ статьѣ: «Замѣчанія о людяхъ и обществѣ». Нѣсколько позднѣе онъ предпринялъ цѣлый литературный походъ противъ «модныхъ романтиковъ», начавъ печатать поэму «Капитанъ Храбровъ», въ которой осмѣивалъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ представителей новой школы, а также и подражавшихъ имъ русскихъ поэтовъ. Пушкинъ и началъ свою повѣсть съ того, что пародировалъ Козлова, который въ 1828 году издалъ поэму «Княгиня Н. Б. Должорукая».

В. Г. Пушкинъ былъ однимъ изъ второстепенныхъ представителей такъ называемой легкой поэзіи и, какъ поклонникъ совершенства формы, старался подражать Дмитріеву. Дѣйствительно, по характеру своей литературной дѣятельности онъ близко подходитъ къ Дмитріеву, который цѣнилъ въ поэзіи одну только плавность стиха и богатую риму. Съ стороны же идеи произведенія Пушкина отличаются безсодержательностью, которой не отрицали и современники Василю Львовича, цѣнившіе въ немъ только правильность и плавность стиха.

¹⁾ М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 90.

Обладая лишь въ незначительной степени даромъ оригинальнаго творчества и преклоняясь предъ l'Art poétique — этимъ кодексомъ французскаго классицизма, Пушкинъ преимущественно занимался переводами и подражаніями древне-римскимъ классикамъ, французскимъ и частію итальянскимъ поэтамъ. Чуждаясь торжественной лирики, онъ писалъ сатиры, пѣсни, басни, сказки, элегіи, эпиграммы, мадригалы и модныя въ его время посланія, перешедшія въ Россію изъ Франціи въ началѣ XIX вѣка. Кромѣ русскихъ стиховъ, Пушкинъ писалъ и французскіе, о которыхъ кн. Вяземскій отзывался съ похвалою ¹⁾. Въ «Bulletin du Nord» 1828 г., № 1, напечатанъ, между прочимъ, «Le Schâle noir» — вольный переводъ стихами извѣстной піесы А. С. Пушкина. Находясь подъ гнетомъ господствовавшей теоріи, Пушкинъ только однажды освободился отъ нея, написавъ «Опаснаго Сосѣда» — остроумную, живую сатиру, отличающуюся картиннымъ, но уже слишкомъ реальнымъ изображеніемъ выбранной темы. Но, говоря вообще о безсодержательности пушкинскихъ произведеній, не должно забывать его посланій къ Жуковскому, Дашкову, Вяземскому и къ Арзамасцамъ, посланій, въ которыхъ онъ является горячимъ поборникомъ карамзинской реформы, вполне сознающимъ, что борьба послѣдователей стараго и новаго слога въ сущности была борьбою обскурантизма съ цивилизаціей. Хотя въ полемикѣ, возникшей между двумя враждебными лагерями голосъ Пушкина и не имѣлъ рѣшающаго значенія, но Василій Львовичъ заявилъ себя въ этой полемикѣ просвѣщеннымъ, передовымъ человѣкомъ, твердо убѣжденнымъ въ правотѣ дѣла, которое открыто взялся защищать.

Вообще, Пушкинъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ Москвитей своего времени, но отчасти по легкомыслію, отчасти по своей простотѣ и необыкновенному добродушію не сумѣлъ приобрести должнаго авторитета въ глазахъ современниковъ. Крайне легковѣрный и довѣрчивый къ людямъ, Пушкинъ часто подвергался разнымъ мистификаціямъ со стороны своихъ пріятелей, на которыхъ иногда обижался, но не могъ сердиться. Особенно частыя ссоры, обыкновенно кончавшіяся примиреніемъ, происходили у него съ А. М. Пушкинымъ, котораго Василій Львовичъ никакъ не хотѣлъ признать поэтомъ, а послѣдній въ свою очередь осмѣивалъ стихи Василя Львовича, называя ихъ жиденью. «Твои басни», говорилъ онъ. — «такъ пусты содержаніемъ своимъ, что скоро будешь ты ограничиваться одними заглавіями и писать, и печатать: Осель и Коровъ, басня; Попугай и Левъ, басня и т. д.» ²⁾ Но однажды Василій Львовичъ серьезно обидѣлся на Алексія Михай-

¹⁾ Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 489.

²⁾ Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 476, 488.

ловича, распустившаго слухъ о его смерти, и отвѣчала ему укоризненнымъ посланіемъ.

Добродушіе Пушкина вполне выразилось и въ посланіи къ Арзамасцамъ. Таковъ онъ является и въ отзывѣхъ современниковъ, которые, сверхъ того, отмѣтили и нѣкоторыя слабыя и смѣшныя стороны его характера, какъ напримѣръ страсть къ щегольству и чтенію своихъ и чужихъ стиховъ. Къ такого рода отзывамъ принадлежитъ и извѣстное шуточное стихотвореніе И. И. Дмитріева («Путешествіе въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія»), въ которомъ, выражаясь словами А. С. Пушкина, «съ удивительною точностію изображенъ весь Василій Львовичъ»¹⁾. Тотъ же Дмитріевъ подмѣтилъ и разные маневры Пушкина при чтеніи стиховъ: «Онъ то восторженно прочтетъ стихотвореніе, то нѣсколькими тонами понизитъ свое чтеніе, то ухватится за первый попавшійся предлогъ и прочтетъ стихи свои какъ будто случайно».²⁾ Пушкинъ въ особенности отличался мастерскимъ чтеніемъ басенъ, такъ что на засѣданія въ Обществѣ любителей россійской словесности съѣзжались многіе Москвичи именно затѣмъ, чтобы послушать Василя Львовича. Что касается его щегольства, то оно дѣйствительно доходило до смѣшного. Вигель, описывая свое знакомство съ Василюмъ Львовичемъ, рассказываетъ, что послѣдній, узнавъ о пріѣздѣ въ Петербургъ французскаго дипломатическаго агента Дюрока, представлявшаго изъ себя картинку моднаго журнала, немедленно туда поскакалъ, единственно для того, чтобы позаимствоваться послѣдними новостями французскаго туалета. Возвратившись изъ Петербурга, онъ изумилъ всѣхъ толстымъ и длиннымъ жабо, короткимъ фраккомъ и головою въ мелкихъ, курчавыхъ завиткахъ, какъ баранья шерсть, что называлось тогда à la Дюрокъ³⁾.

Друзья Пушкина, хотя и посмѣивались надъ нимъ, однако искренно любили Василя Львовича, въ особенности Арзамасцы, вѣщавшіе его своимъ старостой и арзамасскимъ прокуроромъ. Плохой знатокъ практической жизни, но безконечно добрый, готовый, по выраженію Дмитріева, «обнять, любить весь свѣтъ», Василюмъ Львовичъ, удачно прозванный другомъ юности и всякихъ лѣтъ, до конца жизни сохранилъ свѣжесть, молодость чувствъ, почему и тяготѣлъ постоянно къ юному поколѣнію. Не нарушая старинныхъ дружескихъ связей съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, Пушкинъ сдѣлался пріятелемъ Жуковскаго, Батюшкова, Блудова, Дашкова, братьевъ Тургеневыхъ и другихъ, болѣе молодыхъ Арзамасцевъ. Князя Вяземскаго, который былъ моложе его 22 годами, Пушкинъ

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. Литературнаго фонда, т. V, стр. 212.

²⁾ Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 71.

³⁾ Записки Вигеля, ч. I. М. 1891, стр. 188.

любить съ особенною вѣжностію; былъ съ нимъ на ты и находился въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Зять Пушкина; Солицевъ; подшучивая надъ Василюмъ Львовичемъ, говорилъ, что сердечныя привязанности его дѣлятся на три степени: первая — сестра Анна Львовна, вторая — Вяземскій, третья — односторонній фракъ, который выкроилъ онъ изъ стараго сюртука по новомодному покрою фрака, привезеннаго въ Москву Павломъ Ржавскимъ. Иронизируя надъ Василюмъ Львовичемъ за его пристрастіе къ молодежи, чопорный И. И. Дмитріевъ замѣчалъ, что въ концѣ концовъ Пушкинъ будетъ выбирать себѣ друзей между грудными младенцами, потому что, чѣмъ болѣе старѣетъ, тѣмъ все болѣе сближается съ новѣйшими поколѣніями ¹⁾.

Между сверстниками своими Пушкинъ особенно отличалъ князя П. И. Шаликова, съ которымъ находился въ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Дружба съ нимъ объясняется чисто личной симпатіей. Что же касается литературной дѣятельности Шаликова, то Василій Львовичъ не могъ ей сочувствовать, такъ какъ вообще не одобрялъ «слезливыхъ стиходѣвъ» — неудачныхъ подражателей Карамзина, которыхъ еще въ 1796 году осмѣялъ въ «Письмѣ къ И. И. Дмитріеву».

Изъ вѣхъ своихъ родственниковъ мужскаго поколѣнія Василій Львовичъ особенно любилъ брата, Сергѣя Львовича, съ которымъ его соединяла, помимо кровныхъ узъ, и тѣсная дружба, основанная на сходствѣ характеровъ. Любовь къ брату перешла и на знаменитаго племянника, который росъ на глазахъ Василя Львовича и на его же глазахъ выступилъ на литературное поприще. Первые опыты Александра Сергѣевича были приняты дядею съ истиннымъ восхищеніемъ. Возлагая большія надежды на гениальнаго юношу, Василій Львовичъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ его могучаго дарованія, и каждое новое произведеніе Александра Сергѣевича возбуждало неподдѣльный восторгъ въ дядѣ, который и выражалъ его въ своихъ посланіяхъ къ племяннику. Что касается Александра Сергѣевича, то онъ, хотя искренно любилъ своего дядю, но, скептически относясь къ его литературной дѣятельности, иногда посмѣивался надъ нимъ. Такъ, когда Василій Львовичъ, отвѣчая на стихотворное посланіе племянника, называлъ его въ письмѣ братомъ по Аполлону, то молодой Пушкинъ иронически возражалъ ему:

Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совѣтъ не брать:
 Вы дядя мой и на Парнассѣ.

Но, благодущіе Василя Львовича не имѣло границъ, и добрыя родственныя отношенія между племянникомъ и дядею сохранились до конца жизни Василя Львовича.

¹⁾ Соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. XXIX

Послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ безвыѣздно провелъ въ Москвѣ. Не смотря на разстройство денежныхъ дѣлъ, онъ по прежнему жилъ на широкую ногу, устраивая у себя на Басманной литературные вечера, пріятельскія пирушки и обѣды; самъ же, стрададая подагрой, рѣдко выѣзжалъ изъ дому. За годъ до смерти Пушкина съ нимъ познакомился А. А. Кононовъ, который въ своихъ любовныхъ запискахъ такъ отзывается о немъ: «Старикъ, чуть движущійся отъ подагры, его мучившей, небольшой ростомъ, съ открытой физиономіей, съ сѣдыми, немногими остававшимися еще на головѣ волосами, очень веселый балагуръ — вотъ что видѣлъ я въ немъ при первомъ свиданіи. При дальнѣйшемъ знакомствѣ я на шель въ немъ любезнаго, добраго, откровеннаго и почтеннаго человѣка; не генія, какимъ былъ его племянникъ, даже не безъ прѣдразсудковъ, но человѣка, какихъ немного, человѣка, о которомъ всегда буду вспоминать съ уваженіемъ и признательностью» ¹⁾.

И во время своей тяжелой болѣзни Василій Львовичъ не переставалъ интересоваться литературой; еще на канунѣ смерти онъ говорилъ Александру Сергѣевичу: «Какъ скучны статьи Катенина», разумѣя подъ ними «Размышленія и разборы», печатавшіеся въ «Литературной Газетѣ» 1830 г. Современники рассказываютъ, что услышавъ эти слова, Александръ Сергѣевичъ тихо удалился изъ комнаты умирающаго дяди, сказавъ окружающимъ: «Господа, выдѣмте; пусть это будутъ его послѣднія слова» ²⁾. Въ письмѣ къ П. А. Шлетневу, описывая смерть дяди, Александръ Сергѣевичъ прибавляетъ: «Вотъ что значить умереть честнымъ воиномъ на шитѣ, *le cri de guerre à la bouche*» ³⁾. Въ самый день кончины, 20-го августа 1830 г., посѣтилъ Василю Львовича его любимецъ, кн. Вяземскій, котораго онъ узналъ и радостно привѣтствовалъ, а чрезъ нѣсколько часовъ тихо скончался, во время чтенія молитвъ при соборованіи масломъ ⁴⁾.

23-го августа происходили похороны В. Л. Пушкина въ Донскомъ монастырѣ. Кромѣ Александра Сергѣевича, другихъ родственниковъ и ближайшихъ друзей, покойнаго провожала вся литературная Москва, безъ различія партій, съ И. И. Дмитриевымъ во главѣ.

¹⁾ Библиографическія Записки 1859 г., ст. 306—307.

²⁾ Р. Архивъ 1870 г., ст. 1369.

³⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. Литературнаго фонда, т. VII, стр. 236.

⁴⁾ Соч. кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 137.—Л. Н. Павлицевъ. Изъ семейной хроники, стр. 223—224.

БАСНИ И СКАЗКИ.

I.

МИРЗА И СОЛОВЕЙ.

Мирза, любимый сынъ великаго Могола,
Однажды въ рощицѣ съ наставникомъ гулялъ;
Отъ скуки дѣлать что, незналъ,
А скука, говорятъ, живеть и у престола;
Вельможи и князья зѣваютъ чаще насъ,
И вѣкомъ кажется иной вельможамъ часъ.
Но дѣло не о томъ. Мирза гулялъ въ лѣсочкѣ;
Тамъ, сидя на кусточкѣ,
Лѣсныхъ пѣвцовъ Моголь пѣлъ громко и свисталъ
И пѣниемъ своимъ дивилъ и восхищалъ.
Мирза, какъ царскій сынъ, и въ клѣточку скорѣе
Пернатого пѣвца желалъ бы посадить.
Въ чертогахъ, думалъ онъ, жить птичкѣ веселѣе —
И ну ее ловить.

Но только лишь Мирза пошевелился,
Пѣвецъ въ дубравѣ скрылся.

Сыночекъ Могола осердился.

«Какъ можно», онъ сказалъ, «что здѣсь, въ лѣсу густомъ,
«Такъ свещуть соловьи и пѣньемъ восхищаютъ,

«А у меня передъ дворцомъ

«Одни грачи и воробьи летаютъ?» —

«Дивиться этому не должно никогда»,

Ему наставникъ отвѣчаетъ:

«Глушцовъ встрѣчаемъ мы и видимъ ихъ всегда,

«Но мудрый кроется и пышность презираетъ.

«Блаженъ тотъ государь, кто мудрыхъ обрѣтаетъ!»

Аонида 1798 г., кн. III. Флоріанъ: «Le rossignol et le prince».

II.

ЛЕВЪ БОЛЬНОЙ И ЛИСИЦА.

Однажды левъ былъ болѣнъ
И поданнымъ своимъ послалъ такой указъ,
Что будетъ царь звѣрей отъѣнно тѣмъ доволенъ,
Кто посѣтитъ его болѣзни въ лютый часъ.

Животныя повиновались,
Нейдетъ Лисица лишь одна.
Лисица, зпаютъ все, догадлива, умна
И, видя, что ся друзья не возвращались,
«Пещера львиная», сказала, «сущій адъ:
«Никто нейдетъ назадъ».

Намъ Лафонтенъ твердить неложно:
Тотъ счастливъ, кто живетъ на свѣтѣ осторожно.

Аншды 1798 г., кн. III. Лафонтенъ: «Le lion malade et le renard».

III.

ЛЕВЪ И ЕГО ЛЮБИМЕЦЪ.

Собачку левъ любилъ,
И все тогда ее ласкали:
Лисицы въ гости звали,
Медвѣди кланялись и тигры уважали;
Спѣсивый даже слонъ сабачкѣ другомъ былъ,
И хоботомъ своимъ огромнымъ
То на спину сажалъ, то гладилъ опъ ее.
Надѣяться нельзя на счастье свое!
Врагамъ угодно было злобнымъ,
Чтобъ царь звѣрей сослалъ любимца своего.
Любимецъ изгнанный не стоитъ ничего!
Все стали клеветать на счетъ сабачки бѣдной,
Что умъ она имѣеть вредной;
Лисица голосъ подала,
Что будто такъ собака зла,
Что гнусную на льва сатиру сочинила;
Медвѣдь всехъ увѣрялъ,
Что двѣ сатиры онъ читалъ,
И что всю истину лисица говорила;
А заяцъ побѣждалъ
(Въ томъ зайцевъ вся и сила),
Не выслушавъ конца, рассказывать вездѣ,
Что было, какъ и гдѣ.—
И мы какъ звѣри поступаемъ:
Нерѣдко зло ко злу нарочно прилагасмъ.

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. VI.

IV.

МУДРЕЦЪ И ФИЛИНЪ.

Людми, судьбою угнетенный,
Безъ крова и друзей, печалью изнуренный,

Скитался Доримонъ.

Безумцамъ истину представить вздумалъ онъ,
И истина была всѣхъ бѣдъ его виною.

Терпѣнье, здравый умъ—сокровища свои—

Унесъ мудрецъ съ собою.

Однажды видитъ онъ, что галки, воробьи

На Филина напали.

«Онъ врагъ отечества, злодѣй», они кричали:

«Въ примѣръ и страхъ другимъ

«Ощиплемъ мы его, ощиплемъ, умертвимъ!»

Чего не дѣлаютъ безуміе и сила!

Уже смерть Филину грозила;

Но, тронутый его судьбой,

Мудрецъ махнулъ рукой,

И вмгъ глушцовъ исчезла стая!

«Чѣмъ такъ противъ себя ты ихъ ожесточилъ?»

Онъ Филина потомъ спросилъ.—

Повѣся голову и горестно вздыхая,

«Не знаю», отвѣчалъ, «что мнѣ тебѣ сказать?»

«Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращать,

«И правду говорилъ, но говорилъ напрасно:

«Моя вина вся въ томъ, что ночью вижу ясно».

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. V. Флоріанъ: «Le philosophe et le chat-huant».

V

СТАРЫЙ ЛЕВЪ И ЗВѢРИ.

Всѣ звѣри на поклонъ пришли ко льву въ пещеру.

Левъ былъ и старъ, и дряхлъ: онъ шуму не любилъ;

Услужливыхъ гостей къ себѣ онъ не просилъ;

Не ко всему имѣлъ онъ вѣру,

Онъ былъ уменъ — и для него

Покой милѣе былъ всего.

Однако жъ припаялъ левъ своихъ гостей учтиво.

Бѣ въ голосъ начали кричать,

Бранить другихъ, себя жъ, какъ можно, величать:

Такое общество и межъ людьми не диво!

Волкъ началъ говорить, что всѣхъ смѣлѣе онъ;

Лисица,—что она хитрѣе;

Медвѣдь,—что всѣхъ звѣрей, конечно, онъ сильнѣе

«Какіе дураки», ворчалъ тихонько слонъ:

«Хотятъ блеснуть въ глаза и удивить собою,

«А кто изъ нихъ въ умъ равняется со мною?»—

И началъ слонъ болтать о подвигахъ своихъ.

«Что нужды мнѣ до нихъ?»

Левъ молвилъ, наконецъ, все потерявъ терпѣнье:

«Ступайте по домамъ!

«Вы очень всё умны, я знаю цѣну вамъ,

«Но для меня ума дороже снисхожденье.

«Овечка милая останется со мной:

«Она не хвалится своею острою

«И вашихъ качествъ не имѣеть;

«Но съ нею хорошо: она любить умѣеть».

Читатель согласится самъ,

Что въ старости не умъ, а сердце нужно намъ.

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. V.

VI.

ГОЛУБКА и БАБОЧКА.

Однажды Бабочка Голубкѣ говорила:

«Ахъ, какъ ты счастлива! Твой голубокъ съ тобой.

«Какой онъ ласковый! Какъ онъ хорошъ собой!

«А мнѣ судьба опредѣлила

«Совсѣмъ иначе жить: невѣрный мотылекъ

«Все по дугамъ летаетъ;

«То незабудочку, то розу выбираетъ;

«А я одна сижу.»—«Послушай, мой дружокъ!»

Голубка отвѣчала,

«Напрасно, можетъ быть, ценяешь ты ему:

«Не ты ль причиною тому,

«Что счастья не сыскала?

«Я правду говорю: любимой вѣжно быть

«Здѣсь средство лишь одно—умѣй сама любить!»

Элиза милая, примѣръ передъ тобою:

Люби... и будешь вѣкъ довольна ты судьбою!

Супругъ твой добръ и милъ. Онъ сердца твоего,

Конечно, цѣну знаетъ;

Люби и почитай его!

Тамъ счастье, гдѣ любовь: оно васъ ожидаетъ.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VII.

VII.

СОЛОВЕЙ и ЧИЖЪ.

На зеленой сидя вѣткѣ,

Соловью Чижъ говорилъ:

«Въ золотой живешь ты клеткѣ;

<http://rcin.org.pl>

«А мнѣ кажешься упыль». —
«Оттого я и тескую», —
Соловей въ отвѣтъ сказалъ, —
«Что свободу дорогую
«Я навѣки потерялъ.
«Здѣсь и кормятъ, и поятъ,
«Но летать мнѣ не велятъ».

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. X.

УШ.

Я П О Н Е Ц Ъ.

Одипъ Японецъ молодой
Былъ глухъ и слѣпъ, къ тому жъ нѣмой,
Но участію своею доволенъ:
Имѣлъ все нужное, покоенъ былъ и волеяъ.
«Благодарю боговъ», нерѣдко мыслилъ онъ,
«Что я въ Японіи живу благословенной!
«Япоцы такъ добры, чтутъ правду и законъ.
«И я, всѣхъ чувствъ почти лишенной,
«Еще блаженствую и ими не забыть:
«Одѣтъ, обутъ и сытъ». —
Какой-то славный врачъ, въ Японіи извѣстный,
(Не худо бы и намъ такихъ врачей имѣть!)
Далъ бѣдному бальзамъ чудесный:
Онъ началъ говорить, и слышать, и глядѣть.
Какое счастье — вы скажете конечно.
Но чтожъ Японецъ нашъ узналъ?
Товарищи его не стоили похвалъ:
Другъ друга грабили они безчеловѣчно,
Вездѣ безсильный былъ попраяъ,
Въ судахъ коварство обитало,
На торжищахъ обманъ,
И словомъ — зло торжествовало.
«О ужасъ!» юноша вскричалъ
Съ прискорбіемъ души, съ сердечнымъ слезами,
«Такихъ ли гнусныхъ дѣлъ отъ васъ я ожидалъ?
«Что сдѣлалось, Япоцы, съ вами?
«Куда ни оглянусь: въ страгѣ несчастной еси
«Или безумецъ, или злодѣи!»
Слова его судьямъ пересказали,
И тотчасъ отданъ былъ приказъ,
Чтобъ изъ отечества на вѣкъ его изгнали. —
«Япоцы», онъ сказалъ, «теперь я знаю васъ.

«И съ вами счастье найти безъ спору можно,
«Но быть уродомъ должно
«Безъ языка, ушей и глазъ».

Московскій Зритель 1806 г., № 2.

IX.

ПАСТУХЪ и СОЛОВЕЙ.

«Пѣвецъ лѣсовъ, что сдѣлалось съ тобой?
«Скажи, гдѣ ты летаешь?
«Бывало, въ тишинѣ ноцной
«Ты пѣльемъ слухъ мой усаждаешь,
«А нынѣ замолчалъ, солувушко, мой другъ!»
Такъ говорилъ Пастухъ.—
«Я здѣсь», пѣвецъ лѣсовъ уныло отвѣчаетъ,
«Но крикъ лягушскъ пѣть въ дубравѣ запрещаетъ». —
«Тебѣ-ль», сказалъ Пастухъ, «бояться крика ихъ?
«Не слышу я его при пѣсенкахъ твоихъ!»
Пусть истинный поэтъ на лирѣ воспѣваетъ:
Зоилова хула талантъ не помрачаетъ.

Московскій Зритель 1806 г., № 3. Флоріанъ: «Le berger et le rossignol».

X.

ГОЛУБКА.

Голубка, подъ кустомъ прижавшись, говорила:
«Ахъ, ястребъ пролетѣлъ! Какалъ злость и сила!
«Но, право, я должна судьбу благодарить,
«Что ястребомъ она меня не сотворила.
«Не лучше ль жертвою, а не злодѣемъ быть?»

Вѣстникъ Европы 1806 г., ч. XXV. Boisard: «La Colombe».

XI.

ВЯЗЪ и РЕПЕЙНИКЪ.

«Ты зацѣпляешь всѣхъ прохожихъ,
«Дурныхъ собою и пригожихъ»,
Кудрявый, толстый Вязъ Репейнику сказалъ;
«Какую прибыль въ томъ находишь,
«Что ты ихъ на сердце паводишь?» —
«Ахъ, право, никакой», Репейникъ отвѣчалъ;
«И если иногда я поступаю грубо,
«Причиною тому, что мнѣ царапать люблю».

Вѣстникъ Европы 1807 г., ч. XXXV. Boisard: «Le Saule et le Busson».

ХП.

СОЛОВЕЙ и МАЛИНОВКА.

Соловушка Малиновку любилъ
И гнѣздышко ей свилъ;
Малиновкой одной въ лѣсу онъ восхищался
И думалъ, что она
Соловункѣ вѣрна:
Онъ съ нею никогда еще не разлучался.
Но отъ орла указъ, и должно Соловью
Оставить милую свою. —
«Послушай», онъ сказалъ Малиновкѣ съ слезами,
«Я отъ тебя лечу, и долго, можетъ быть,
«Не будемъ, вѣжливый другъ, скрываясь подъ кустами,
«И пѣть, и счастье другъ въ другъ находить.
«Живи здѣсь въ гнѣздынкѣ; все для тебя готово:
«Ишено и мохъ; и дай мнѣ вѣрно слово,
«Что будешь вѣчно ты соловушку любить!
«Ахъ, еслибъ вѣдала, какъ тяжело разставаться!
«Я счастливъ былъ съ тобой!
«Что дѣлать? Долгъ велитъ орлу повиноваться:
«Прости, Малиновка, прости, дружочекъ мой!»—
Сказалъ соловушко и съ милою простился.
Она въ гнѣздѣ своемъ осталась горевать.
Но красный зобъ, сингирь, къ Малиновкѣ явился
Ее въ печали утѣшать;
Поплакалъ прежде съ ней, потомъ подеблъ поближе,
И, голосъ опустивъ свой ниже, ниже,
Шепнулъ ей на ушко, что онъ въ нее влюбленъ,
Что вѣхъ она прекраснѣе собою
И тѣломъ, и душою.
Подъ часъ кто не бывалъ коварствомъ ослѣпленъ?
Она хотѣла разсердиться;
Сингирь примолвилъ ей,
Что вѣтранный ея, невѣрный соловей
Изволилъ отлучиться
По волѣ лишь своей;
Что въ дальней роуницѣ онъ съ зяблицей летаетъ,
И ей, Малиновкѣ, конечно, измѣняетъ.
Малиновкамъ всегда пріятно отомстить,
И также правиться пріятно!
Все сказанное ей казалось вѣроятно,
А время съ сингиремъ дѣлать
Почла Малиновка невинною отрадой.
Сингирь сначала ей казался только мнѣ,

Потомъ сталъ вѣрный другъ—потомъ и нуженъ былъ:

Пошла награда за наградой!

Соловушка забытъ, и въ сторонѣ чужой

Никакъ не помыслилъ онъ о такой измѣнѣ:

Увы, подвержено все въ свѣтѣ перемѣнѣ!

Насталъ свиданья часъ: онъ прилетѣлъ домой,

И что жъ нашелъ?... Несчастный!

Гнѣздо разорено... На деревѣ другомъ

Малиновка съ своимъ любезнымъ синигремъ

Сидѣли на сучкѣ... И намъ любовникъ страстный,

Пѣвецъ лбсовъ, Орфей

Предъ Эвридикою прелестною своей

Вдохнулъ... еще вдохнулъ... и въ горести глубокой

Пошелъ жить одинокой.

О вѣжныя сердца! Любовь изъ ничего

Родится, умираетъ,

И басни сеи творецъ перфѣдо повторяетъ:

Въ любви разлука намъ опасѣе всего!

Вѣстникъ Европы 1807 г., ч. XXXV.

ХІІІ.

МЕРКУРІЙ и УМЕРШЕ.

Къ Плутону грозному, въ жилище страшныхъ фурій,

Умершихъ провожалъ Меркурій;

Ихъ было четверо: красавица, герой,

Старикъ и стиходѣй. Они тотчасъ дорогой

Вступили въ рѣчи межъ собой.

— «Ударъ судьбы несносный, строгий!»

Сказала дѣвушка. «Какъ въ юности такой

Оставить бѣлый свѣтъ, съ весельями проститься?

«Любовникъ вѣжный мой

«Навѣки осужденъ крушиться:

«Онъ счастье во мнѣ лишь находилъ одной.

«Съ такою пылкою душой

«Онъ безъ меня и жить не будетъ;

«А если будетъ живъ, то вѣрно не забудетъ».

— «Что дѣлать?» говорилъ старикъ;

«Повѣрь, красавица, и мой урокъ великъ:

«Разстался я съ женою,

«Съ любезными дѣтьми; надъ гробовой доскою,

«Я знаю, что они теперь лютъ рѣки слезъ...

«Пошли отраду имъ Зевесъ!»—

«Что вы передо мною?»

Съ презрѣніемъ герой вскричалъ:

«Я именеъ моимъ вселенну наполнять,
«И ужасъ былъ враговъ. Въ исторіи, конечно,
«Великаго вождя жить будетъ имя вѣчно.
«Скажите, кто со мной равняется изъ васъ?»

—«Не обижайте насъ!»

Отвѣтствовалъ пѣтъ: «вы служите примѣромъ

«Всѣмъ полководцамъ... можетъ быть!

«Но въ памяти людей я долѣ буду жить:

«Что Ахиллесъ передъ Омеромъ?

«Всѣ будутъ наизусть стихи мои твердить,

«И, прославляя оды громки,

«Восплачутъ обо мнѣ, любимецъ музъ, потомки»...

—«Вы ошибаетесь», крылатый богъ сказалъ:

«Любовникъ твой теперь другую увѣряетъ,

«Что ей онъ сердце посвящаетъ,

«И что прямой любви доселѣ онъ не зналъ.

«Въ твоёмъ, старикъ, огромномъ домѣ

«Идетъ ужасная война:

«Въ судъ просьба на дѣтей женою подана;

«Она бъ хотѣла ихъ всѣхъ видѣть на соломѣ;

«Мѣшки разложены, и дѣтки—въ кладовой;

«Не слезы льются, дождь златой.

«О подвигахъ твоихъ, необходимый вопиѣ,

«Никто не говоритъ;

«Лишь имя твоего преемника гремитъ:

«Онъ болѣе тебя всѣхъ почестей достоинъ;

«Онъ петляный герой, такъ носится молва.

«А ты, пабитая стихами голова,

«Великій рюмоткачъ, слынешь пѣвцомъ нескладнымъ,

«И журналистамъ въ снѣдъ остался непопаднымъ».

Меркуріи точно правъ. Мы люди таковы:

Близжайшихъ къ сердцу забываемъ,

И съ ними навсегда—увы!

Любовь и горестъ погребаемъ.

Аглая 1808 г., ч. II. De-la-Motte: «Mercure et les Ombres».

XIV.

ОЩИПАНЫЙ ПѢТУХЪ.

Лисица Пѣтуха поймала

И, по обычаю лисицъ,

Ему всѣ перья ощипала.

Лисицы странныя охотницы до птицъ,

И въ этомъ сходны съ нами:

Не тотъ лишь хищный звѣрь, кто въ свѣтъ рождень съ когтями!

Плутовка за обѣдъ уже садилась свой,
Какъ вдругъ косматый пестъ, съ шпрокой головой,
Домовый стражъ, Полканъ, залаялъ и пустился
Лисицу жадную ловить.

Пѣтухъ остался живъ, въ курятникъ возвратился.
Безъ перьевъ?—Какъ же быть!

«Не думалъ никогда увидѣться я съ вами,»

Бѣдняжка курицамъ сказалъ,

«Чортъ на меня бѣду ужасную послалъ;

«И если бъ не Полканъ съ зубами,

«Конечно бъ не былъ я въ живыхъ!»»

— «Какое дѣло намъ до шалостей твоихъ?»

Всѣ куры въ голосъ закричали:

«Безъ перьевъ, голякамъ, не можемъ мы помочь;

«Бѣги отселѣ прочь,

«Пока не заклевали!»—

Ощипанный пѣтухъ, собравъ остатокъ силъ,

Отъ куриць лыжи наострилъ.

Гонимые судьбой, не тратьте словъ напрасныхъ!

Вездѣ пріемъ таковъ бываетъ для несчастныхъ.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XXXVIII.

XV.

СУРОКЪ и ЩЕГЛЕНОКЪ.

Сурку Щегленокъ говорилъ:

«Какъ! Вѣчно спать? Какая скука!

«И вѣчно быть въ норѣ? Такъ жить, конечно, мука!

«Сонъ—та же смерть. Чтобъ я, лишешный силъ,

«Въ гнѣздѣ своемъ лежалъ, какъ ты, Сурокъ несчастной?

«Лѣтъ, я хочу летать по рощамъ, по лугамъ,

«По селамъ, городамъ,

«Все слышать, видѣть все. Свободою прекрасной

«Я пользуюсь своей.

«О бѣдненькой Сурокъ, объ участи твоей

«Я истинно жалѣю:

«Ты знаешь, я люблю умѣю!»

— «Что жъ новаго? скажи скорѣй»,

Спросилъ Сурокъ разскащика Щегленка.

«Отъ старика и до ребенка

«Всѣ заняты умы въ столичныхъ городахъ:

«Тотъ проживается, тотъ копитъ, богатится

«И въ страшныхъ откунахъ;

«Другой надъ картами трудится;

«Заботы, просеки о лентахъ, о чинахъ;

«Никто не думаетъ о ближнихъ, о друзьяхъ;
«Жена предъ мужемъ лицемеритъ,
«А мужъ передъ женой—и до того дошло,
«Что брату братъ не вѣритъ».
—«Какой развратъ, какое зло!»
Вскричалъ Сурокъ съ презрѣниемъ;
«Не говори съ такимъ, пожалуй, сожалѣниемъ!
«Чтобъ ужасовъ такихъ не слышать и не знать.
«По моему, не лучше ль спать?»

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XI.

XVI.

Б Ы Л Ъ.

СКАЗКА.

На Лпзѣ молодой богачъ-старикъ женился,
И участью своей онъ не доволенъ былъ.
«Что ты задумалась?» жевѣ онъ говорилъ;
«Я право ници всей лишился
«Съ тѣхъ норъ, какъ Богъ меня съ тобой соединилъ!
«Все ты силичи въ углу; не слышу я ни слова;
«А если молвишь что, то вѣчно *ога да ога*.
«Дружочекъ, любушка, скажи мнѣ нѣжно: *ты—*
«И шаль турецкая готова.»

При словѣ *шалъ* жена перемѣнила тонъ.

«Какъ *ты* догадливъ сталъ! Поди жъ скорѣе вопъ!»

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XII.

XVII.

ОВЦА, ЛИСИЦА И ВОЛКЪ.

Не знаю, какъ-то вечеромъ
Лисица встрѣтилась съ Овцою,
И самымъ ласковымъ и пѣжнымъ голоскомъ
Она сказала ей: «Ты позднюю порою
«Напрасно, мой дружокъ, проходишь здѣсь лѣскомъ:
«Повѣрь, что хищный Волкъ на караулѣ вѣчно;
«Бѣги, бѣги скорѣй: опъ съѣстъ тебя конечно».

Овца пришла домой.

«Что сдѣлалось съ тобой?»

Подруги въ голосъ закричали:

«Мы все придумали; децъ цѣлый тосковали;

«Ты Волка видѣла? Каковъ то опъ собой?»

«Хвостъ длинный, носъ большой

«И зубы страшные! Какъ то могло случиться.

«Что ты умѣла къ намъ, подругамъ, возвратиться?»—

«Лисица добрая въ несчастьи помогла»,
Опомнившись, вздохнувъ, Овечка отвѣчала:
«Она ко стаду мнѣ дорогу показала,
«Отъ волка сберегла
«И вась, друзей моихъ, избавила печали». —
Лисицу все хвалили, величали,
И даже въ тѣсную и дружескую связь
Съ смиренницей такой онъ войти желали.

Но Волкъ, ужасно разсердясь,
Куму свою бранилъ: «Злодѣйка, ты, взбѣясь,
«Задумала Овцамъ показывать дорогу!
«Какая прибыль мнѣ, что я въ ладу съ тобой?»
— «Ты подлинно рожденъ съ дурацкой головой»,
Вскричала кумушка: «Хочу я по немногу
«Овечекъ приманить сюда.

«Одна спаслась, что за бѣда?
«Здѣсь лягутъ пятьдесятъ; я въ томъ могу увѣрить:
«Всего полезѣе на свѣтѣ лицемѣрить». —
Разказа моего смыслъ, кажется, таковъ:
Лисицы хитрыя опаснѣе Волковъ.

Вѣстникъ Европы 1809 г., ч. XLVIII.

XVIII.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Волкъ хищный занемогъ. Раскаляе съ педугомъ
Приходитъ часто и къ звѣрямъ.
«Нѣтъ», такъ онъ разсуждалъ съ кумой своей и другомъ,
«Нѣтъ, полно рыскать мнѣ по роцамъ и лугамъ!
«Довольно подушилъ овечекъ я певипныхъ;
«Не лучше ль смирно жить, питаться мнѣ травой?
«Мы, кумушка, съ тобой
«Забудемъ о дѣлахъ безчинныхъ!
«Ты грѣшнику повѣрь: въ прожоретвѣ нѣтъ добра!
«И намъ опомниться пора!
«Совѣтую тебѣ оставить куръ въ покоѣ;
«Смиренье дѣло золотое.
«Увидишь, я во всемъ съ ягненкомъ буду схожъ —
«И если не лицомъ, обычаемъ хорошъ».

Лисица удивилась;
Волкъ, думала она, недаромъ слезы льетъ
И злость свою клянетъ;
Онъ вѣрно завтра же умретъ. —
Съ почтеньемъ, молча, поклонилась.
Но къ счастью, у волковъ

Не знаютъ докторовъ:
Больной оправился. Курятница-лисица
Въ политикѣ, какъ всёмъ извѣстно, мастерца,
    Пустилась Волка поздравлять:
Нехудо иногда зубастымъ угождать!
Итакъ, угодница является въ пещеру
Къ правоучителю, иль лучше лицемѣру.
Что жъ видить тамъ она? Покойно Волкъ сидитъ
    И кушаетъ барана;
Овца несчастная полмертвая лежитъ,
Такой же участи ждетъ скоро отъ тирана.
— «Прекрасно, куманекъ», Лисица говоритъ:
«Ты каялся въ грѣхахъ и плакалъ, какъ ребенокъ,
«Но видно, что въ тебѣ глазъ совѣти умолкъ!»—
«Такъ чтожъ?» вскричалъ злодѣй,— «въ болѣзни я—ягненокъ,
    «Когда здоровъ, я—волкъ»».

1811.

С.-Петербургскій Вѣстникъ 1812 г., № I.

XIX.

С Ы Ч И.

Сіяніе златого Феба
Не можетъ нравиться Сычамъ.
Когда по топкимъ облакамъ,
Средь свѣтлоголубаго неба,
Онъ, гордо шествуя, даритъ отраду намъ;
Враги его въ дуплахъ скрываются, стопаютъ
    И Феба проклинаятъ. —
Межъ солища и земли луна
Однажды проходила
И въ полдень темнотою вселенную покрыла:
Луиъ такая власть дапа,
И мы, знакомые съ небеснымъ симъ явленьемъ,
Зовемъ его затмѣьемъ;
Итакъ, затмился солища свѣтъ...
Въ восторгъ Сычъ кричить: «Друзья, злодѣя итъ!»
«Свѣтильщикъ пагубный не существуетъ болѣ;
    «Нѣтъ, полно жить въ неволѣ!
«Глядѣть во всё глаза намъ велѣно судьбой;
«Тьма благотворная навѣки воцарилась;
    «Летите въ слѣдъ за мной!»
Безумцевъ стая возгордилась,
И тучею они стремятся къ небесамъ.
Но вѣщо ль именоватъ Сычамъ? —

Затмѣнье кончилось, и солнце возсіяло;
Въ величїи свой путь небесный восприяло;
Возвсселился мїръ; все оживилось вновь:

Должны, горы, рощи;
Воспѣли соловья блаженство и любовь;
Одни любимцы темной нощи,
Прослыть орлами возмечтавъ,

Валяются на землю стремглавъ.
Какъ солнца свѣтлаго лучи,
Сіяютъ даръ, ученье.
Невѣжество—умовъ затмѣнье,
Невѣжды-авторы — Сычи.

С.-Петербургскій Вѣстникъ 1812 г., № 2.

XX.

ПАВЛИНЪ, ЗЯБЛИКЪ и СОРОКА.

Сорока сплетница и Зяблякъ молчаливый
Къ Павлипу залетѣли въ садъ.
Онъ былъ гостямъ сердечно радъ
И сдѣлалъ имъ прїемъ прївѣтливый, учтивый.
Сорока начала болтать,
Бранитъ того, другога,
Лѣсовъ Орфея осуждать,

Смѣяться надъ орломъ, кукушку величать.
Всѣ слушали ее, не говоря ни слова.
Бесѣда кончилась, и, возвратясь домой,
Сорока своему товарищу сказала:

«Не кстати нашъ Павлинъ любитесь собою;
«Такихъ ногъ скаредныхъ еще я не видала;

«Какъ онъ нескладенъ и хохлатъ,
«Ужасный голосъ, дикой.

«Къ тому-жь, мнѣ кажется, онъ и гордецъ великой;
«Все хочеть умничать, и вѣчно не въ понадь».

— «Не соглашусь, кума, съ тобою»,

Ей Зябликъ отвѣчалъ: «Павлина красотою

«Я только восхищаться могъ.

«Какія перья, хвостъ, осанка, обхожденье!
«Вотъ что я видѣлъ въ немъ; я не примѣтилъ погъ».

Такъ точно. Злыхъ людей въ томъ состоятъ умѣнье,
Чтобъ недостатки находить.

А добрый счастливъ тѣмъ, что можетъ онъ хвалить.

XXI.

ВОЛКЪ и ПАСТУХИ.

Волкъ вздумалъ добрымъ, смирнымъ быть.

Злодѣямъ мудрено любить —

Не спору, но прошу послушать

Съ терпѣньемъ мой разсказъ.

Какимъ-то случаемъ, въ какой-то добрый часъ,

Привыкшій Волкъ овецъ, ягнятъ невинныхъ кушать,

Задумался и говорить:

«Кому не сдѣлалъ я обидъ?

«Я общій врагъ; меня за дѣло проклинаютъ;

«Всѣ гибели моей желаютъ:

«Исари, собаки, пастухи.

«Давно за тяжкіе грѣхи

«Изгнали насъ изъ Альбіона.

«Жизнь волчья—сущій адъ. Не лучше-ль, наконецъ,

«Муравку мнѣ щипать и не душить овецъ?

«Утѣшно-ль быть випой несчастія и стона?»

— Сказалъ смиренникъ наигъ, и видитъ Пастуховъ,

Сидящихъ веруъ огня подъ взрослыми дубами.

Волкъ тихими шагами

Подходить. — Ужинъ былъ готовъ.

Барашекъ жареный, растерзаный на части,

Пріятной пищею хозяевамъ служилъ. —

«И у людей такія-жъ страсти!»

Прожора закричалъ: «Напрасно я грустилъ,

«Напрасно въ постники хотѣлъ я записаться.

«Стадъ караульщики изволятъ забавляться

«Не хуже насъ Волковъ.

«Къ чему мнѣ быть смирымъ и лучше Пастуховъ?

«Овечки милыя, я съ вами расставаться

«Теперь, повѣрьте мнѣ, не буду никогда;

«Прошу пожаловать сюда!» —

Волкъ правъ, и, не смотря на всѣ людскіе толки,

Мы точно тѣ же волки.

Труды Общества любителей росс. словесности 1812 г., ч. III. Лафонтенъ: «Le loup et les bergers».

XXII.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ЦАРЬ.

На смерть невольникъ осужденный,
Липнасъ надежды всея, монарха попросилъ.

«Что говоритъ несчастный?» спросилъ

Чинопяками царь своими окруженный.

<http://rcin.org.pl>

— «Онъ о тебѣ къ Творцу», любимецъ отвѣчалъ,
 «Моленья возсыласть,
 «И съ сокрушеніемъ, съ слезами умоляеть,
 «Чтобъ жизнь ему ты даровалъ!»—
 «Свободенъ онъ! Прощать—для сердца утѣшенье!»
 — «Напрасно, государь, даруешь ты прощенье»,
 Завистливый одинокъ придворный закричалъ:
 «Неистовый злодѣй, въ ужасномъ иступленъи,
 «Тебя, я слышалъ, проклиналъ».
 — «Нѣтъ пужды: на него я милость обращаю.
 «Къ добру меня влечетъ любимецъ вѣрнѣй мой;
 «Въ жестокой правдѣ нѣтъ отрады никакой, —
 «И благотворну ложь я ей предпочитаю.»

Вѣстникъ Европы 1815 г., ч. LXXX. Guichard: «Le roi judicieux».

XXIII.

МЕДВѢДЬ и ЕГО ГОСТИ.

Медвѣдю вздумалось звѣрямъ дать угощенье;
 Толпою все бѣгутъ на зовъ,
 И ниръ, конечно, былъ таковъ,
 Что онъ гостей привелъ въ восторгъ и удивленье.
 Вельможа не жалѣлъ кармана своего;
 Все было славно и богато.
 Безъ спору, можно жить медвѣдямъ таровато!
 Лишь только на ниру веселья одного,
 Не знаю, какъ-то не случилось.
 Въ тотъ вечеръ, можетъ быть,
 Оно въ сердечную бесѣду удалилось.
 Мартышка рѣзвая, охотница шутить,
 Прожора не большая,
 Зѣвала, морицилась, плечами пожимая,
 И наконецъ, отдавъ хозяину поклонъ,
 Сказала барсуку: «Веселье — мой законъ;
 «У пышныхъ богачей, я вижу — все прекрасно;
 «Но что-то говорить и трудно, и опасно!
 «Ты оставайся здѣсь, а я бѣгу туда,
 «Гдѣ раземѣяться не бѣда».

Вѣстникъ Европы 1815 г., ч. LXXX.

XXIV.

КОТЪ и МОСЬКА.

Котъ вздумалъ съ Моською играть.
 Собаки все добры. Курносая храпѣла,
 Въ восторгѣ хвостикомъ вертѣла

И всячески Кота старалась забавлять.
Но дружба не прочна съ коварными сердцами!
Коть въ Моську когти запустилъ
И даже сталъ кусать зубами! —
«Что такъ ты морщишься?» — бѣдняжку онъ спросилъ:
«Съ тобой я пошутить;
«А я люблю шутить съ друзьями.
«Сердиться на меня не только что смѣшно,
«Но, право, кажется, грѣшно.»
«Пожалуй, смѣйся падо мною»,
— Сказала Моська — «но съ тобою
«Водиться не хочу. Нимало не сержусь,
«А шуточекъ твоихъ боюсь
«И вредное навѣкъ знакомство разрываю:
«Ошиблась — такъ и быть — ономнитесь пора!»
Извѣстныхъ я враговъ всегда предпочитаю
Друзьямъ, которые царанать мастера.

Труды Общества любителей росс. словесности 1816 г., ч. VI.

XXV.

Л И С Т О Ч Е К Ъ .

Куда, Листочекъ, ты летншь
Изохшій, пожелтѣлый?
Не знаю, говорншь:
Сломнла буря дубъ дебелый,
Который вѣрною подпорой мнѣ служилъ
И роци красотою былъ.
Носимой нынѣ Аквилономъ
Или Зефиромъ, я лечу
Куда предписано мнѣ строгимъ ихъ закономъ.
А не туда, куда хочу,
Съ холма на дугъ, съ горы въ долину,
Безъ страха, ропота на грозную судьбину.
Всему коонецъ! Я помню сей урокъ,
Для всѣхъ равно суровый;
Несуеь, куда летитъ и гордый летъ лавровый,
И розы пѣжныя листокъ.

1816.

Труды Общества любителей росс. словесности 1817 г., ч. VII. Арно
«La feuille.»

XXVI.

О В С Я Н К А и П Ы Н О Ч К А .

«Помилуй, кумушка, какъ ты упряма стала»,
Овсянка съ Пыночкой однажды рассууждала:

«Воропу хвалятъ всё, а ты ее бранишь;
«Скажи, что въ ней хорова?
«Осанпта, бойка, всегда кричать готова;
«Напрасно, милая, ты къ пей не полетишь
«И не сведешь знакомства съ нею».
— «Я лгать, ты знаешь, не умѣю»,
Сказала Пѣвочка: «миѣ сердце раздѣлить,
«Повѣрь, никакъ не можно;
«Признаніе мое, хотя неосторожно,—
«Что дѣлать? Такъ и быть:
«Любя соловушку, какъ миѣ воронъ любить?»

Сынъ Отечества 1816 г., ч. XXVIII.

XXVII.

ЗАВИСТНИКИ СОЛОВЬЯ.

Весною плъ лѣсовъ Орфей,
И всё ему внимали.
Въ восторгѣ дерева, казалось, трепетали,
Игривый не шумѣлъ ручей,
И пастухи свои оставили свирѣли.
Угрюмые сычи, нахмуряся, сидѣли,
Плъ, лучше, прятался въ дуплахъ.
Но филинъ, завистью свой побѣждая страхъ,
Кричить прислужникамъ: «Друзья, вы оробѣли!
«Стыдитесь! Я за васъ. Чего сграшиться намъ?
«Летите кучею къ болотистымъ водамъ.
«Лягушка, другъ намъ неизмѣнный,
«Заквакаетъ—и Соловей,
«Оставленный, презрѣнный,
«Не будетъ воехщать гармоніей своею».
Приказъ провозглашенъ—и вкуса врагъ извѣстный,
Лягушка дерзкая квакала въ водахъ.
И филинъ, и сычи отъ радости въ слезахъ
Воскликнули: «О, даръ чудесный!
«Какой съ лягушкою равняется пѣвецъ?»
Малиповка трусиха,
Вилля хвостикомъ, твердила изподтиха:
«Лягушкѣ слава и вѣпецъ!»—
«Тебѣ ли,» говоритъ ей зябликъ съ сожалѣньемъ,
«Плѣняться кваканьемъ лягушки водяной!
«Малиновка, что сдѣлалось съ тобой?
«Одумайся! Сама ты восхищалась пѣньемъ
«Весны любимца, Соловья...
«Неужели сычи малиновкѣ друзья?

«Межъ нами ты слыла вострушкой;
«По долго-ль до бѣды? Захвакаешь лягушкой».
Нелѣное сужденіе вралей
Ни мало не обидно;
Но въ шайкѣ быть сычей
Малиновкѣ грѣшию и стыдно.

Труды Общества любителей рос. словесности 1816 г., ч. VI.

XXVIII.

БОГАЧЪ и БѢДНЯКЪ.

«Въ умѣ ли ты, несчастной»,
Богатый бѣдняку однажды говорилъ:
«Ты въ лотерею рубль послѣдній положилъ,
«А самъ безъ обуви и въ нищетѣ ужасной!
«Не лучше ли беречь деньжонки на обѣдъ,
«А не бросать въ огонь».—Бѣднякъ ему въ отвѣтъ:
«Видишь меня ты воленъ,
«Надежду я кунилъ и тѣмъ пока доволенъ».

1816.

Труды Общества любителей рос. словесности 1817 г., ч. IX.

XXIX.

СТАРУШКА и БОГИНЯ ИСТИНА.

Средь хижинъ мирныхъ и смиренныхъ
Старушка добрая жила;
Несчастливыхъ, огорченныхъ
Она помощницей была
И ихъ дарила, чѣмъ могла:
Простою пищею, совѣтомъ, вѣль слезою,
Вечернею порою
Богиня Истина пришла однажды къ ней;
Стучится у дверей
И просить помощи, почти совѣмъ пагая:
«Отъ бури и дождя несчастной дай покровъ!»
Она кричитьъ, изнемогая.
Чувствительнымъ сердцамъ не пужко много словъ;
Старушка съ радостью богиню принимаетъ;
У комелька ся одежду осушаетъ,
И тотчасъ ужинъ ей готовъ.
«Трапезой бѣдною моею не погнушайся»,
Старушка говоритъ: «Вотъ крынка молока,
«Хлѣбъ, янцы. Сядишь—ты шла издалека—
«И силы возвратить старайся!
«Но кто ты такова, и какъ тебя зовуть?»

— «Я Истина. Меня и хвалятъ, и поютъ;
«Пристаница нигдѣ однако жъ не имѣю.
«Ласкать я не умѣю
«И правду говорю—вотъ вся моя вина;
«За то и въ рублищѣ бродить осуждена.
«Мнѣ плохо жить на свѣтѣ!»—
— «Переночуй ты въ хижинѣ моей»,
Старушка отвѣчаетъ ей;—
«А завтра на разсвѣтѣ
«Увидимъ, чѣмъ могу несчастной я помочь».
Проходить ночь,
И солнце келью освѣщаетъ.
Богиня примѣчаетъ,
Что добрая ея хозяйшкa крива,
Съ горбомъ, и что у ней трисется голова.
— «Какой уродъ»—вскочивъ, не медля, восклицаетъ.
«Куда дѣвался глазъ другой?»—
«Не смѣйся надо мной!»
Старушка ей сказала;
«Когда гонимую судьбой
«Отъ бури я спасала,
«Въ награду отъ нея наемѣшекъ не ждала».
— «Пожалуй, не сердись! Я вижу: ты мила,
«Умна, но ты горбата,
«Крива, дурна лицомъ; я въ томъ не виновата!—
«Поди-жъ, оставь меня! Мнѣ кажется, съ тобой
«И съ доброю душой
«Ужиться никому не можно.
«Ты правду говори, да только осторожно».
Богини съ посохомъ и въ рублищѣ своею,
Вздохнувъ, пошла путемъ,
Не говоря ни слова.
Проказницѣ такой,
Я слышалъ, вѣчно бы шататься здѣсь пагой
Безъ Дмитрева и безъ Крылова.

Вѣстникъ Европы 1816 г., ч. LXXXVIII.

XXX.

ПРЕИМУЩЕСТВО ДАРОВАНІЙ.

Сосѣдъ однажды за обѣдомъ
Довольно чудный споръ завелъ съ своимъ сосѣдомъ.
Одинъ—убогій былъ пѣвецъ,
Другой—богачъ, невѣжда и глупецъ:
Конечно, догадаться можно,

<http://www.vostok.org.ru>

Что откупникъ во всемъ хотѣлъ поверхность взять
И въ гордости мечталъ, что неизмѣнно должно
Гнуть спину передъ нимъ и, слушая, молчать.

Я, признаюся, другаго мнѣнья:

Богатство безъ ума не стоитъ уваженья.

«Послушай», говорилъ богачъ:

«Я знаю, ты ученъ, философъ и риторъ,
«Но что твои стихи и умъ передъ рублями?
«Читаешь много ты, но прибыли въ томъ нѣтъ;
«Ты можешь-ли, какъ я, дать лакомый обѣдъ
«И подчивать гостей шампанскимъ, стерлядками
«Я бариномъ живу, а ты на чердакѣ;
«Смотри, вездѣ фарфоръ и бронзы, и картины!

«Курильницы во всякомъ уголкѣ,

«И на диванахъ левантины.

«Не хвастайся своей ученой головой;

«Я вижу, плохо быть поэтомъ!

«Ты въ декабрѣ одѣтъ такъ точно, какъ я лѣтомъ,

«И тѣнь твоя бѣжитъ слугою за тобой!

«Мы счастье раздаемъ. Художники, поругные,

«Газетчики и авторы дурные,

«Торговки модныхъ шляпъ, и тѣ, кто посятъ ихъ,

«Всеѣ нами кормятся, а въ сказочкахъ твоихъ,

«Повѣрь, пріятель, мнѣ, нѣтъ проку никакова». —

Вѣдникъ не отвѣчалъ ни слова;

Война отметила за него:

Домъ богача сожженъ и все его имѣнье.

Поэтъ не потерялъ войною ничего!

Талантъ его, воображенье

И благородный духъ, безцѣнный даръ Небесъ,

Въ страпѣ другой нашли награду и почтенье.

На чей же сторонѣ, скажите, перевѣсъ?

Труды Общества любителей рос. словесности 1817 г., ч. VII.

XXXI.

МОЛОДАЯ ВДОВА.

Мужъ умеръ; какъ о немъ не плакать, не жалѣть?

Но горестъ скоро улетаетъ;

Крылатый намъ Сатурнъ веселье возвращаетъ.

Какая разница: шесть мѣсяцевъ вдовѣть,

Иль нѣсколько часовъ несчастной быть вдовою?

Вчерашняя вдова пугаетъ всѣхъ собою;

Притворная иль нѣтъ тоска въ ея глазахъ,

И рѣчи все омиѣ твердитъ она въ слезахъ.

Вдова, напротивъ, годовая
 О мужѣ тужить, но слегка,
 Пріятна, весела, ловка,

И домъ ей назвать жилищемъ можно рая.

Супругъ красавицы одной
 Сибирякъ отправится къ Харону;

Жена въ отчаяннѣ кричала: «Боже мой!
 «Должна я твоему послушна быть закону;
 «Но, ахъ, возьми меня—и жизнь ему отдай!
 «За друга умереть я рада и готова!»

Не говоря ни слова,

Пустился мужъ одинъ въ печальный, дальній край.

Вдова отца имѣла;

Старикъ догадливъ былъ, умёнъ и зналъ людей;

Онъ милой дочери своей

Лить слезы не мѣшалъ. Красавица жалѣла,

Какъ хотѣла;

Проходитъ мѣсяцъ, два.—«Послушай», говорить

Старикъ вдовѣ несчастной:

«Крушится трудъ напрасной;

«Мой другъ, умершаго твой плачъ не воскресит!»

«Живыхъ довозьно въ здѣшнемъ свѣтѣ;

«Есть у меня женихъ прекрасный на примѣтѣ.

«Но я теперь еще молчу

«И дочь любезную тревожить не хочу;

«Я знаю, что печаль не можетъ вѣкъ продлиться!»

—«Итъ, итъ! Я въ монастырь желаю удалиться»,—

Вздыхая, отвѣчаетъ дочь:

«Я буду тамъ стелать, молиться день и ночь;

«Вотъ мой удѣлъ—вотъ все мое желанье!

«Несчастью моему лишь можетъ смерть помочь!»

Старикъ молчитъ въ пріятномъ ожиданьи.

Черезъ мѣсяцъ, горькая вдова

Уже заботится о модномъ одѣваньи:

Въ корсетѣ стянута, и въ кудряхъ голова,

И новыя у ней и мебели, и шали.

Еще два мѣсяца, и слезы, и печали—

Исчезло все, какъ сонъ!—Амуры къ ней толпой

Летятъ: прелестью а блистасть красотой

И келью для себя не думаетъ готовить.

—«Скажите», говоритъ, отца обнявъ рукой,

«Гдѣ тотъ женихъ прекрасный, молодой,

Съ которымъ вы меня хотѣли познакомить?»

Труды Общества любителей рос. словесности 1817 г., ч. IX. Лафонтенъ: «La veuve jeune».

XXXII.

С М О К О В Н И Ц А.

На берегу пруда Смоковница стояла
И берегъ украшала.
Пернатые пѣвцы слетались къ ней подъ тѣнь:
Тамъ цѣлый майскій день
Они любовь свою и счастье воспѣвали;
Но прочнаго блаженства пѣть!
Нерѣдко радость есть предвѣстникомъ печала
И будущихъ залогомъ бѣдъ.
Ужасная гроза внезапно наступаетъ.
Хоръ птичекъ, скрывшись, умолкаетъ;
Пыласть сводъ небесъ, несется виль столбомъ,
И страшный, сильный громъ
Смоковницу разить и бѣдную лишаетъ
И листьевъ, и плодовъ.
Но солнце тучи прогоняетъ.
Слетаются пѣвцы подъ свой любимыи кровъ,
И что-жъ представилось ихъ взору?— Разрушенье.
«О, ужасъ», чижь вскричалъ: «лечу отселѣ прочь!
«Я не могу ничѣмъ Смоковницѣ помочь,
«А видѣть мнѣ ее—неспосное мученье.
«Летите все за мной!
«Здѣсь дѣлать нечего».—«И я, и я съ тобой»,
Примолвили скворецъ, щегленокъ и овсянка,
«Вся здѣшняя страна разорена кругомъ
«И болѣе теперь для пѣсенъ не приманка;
«Веселіе пастъ ждетъ въ убѣжищѣ другомъ». —
«Я здѣсь любовь узнала»,
Сказала горлица: «и здѣсь я буду жить;
«Смоковница меня счастливо видала,
«И съ нею я хочу несчастье дѣлить». —
«И я любить умѣю»,
Воскликнулъ соловей;
«Хочу сюда гармоніей своею
«Со всехъ сторонъ привлечь людей;
«Хотя Смоковница не та ужъ стала пѣнѣ,
«Но все любезна мнѣ и въ горестной судьбинѣ». —
Въ несчастьи познаемъ мы истинныхъ друзей.

Труды Общества любителей рос. словесности 1817 г., ч. IX.

XXXIII.

П О П У Г А Й.

Случайно вылетѣвъ изъ клѣтки золотой,
Зеленый Попугай въ дуравъ поселился

И тамъ, возвысивъ голосъ свой,
 Съ надменностью пустился
 Всѣхъ птицъ пересужать
 И мнимымъ знатокамъ въ суждснхъ подражать.
 По мнѣнью поваго зюла,
 Для опытныхъ судей,
 Весны любимецъ соловей,
 Пѣлъ слишкомъ громко: вѣдь не сила,
 А нѣжность въ музыкѣ плѣняетъ болѣ слухъ;
 Малиновка, надежный другъ
 Соловунки-Орфея,
 Пріятнымъ голоскомъ влады,
 Изъ тона въ тонъ переходить,
 Къ несчастью, не умѣла,
 А пѣночка уныло, томо пѣла.
 О прочихъ не хотѣлъ знатокъ и говорить:
 Они не стоили вниманья;
 Щегленокъ, чижъ, въ пѣвцы почили невзначай,
 И словомъ, были всѣ предметомъ порицанья.
 Лишь птички запоютъ—завищеть понугай.
 Пѣвцы терпѣнне потеряли:
 «За что ты насъ бранишь?»—они ему сказали:
 «Мы видимъ, что тебѣ не можемъ угодить,
 «А нѣснокъ твоихъ еще мы не слышали:
 «Изволь насъ поучить.
 «Запой и удиви гармоніей своею!
 «Что прибыли свистать?»—
 Зюль, повѣся носъ, имъ принужденъ сказать:
 «Свищу я хорошо, а пѣть я не умѣю».
 1817.

Труды Общества любителей росс. словесности 1818 г., ч. X. Флоріанъ: «Le perroquet».

XXXIV.

ЛЮДМИЛА и УСЛАДЪ.

СКАЗКА.

Посвящена К. П. Батюшкову.

Аполлономъ вдохновенный,	Какъ стихами заниматься?
Другъ любезный и поэтъ,	Какъ веселымъ мнѣ казаться?
Ты, прощаясь, далъ совѣтъ,	Такъ и быть. Вотъ мой рассказъ.
Чтобъ, на скуку осужденный,	Солнце за лѣсъ заходило;
Коротилъ я длинный часъ,	Съ черноокою Людмилой
И свободными стихами	Вытязъ ѣхалъ на конѣ
Я бесѣдовалъ съ друзьями.	Въ полудневной сторонѣ,
Но, ахъ, милые, безъ васъ	Гдѣ Дибирь быстрый протекаетъ

И волнами омываетъ
 Древній, славный Кіевъ градъ.
 Пмя витязю Усладъ.
 Овъ красавицу рукою
 Къ бѣлой груди прижималъ,
 И копомъ своимъ другую
 Храбрый витязь управлялъ.
 Впереди слугитель вѣрный,
 Другъ Улада неизмѣнный,
 Добрый несъ его бѣжалъ.
 Вотъ и замокъ съ теремами,
 Гдѣ подъ часъ Уладъ съ друзьями
 Веселился, пировалъ,
 Показался за долами. —
 «Скоро, скоро», онъ сказалъ
 Юной спутницѣ, прекрасной,
 «Твой любовникъ вѣрный, страстный
 «Въ свой чертогъ тебя введетъ:
 «Счасть епрочное насъ ждетъ!» —
 Что же? Въ броню облеченный,
 Страшный ростомъ, Печенѣгу
 Вдругъ явился. — «Дерзновенный!
 «Тщетенъ съ милою побѣгъ!»
 Съ гнѣвомъ овъ кричитъ Уладу:
 «Ты красавицу отдай!
 «Иль найдешь путь скорый къ аду;
 «Что ты хочешь? Выбирай!» —
 — «Не страшусь твоей я силы»,
 Храбрый витязь говорить:
 «Взоръ прекрасныя Людмилы
 «Мнѣ въ сраженьи будетъ щить».
 И съ коня Уладъ слѣзаетъ
 Въ гнѣвѣ яростномъ долой;
 За любовь и честь вступаетъ
 Съ Печенѣгомъ въ бой ручшой.
 Крикъ въ дубравѣ раздается
 Нашихъ двухъ богатырей;
 Кровь изъ нихъ ручьями льется;
 Но борьбѣ Людмила сей
 Не дивится, ожидаетъ
 Скоро-ль будетъ ей конецъ.
 Конь дрожитъ, несъ страшно лаетъ.
 «Полю! полно!» восклицаетъ

1818.

Труды Общества любителей русс. словесности 1819 г., ч. XIII.

Неожиданный пришлецъ.
 «Силой равны мы съ тобою!
 «Ночь ужъ крестъ темнотою
 «Льетъ густой и злачный доль;
 «Пусть Людмила выбираетъ
 «Съ кѣмъ идти она желаетъ,
 «Ей дадимъ на произволь!» —
 И, подавъ Людмила руку
 Печенѣгу, въ тотъ же часъ
 Удаляется отъ глазъ!
 Опишу-ль Улада мугу?
 Окровавленную главу,
 Изумясь, онъ преклоняетъ;
 Что съ нимъ сдѣлалось? не знаетъ,
 Иль во свѣ, иль на яву!
 Смотрить вдаль — и похититель
 Возвращается назадъ. —
 «Несъ, твой вѣрный охранитель,
 «Нуженъ намъ, о другъ Уладъ!
 «Черноокая Людмила
 «Взять его мнѣ поручила». —
 — «За тобой идти во слѣдъ
 «Если несъ мой пожелаетъ» —
 Съ вздохомъ тяжкимъ отвѣчаетъ
 Храбрый витязь — «спору нѣтъ!
 «Я отдать его согласенъ!»
 Обольститель пса зоветъ
 И ласкаетъ: трудъ напрасетъ!
 Лаетъ несъ и прочь нейдетъ:
 Онъ къ ногамъ прилежъ Улада.
 — «Въ горѣ вотъ моя отрада!»
 Витязь громко закричалъ;
 «Кто любовь мнѣ доказалъ?
 «Несъ, мой другъ величественный!
 «Я съ нимъ вѣчно буду жить.
 «И красавицѣ невѣрной
 «Овъ урокомъ долженъ быть».
 Обожаемый сердцами,
 Полю прекрасный, не сердись!
 Я невнѣцъ. Улыбнись!
 Вѣдь не грѣхъ шутить стихами!
 Лжецъ и сказочникъ, все то жъ
 Знаютъ всѣ, что сказка ложь.

XXXV.

БАБУДЪ-ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

СКАЗКА.

На берегахъ Эвфрата
Жилъ пахарь, именовъ Гассанъ,
Смиренный, добрый мусульманъ,
Который не имѣлъ ни серебра, ни злата;
Имѣлъ осла, любилъ его какъ брата;
Лелѣялъ, чистилъ и кормилъ,
И качества его онъ всѣмъ превозносилъ.
На утренней зарѣ и солнца на закатѣ
На немъ нашъ пахарь развѣзжалъ
И повода изъ рукъ, задумавшись, бросалъ,
Увѣренъ будучи въ своемъ ослѣ и братѣ,
Что вѣрно привезетъ Гассана онъ домой.
И подлинно — признаться должно,
Оселъ былъ умница прямой,
Красавецъ; выступалъ онъ гордо, осторожно;
Ушами длинными пріятно шевелилъ
И взоромъ ласковымъ Гассана веселилъ.
Но, впрочемъ, красота наружная нѣбываетъ,
А счастья никому она не доставляетъ.
Умъ надобенъ; оселъ съ разсудкомъ точно былъ;
Подъ ношею своею не спотыкался,
По сторонамъ не озирался
И по утесамъ онъ чинехонько ходилъ,
Какъ ходятъ богачи по гладкому паркету.
Извѣстный Сади говоритъ,
Что истинный разсудокъ состоитъ
Единственно лишь въ томъ, чтобъ, слѣдуя совѣту
Великихъ мудрецовъ, подъ ношей не кряхтѣть,
Умѣть ее носить — и, въ случаѣ, терпѣть.
Однажды нашъ Гассанъ рысцою
Поѣхалъ на осла въ ближайшій городокъ;
И вотъ съ нимъ встрѣтился сѣдой дервищъ съ клюкою.
Гассанъ ему поклонъ. «Здорово, мой дружокъ»,
Сказалъ дервищъ: «великій нашъ пророкъ
«Да низпошлетъ тебѣ свое благословенье!
«Какой же у тебя прекраснѣйшій оселъ!»
— «Честный отецъ, онъ мнѣ товарищъ, утѣшенье,
«И красоту свою понятаемъ превознесеть;
«Послушенъ, добръ, дорогу всюду знаетъ;
«Я брошу повода. . . а онъ идетъ, идетъ
«Все далѣе впередъ.

«Не я его, меня дружище сберегасть.

«За десять томановъ осла я не продамъ». —

«Я сотню дамъ»

— Святоша возразилъ — «и съ радостью большою».

Гассаяъ любилъ осла и сердцемъ, и душою;

Но столько денегъ получить,

Разбогатѣть!... Что дѣлать? Такъ и быть!

Хотѣлъ махнуть рукою —

Какъ вдругъ дервинъ вскричалъ:

«Напрасно продавать осла я убѣждалъ;

«Онъ долженъ быть тебѣ любезенъ;

«Жалѣешь ты о немъ: я вижу по глазамъ;

«Послушай, другъ! Обоимъ вамъ

«Я быть могу полезенъ.

«Умѣетъ ли, скажи, оселъ твой говорить?»

— «Нѣтъ, кажется, ни слова».

«Читать, писать, судить

«О мѣрѣ, что въ немъ есть и добраго, и злова?»

— «Не думаю». — «Онъ, можетъ быть,

«Къ иному приложилъ охоту, понечепье ---

«И вѣрно географъ, историкъ, философъ?»...

Нашъ пахарь въ изумленье,

— «Святой пророкъ!» сказалъ: «не только всѣхъ ословъ,

«Тогда бы и меня онъ превзошелъ въ ученые!

«Оселъ и философъ!» — «Диковинки въ томъ нѣтъ!

«Такія-ль чудеса случались подъ луною?

«Обманъ не сроденъ мнѣ; я дамъ тебѣ совѣтъ:

«Возьми мой кошелекъ, иль отпусти со мною

«Ты въ Мекку друга своего;

«На время можно разлучиться,

«И путешествіе полезно для него.

«Въ отчизну онъ свою ученымъ возвратится:

«Онъ будетъ говорить на многихъ языкахъ,

«Читать и Алкоранъ, и воспѣвать въ стихахъ

«Движеніе міровъ и красоту природы;

«Узнастъ, какъ живутъ всѣ прочіе народы;

«Годъ протечеть... Оселъ увидится съ тобой!

«Я смѣло увѣряю,

«Что будешь скоро ты съ песмѣтною казной.

«Рѣшишь: сто томановъ, иль въ Мекку?»

— «Отпускаю!»

Воскликнулъ нашъ Гассаяъ: — «ударимъ по рукамъ!

«Вотъ мой оселъ! Но цустикамъ

«Златого времени я тратить не желаю.»

«Какая слава мнѣ, какая будетъ честь,
«Когда на мудреца верхомъ изволю сѣсть;

«Когда меня, смиреннаго Гассана,

«Подниметь на хребетъ учитель Алкорана!

«Счастливымъ путь, отецъ святой!...»

И дѣло сдѣлано. — Съ осла Гассанъ слѣзаетъ,

Цѣлуется съ пѣжностью, съ слезами провожасть:

— «Прости, Кабудъ, мой другъ! Прости, пророкъ съ тобой!

«Для счастья твоего, красавецъ дорогой,

«Идешь ты странствовать по свѣту;

«Послушенъ будь; молишь почтаще Магомету,

«И возвратишь скорѣй философомъ домой!»

На добраго осла векабакался святоша,

Поѣхалъ; велѣдъ кричить панъ пахарь: «Черезъ годъ,

«Смотри я жду тебя!» — А самъ... нѣшкомъ идетъ,

И спину бѣднаго согнула крюкомъ ноша.

Дошелся кое-какъ

Въ деревню панъ бѣднякъ

И говоритъ: «Оселъ поѣхалъ мой учиться;

«Великимъ мудрецомъ, конечно, возвратишь,

«И ровню черезъ годъ мы будемъ вмѣстѣ жить.

«Увидите друзья! — Теперь ни слова болѣ!»

«Пусть странствуетъ Кабудъ по волѣ,

«Хотя и тяжело подчасъ нѣшкомъ ходитъ!...»

Горюетъ панъ Гассанъ, а дни текутъ за днями.

Дервишъ съ товарищемъ объѣхалъ много странъ:

Всю Анатолию, обильную плодами,

Обширный Дярбекъ, торгующій словами

И надѣлюющій шелками Персеянъ.

Проходятъ и Алепъ, богатый жемчугами,

Касарію, Мосуль, Эдессу и Гарамъ,

Гдѣ, по преданіямъ, родился Авраамъ.

«Вотъ здѣсь» — панъ богомоль почтенный

Кабуду говорилъ —

«Несчастливыхъ Персеянъ Филипповъ сыпъ разбилъ;

«А тамъ, царемъ Полтійскимъ раздраженный,

«Гулій, славою озаренный,

«Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!»

Кабудъ не отвѣчалъ ни слова,

Но отъ вниманія большова

Ушами хлопалъ и звѣвалъ,

А между тѣмъ его святоша погопалъ...

Вотъ панъ странники пристали къ каравану,

Который съ грузомъ въ Мекку шедъ.

Описывать не стану,
Какое множество нашелъ
Кабудъ тутъ мудрецовъ, врачей и астрологовъ,
Историковъ и филологовъ,
Художниковъ и риѣмачей

И разныхъ языковъ искусныхъ толмачей.

Какой же случай для ученя!..

Одинъ читалъ свои о мѣрѣ разсужденья:

Другой отыскивалъ петочникъ всѣмъ словамъ,

И, будучи башкирь, рѣчь длинную готовилъ,

Въ которой увѣрялъ, что праотецъ Адамъ

Башкирекимъ языкомъ бесѣдовать изволилъ

Съ прекрасной Эвою своею.

На правой сторонѣ брюхастый стиходѣй

Достоивѣйшихъ писателей злословилъ

И насквили писалъ на сочиненя ихъ,

А помнилъ самъ въ душѣ одинъ извѣстный стихъ,

Которымъ онъ восхѣтъ въ поэмѣ былъ шутливой.

Въ собесѣдствѣ отъ него, подъ зонтикомъ, лежалъ

Истолкователь сповѣ, падутый, горделивой;

Въ рукахъ сонникъ онъ съ важностью держалъ

И въ будущемъ читалъ,

А настоящего и знать не добивался.

Кабудъ все слушалъ, примѣчалъ

И, молча, проевѣщался.

Приблизился къ концу несчастный, скучный годъ;

Гассавъ Кабуда ждетъ, да ждетъ,

И въ горести глубокой

Онъ, сидя вечеромъ у хижины своей,

Вздыхая говорить: «Скажи, дервишъ жестокой,

«Что прибыли въ умѣ и святости твоей?

«Кабуда ты меня лишаешь;

«Работаю вседневно я одинъ,

«А ты на пемъ, какъ знатный господинъ,

«Покойно разтѣвжаешь.

«Какъ прежде весело я жилъ!

«Въ трудахъ моихъ оселъ помощникъ вѣрный былъ.

«Я въ одиночествѣ изнемогаю нынѣ,

«И будетъ ли конецъ

«Гассановой кручинѣ?»

Сказалъ... и что-жъ? Честной отецъ

Тащится на ослѣ въ долину. —

«Вотъ онъ, вотъ онъ!» Гассанъ въ восторгѣ закричалъ.

Дервишъ къ избушкѣ подтѣвжасть.

- «Гдѣ милый мой Кабудъ?» нашъ пахарь вопрошаетъ.
— «Неужель своего ты друга не узналъ?
«Вотъ онъ!» — «О, Магометъ! Товарищъ мой хромастъ
«И спотыкается!» — «Не спорю, по душой
«Онъ не споткнется вѣчно». —
«Да гдѣ же глазъ другой?
«Онъ кривъ, уродъ.» — «Конечно!
«Но развѣ мудрецомъ не можетъ быть кривой?
«И въ книгѣ сказано пророкомъ:
«Однимъ, по прозорливымъ окомъ,
«Намъ должно проникать въ сердца». —
«Какой онъ прежде былъ дородный, величавой,
«А нынѣ вижу въ немъ срамца». —
— «Дородность ничего не значить передъ славой,
«Передъ ученьемъ мудреца». —
«Итакъ, Кабудъ ученъ?» — «Онъ—философъ великій
«И знаетъ хорошо восточные языки,
«Не запинаясь, говорить;
«И вѣрь, что здѣсь онъ всѣхъ въ селеннѣ удивить.
«Прости! Миѣ недосугъ, и квиты мы съ тобою!» —
«Прости, святой отецъ»!
«А ты, Кабудъ, любезнѣйшій мудрецъ,
«На мѣсто прежнее прошу идти за мною!»
Уже далеко нашъ деревнищъ.
Гассанъ товарища ласкаетъ,
И съ умиленьемъ вопрошаетъ:
«Что ты, мой другъ, не говоришь?
«Усталъ, конечно, отъ дороги;
«Поди и отдохни; твои трясутся ноги,
«А у меня все есть: сояма и овесъ.
«Я вижу, что труда ты много перенесъ;
«Ты завтра все разскажешь
«И философію, и разумъ свой докажешь.
«Спи, мой сердечный, будь здоровъ!»
Проходитъ ночь. Гассанъ сосѣдямъ объявляетъ,
Что у него въ хлѣвѣ ученый философъ,
Хоть родомъ изъ ословъ,
И всѣхъ на смотръ сзываетъ.
Толпою жители бѣгутъ.
Гассанъ кричитъ: «Вотъ мой Кабудъ!
«Онъ говоритъ стихами по бакирски
«И прозою по сирски.
«Ученья своего не будетъ онъ таять;
«Прошу пожаловать и съ нимъ поговорить.»

Старикъ, съ плѣшивой головою,
И дливною до чреслъ висящей бородою,
Выходитъ изъ толпы и, низко поклонясь,
Къ ученому ослу съ учтивостью взываетъ:
«Имѣетъ ли земли съ небесной твердью связь,
«И для чего луна рогатая бываетъ?
«Надѣюсь» — говорить — «ты не вмѣшишь въ вину,
«Мудрецъ четвероногой,
«Что школы сельскія учитель я убогой
«Испытывать хочу ученья глубину».

Кабудь въ отвѣтъ ни слова:

И шайка остряковъ была уже готова

Надъ бѣднымъ пахаремъ шутить.

«Помедлите, друзья,» сказалъ Гассанъ смиренный:

«Молчанія виной стыдливость можетъ быть;

«Кабудь философъ несравненный,

«Я смѣло увѣряю васъ.»

— «Постойте» — возгласилъ сапожникъ толстобрюхой,

Забавникъ, балагуръ, охотникъ до проказы:

«Вы дайте волю мнѣ. Философъ вислоухой,

«Скажи скорѣй, который часъ?» —

Кабудь зашевелилъ ушами,

Собраше осмотрѣлъ,

Разширилъ поздри и, ногами

Загнавъ, ошь махнулъ хвостомъ и заревѣлъ.

— «Прекрасно говорить философъ новый съ нами,»

Сапожникъ съ смѣхомъ закричалъ.

Гассанъ, въ отчаяннѣ, дубину въ руки взявъ

И ею потчивалъ Кабуда.

«Напрасно бьешь осла» — сапожникъ продолжалъ —

«Скажи, сосѣдъ, откуда

«Такія въ голову нелѣпости ты взялъ,

«Что можетъ твой оселъ насъ удивить ученьемъ

«И говорить какъ философъ?

«Гдѣ видѣлъ ты ословъ

«Съ умомъ и просвѣщеньемъ?

«Дервишь смѣялся надъ тобой;

«Ему нѣшкомъ идти казалось очень трудно,

«А ты, съ пустою головою,

«Святошу наградишь Кабудомъ безразумно.

«Живуть здѣсь разнымъ ремесломъ,

«И этому, сосѣдъ, не долженъ ты дивиться;

«А кто поѣхалъ въ путь ослomъ,

«Ослomъ и возвратится».

XXXVI.

ГНѢВЪ ЗЕВЕСА.

Разгнѣванный Зевесъ въ Италіи прекрасной
Туманомъ небо обложилъ;
Сокрылось солнце,—и ужасной
Борей завылъ въ страпѣ, гдѣ все животворилъ
Зефиръ дыханьемъ благодатнымъ.
Уньше царствуетъ въ дубравахъ, на холмахъ,
Увяли розы на кустахъ,
И воздухомъ луга не дышать ароматнымъ.
Вездѣ печаль и стонъ—и въ капищахъ своихъ,
Колѣна преклонивъ передъ творцомъ природы,
Всѣ молятъ жители, да отвратить отъ нихъ
Онъ бури и невзгоды!
Моленье чистое доходить до небесъ:
Умилосердился Зевесъ
И гнѣвъ на благость обращаетъ;
Онъ солнцу грѣтъ повелѣваетъ:
Все оживляется прекрасною весной.
Смиряться должно предъ судьбой!
Отецъ и Судія вселенной управляетъ:
Онъ наказуетъ и прощаетъ.
Давно ль Москва, краса градовъ,
Подъ игомъ бѣдствія степенала
И посреди ярящихся враговъ
Въ развалинахъ пылала?
Туманы пронеслись, гордыни сломленъ рогъ!
Изъ непа своего Москва возстала краше.
О Ты, который все трудами превозмогъ,
Сійя надъ нами, Солнце наше!

1817.

Труды Общества любителей рос. словесности 1818 г., ч. X.

XXXVII.

СТАРАЯ ЯБЛОНЬ и САДОВНИКЪ.

Стояла Яблоня въ саду
И на свою, несчастная, бѣду
Она отъ старости плодовъ не приносила.
Сатурнова рука чего не истребила?
Хозяинъ Яблони хотѣлъ ее срубить,
Занесъ топорь.—«Постой», бѣдняжка умоляла:
«За что меня губить?
«И такъ мнѣ суждено на свѣтъ мало жить!
«Ты вспомни, я твой вкусъ нерѣдко услаждала,
«И ты хвалился мной!»

«Я съ горемъ расстаюсь съ тобой»,
Садовникъ говорилъ, «и за твои услуги
«Благодарить тебя готовъ;
«Но времена теперь, признаться, стали туги,
«А для теплицъ моихъ мнѣ нужно много дровъ».

Сказаль и въ дерево ударилъ.

Пернатые пѣвцы, качаясь на сучкахъ,
Просили, чтобъ его въ покоѣ онъ оставилъ:

«Будь жалостливъ», они въ слезахъ

Жестокому твердили:

«Подъ тѣнью Яблони мы здѣсь привыкли жить
«И пѣснями тебя согласны веселить;
«Избавь, избавь ее отъ гибели ужасной!»
Все тщетно: злыхъ людей молить есть трудъ напрасной!

Садовникъ птичекъ разогналъ,

Махнулъ еще въ дупло—сосѣдній сукъ уналъ,

И куча пчелъ явилась.

«Глуонецъ», жужжать онѣ: «рука твоя стремилась

«На гибель нашу и свою;

«Насъ много, всю твою семью

«Мы потчивать готовы;

«Къ тому жъ прекрасный медъ ты можешь продавать

«И деньги доставать;

«На милость обрати поступокъ твой суровый

«И Яблони позволь пожить!»

—«Что дѣлать, такъ и быть;

«Я васъ послушаю», садовникъ отвѣчаетъ:

«Душой я, право, добръ. Пусть Яблоня живетъ

«И въ старости своей судьбу благословляетъ.

«Когда жъ подъ тѣнь ея жена моя придетъ,

«Подсяду къ ней съ дѣтми, и всѣмъ намъ будетъ любо.

«Напрасно поступалъ я грубо,

«Впередъ не буду я таковъ;

«Для васъ же, добрыхъ пчелъ, усѣю я цвѣтами

«Весь мой зеленый садъ. Увидите вы сами!»

На что тутъ много словъ?

Съ Садовникомъ и мы признаемся сердечно:

Гдѣ только прибыль есть, мы благодарны вѣчно.

Труды Общества любителей росс. словесности 1819 г., ч. XIV.
Флоріанъ: «Le vieux arbre et le jardinier».

XXXVIII.

ПРОХОЖІЙ и РѢКА.

«Хочу исправиться и нравъ переменить»—

Одинъ пріятель мой мнѣ вздумалъ говорить:

«Хочу души своей я прекратить мученье
«И перестать измѣнницу любить.
«Я карточной игрой разстроивалъ имѣнье,
«Но съ страстью гибельной прощаюсь навсегда!
«Мнѣ свѣтъ оставить не бѣда.
«Въ деревнѣ поселюсь я даже и зимою;
«Друзья пустытника прїѣдутъ посѣщать;
«Науками свой умъ я буду просвѣщать,
«И ты доволенъ будешь мною!» —
— «Я слышалъ много разъ», ему я отвѣчалъ,
«Что ты обычай свой перемѣнить желасишь,
«Но что-жь не начинаешь?» —
«Черезъ недѣлю», онъ сказалъ,
«Черезъ недѣлю я всё связи разрываю:
«Приличности я сохрапаю;
«Придраться должно мнѣ къ красавицѣ моси;
«Но невзначай прїѣхать къ ней
«И объявить, что я ея слуга покорный —
«Такой постунокъ вздорный
«Меня предъ всѣми очернить». —
Такъ говорилъ мой другъ дорогою со мною.
Подходимъ мы къ рѣкѣ — на берегу сидѣть
Прохожій съ ношей и съ сумою.
«Что ты тутъ дѣлаешь?» спросилъ я бѣдняка,
Въ глазахъ котораго я видѣлъ нетерпѣнье.
«Мнѣ нужда есть пройти въ ближайшее селенье»,
Вздохнувъ, онъ отвѣчалъ: «досада велика!
«Здѣсь нѣтъ мостовъ! Авось либо рѣка,
«Ко счастью, прекратить теченье:
«Я этого и жду, чтобъ очутиться тамъ».
Мой другъ, вотъ образъ твой! И ты по пустякамъ
Намѣренье благое отлагасишь;
Рѣка все будетъ течь, и если ты желасишь
На берегу другомъ пожить,
Совѣтъ мой: броситься и плыть.

Труды Общества любителей росс. словесности 1819 г., ч. XV. Флоранъ: «Le ruisseau et la rivière».

XXXIX.

КУЗНЕЧИКЪ.

Кузнечикъ, въ муравѣ густой
Скрываясь, мотылькомъ прельщася,
Который съ одного цвѣточка на другой
Порхалъ, рѣзвился, любовался

И майскимъ утромъ, и собой.

Лазурь и золото блистали

На крыльяхъ мотылька и взоры привлекали.

«Какъ не завидовать судьбинѣ мнѣ его?»

Кузнечикъ разсуждалъ: «природа для него

«Даровъ своихъ не пощадила;

«Счастливица красотой, проворствомъ наградила,

«А я забыть—и ничего

«Въ удѣлъ отъ махики-природы не имѣю.

«Кому извѣстень я? Собою не красивъ;

«Прельщать и правиться ничѣмъ я не умѣю!

«Ахъ, жить на что тому, кто въ жизни несчастливъ?»

Межъ тѣмъ какъ, тяжело вздыхая,

Кузнечикъ горевалъ объ участи своей,

Толпа веселая дѣтей,

На лугъ зеленый прибѣгая,

Пустилась въ слѣдъ за мотылькомъ.

На воздухъ и платки, и шляпы полетѣли!

Мальчишки рѣзвые красавцемъ овладѣли,

И онъ поймавъ подъ платкомъ.

Одинъ ему крыло, другой теребитъ ногу,

А третій и совсѣмъ бѣдняжку раздавилъ.

«Какую видѣлъ я тревогу!»

Кузнечикъ, притаивъ, себѣ проговорилъ:

«Я, право, мотыльку завидовалъ напрасно

«И вижу, что блистать на свѣтѣ семъ опасно!»

Всего полезнѣе, чтобъ счастливо прожить,

Скрывать свой уголокъ и неизвѣстнымъ быть.

Труды Общества любителей рос. словесности 1820 г., ч. XVIII. Флоріанъ: «Le grillon».

XL.

САПОЖНИКЪ и ЕГО СВАТЬ.

Желая возвратить сонъ сладкій и покой,

Сапожникъ богачу отнесъ мѣшокъ съ рублями

(Извѣстный Лафонтенъ намъ въ басенкѣ одной

ѹ немъ разсказывалъ прекрасными стихами),

Отнесъ — и съ радостнымъ опъ сердцемъ шелъ домой

Встрѣчаетъ у воротъ свать Климъ его съ слезами.

«Товарищъ», говоритъ, «я съ просьбою къ тебѣ

«Пришелъ; не откажи и будь мнѣ благодѣтель!

«Я бѣденъ, Богъ тому свидѣтель!

«А бѣднаго темень судьбѣ

«Угодно хлопоты умножить:

«Хозяйка родила сегодня двухъ дѣтей;

«Нѣтъ гроша въ хижинѣ моей,
«И нужда крайняя велить тебя тревожить.
«Я слышалъ, что въ твоёмъ дому
«Шкатулка съ деньгами хранится:
«Ты счастливъ истинно, что могъ обогатиться!»
— «Нѣтъ, другъ, поздравь меня» — отвѣтствуетъ ему
Сапожникъ-весельчакъ: «богатство улетѣло:
«Я отдалъ все назадъ;
«Веселость денегъ мнѣ дороже во сто кратъ,
«И не мое корвѣть надъ сундуками дѣло.
«Вотъ два рублевика; они мои — я радъ
«Помочь товарищу и другу;
«Вчера я былъ богатъ
«И, можетъ быть, не такъ согласенъ на услугу!»
При деньгахъ мы на все сказать готовы пѣтъ,
И сердцу доброму избытокъ часто вредъ.
1821.

Труды Общества любителей рос. словесности 1822 г., ч. I.

XI.

Ч И Ж Ъ.

Чижъ вылетѣлъ изъ клѣтки
И сѣлъ въ саду на верхъ бесѣдки;
Свободой веселясь, онъ пѣсенку запѣлъ.
Ванюша горевалъ и издали смотрѣлъ
На пестраго чижа. — «Что сдѣлалъ ты со мною?»
Онъ птичкѣ говорилъ:
«И чѣмъ я виноватъ, скажи, передъ тобою?
«Бывало, я тебя изъ рукъ моихъ кормилъ,
«Водицею поилъ
«И сдѣлалъ для тебя палаты золотыя.
«О, милый чижъ, оставь намѣренья дурныя
«И возвратись ко мнѣ скорѣй!» —
«Пустое!» чижъ сказалъ: «я въ дружбѣ мнѣ твоей
«Нѣтъ пользы никакой; зеленый садъ, бесѣдка
«Любезнѣе тебя; твои палаты — клѣтка».
1821.

Изд. 1822 г.

XII.

ДВѢ СТАРЫЯ КОШКИ.

Двѣ кошки старыя смиренно разсуждали
О прежнихъ радостяхъ своихъ,
Какъ встарину онѣ живали,
Какъ всѣ любили ихъ! —
«Настали времена, обычай дурные»,

Одна вполголоса твердила такъ другой:
«Въ котяхъ учтивости не видно никакой,
«Всѣ стали сорванцы прямые.
«Повѣришь-ли? сижу по сугкамъ я одна;
«Никто не примѣчаетъ,
«Никто не приласкаетъ,
«Какъ будто я чумой заражена». —
«Ахъ, какъ, сестрица, ты мурлычишь справедливо!»
Съдая кошка ей въ отвѣтъ:
«Совѣмъ перемѣнился свѣтъ!
«Учтивость, постоянство — диво!
«Бывало, я взгляну, и нѣсколько котовъ
«Вертятся вокругъ меня, прыжками забавляютъ;
«Кляпую, что всякій былъ мнѣ угождать готовъ,
«А нынче всѣ пересмѣхаютъ.
«Неблагодарные, какъ я любила ихъ!
«Они измѣной заплатили;
«Забудемъ мы съ тобой обманщиковъ такихъ,
«Забудемъ, какъ они забыли!» —
«Голубушки мои», прервалъ усасть котъ:
«Все чередомъ своимъ идетъ;
«Вы были молоды, и васъ тогда любили!
«Взгляните на себя: вы сѣды, безъ зубовъ;
«Какой-же ожидать вамъ ласки отъ котовъ?»

1821.

Изд. 1822 г. Aubert: «Les deux vieilles chattes».

XLIII.

БѢДНЯКЪ и СТАРЫЙ СОЛДАТЬ.

Въ ненастный, бурный день несчастный шелъ путемъ,
Безъ обуви и утомленный голодомъ:
«О жизнь», онъ говорилъ, «ты кажешься мнѣ адомъ!
«Ахъ, долго-ли носить я буду твой яремъ!
«Не лучше ль умереть, чѣмъ всякій день томиться?
«Когда то горе прекратится?» —
Навстрѣчу вдругъ уродъ,
Страшилище ползеть дорогой,
Въ лохмотьяхъ и усахъ, Беллоны сынъ безногой,
Войны ужасный плодъ.
Кричитъ солдатъ: «Что злѣй моей судьбины?
«Я слышу, рощешь ты, и, право, безъ причины:
«Благодари боговъ!
«Со временемъ легко ты будешь съ сапогами;

«Ты бѣденъ, но здоровъ,
«А мнѣ, мой другъ, вѣкъ не бывать съ погами!»

1821.

Изд. 1822 г.

XLIV.

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА.

СКАЗКА.

Мужъ умирающій такъ говорилъ жемъ:

«Скажи чистосердечно мнѣ:

«Вотъ слишкомъ десять лѣтъ, какъ я живу съ тобою,

«Была-ль ты мнѣ вѣрна? Я отъ тебя не скрою:

«Казалось мнѣ, сосѣдь Оома

«Любилъ тебя, дружечекъ, безъ ума.

«Скажи всю истину; чего тебѣ бояться?

«Я черезъ часъ умру, въ просакъ не попадешь!»—

— «Нѣтъ, муженекъ, не смѣю я признаться:

«Ну, какъ обманешь — не умрешь!»

1821.

Изд. 1822 г.

XLV-

КРАСАВИЦА ВЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ.

СКАЗКА.

Шестидесяти лѣтъ Пульхерія старушка,

Которая въ свой вѣкъ была

Кокетка и вострушка,

Мечтала, что еще илѣпнать она могла,

И что амуры вокругъ прелестницы рѣзвились;

Но, въ зеркалѣ себя увидѣвъ невзначай,

Сказала, прослезясь: «Веселіе, прощай!

«Какъ зеркалѣ перемѣнился!»

1821.

Изд. 1822 г.

XLVI.

ВОЛКЪ и ЕГО ТОВАРИЦЪ.

Въ ночь темную, овецъ губитель,

Волкъ хищный, пастуховъ и стадъ ихъ разоритель,

Бѣ злодѣйству, къ алчности всегда имѣя страсть,

Добычу доставать пустился,

И, наконецъ, бѣды ужаснѣйшей добился:

Въ колодезь удалось проказнику упасть —

И что же? Прямо головою!

Онъ плаваетъ въ водѣ и борется съ судьбою;

Все тщетно: силъ не достасть —

Не можетъ вылезть вонъ и смерти ожидаетъ.

Но утро наступаетъ.

Услышавъ страшный вой, къ колодезю идетъ
Волкъ сѣрый, другъ его, товарищъ неизмѣнный;
И погибающій, надеждой ободрепный,
Врочить: «На помощь, братъ, ко мнѣ, ко мнѣ скорѣй!
«Освободи меня отъ гибели ужасной!»

— «Ахъ, это ты, несчастной!»

Товарищъ говорить: «конечно, врагъ звѣрей,

«Пастухъ тебя сюда отправилъ;

«Я мститель твой: повѣрь, достанется ему!

«У многихъ пастуховъ я сѣбенъ поубавилъ

«И не спускаю никому!» —

— «Любезный, не хочу я мщенья;

«Въ покоѣ ихъ оставь;

«Дай лапу и меня отъ лютаго мученья

«И смерти горестной избавь!

«Слуга тебѣ я буду вѣчный!» —

— «Мнѣ недосужно, другъ сердечный!

«Прислалъ за мною левъ, и я къ нему сѣбшу;

«Ты подожди меня; товарища прошу

«Быть твердымъ въ случаѣ опасномъ:

«Что прибыли, скажи, въ рошталѣн напрасномъ?

«А если умереть тебѣ и суждено —

«Сегодня ль, завтра, все равно;

«Мы все умремъ. Чего бояться?

«Глушцы лишь не хотятъ съ сею жизнью разставаться.

«Философъ будь, прости!» — И въ тотъ же часъ

Нашъ моралистъ исчезъ изъ глазъ.

Бѣдпаякъ волкъ, такимъ поступкомъ изумляемый,

Собравъ все силы, закричалъ:

«Умремъ съ покорностью смиренной!

«Я, наконецъ, на опытѣ узналъ,

«Что выгоды свои все исполнять умѣютъ;

«Несчастные жъ друзей въ семь мѣръ не имѣютъ».

Труды Общества любителей росе. словесности 1822 г., ч. II.

XLVII.

ЩЕГЛЕНОКЪ и ВОРОБЕЙ.

На берегу рѣки, въ прекраснѣйшей бесѣдкѣ,

Сидѣлъ Щегленокъ въ клеткѣ,

И цѣлый день онъ пѣсни пѣлъ.

Въ бесѣдку Воробей печально взлетѣлъ

И узнику дивится,

Что можетъ взаперти онъ жить и веселиться.

— «Что дѣлать, мой дружокъ»,
Бѣдняжка нашъ сказалъ, вздыхая:
«Хозяикъ нравится мой нѣжный голосокъ;
«Я для нея пою и, скуку прогоняя,
«По крайней мѣрѣ, сытъ
«Въ моей несчастной долѣ!» —
«Ты жалокъ», воробей щегленку говорить:
«Не пой, и скоро въ поле
«За мною полетни:
«Отъ пѣсенокъ твоихъ и въ клѣткѣ ты спиши».
Глушцамъ вездѣ просторъ. Они досадъ не знаютъ;
Таланты не всегда намъ счастье доставляютъ.
Труды Общества любителей рос. словесности 1822 г., ч. II.

XLVIII.

МАЛИНОВКА.

Малиновка моя изъ клѣтки улетѣла.
Неблагодарная, какъ я ее любилъ,
Лелѣялъ и кормилъ!
Она цвѣтитъ моихъ стараній не умѣла.
Бывало, поутру, я слушаю ее
И пѣньемъ восхищаюсь;
А нынѣ съ ужасомъ, несчастный, просыпаюсь:
Она взяла съ собой веселіе мое.
Что вижу я? Въ саду, съ кусточка на кустокъ,
Измѣнница летаетъ;
Подкрадусь къ ней — надежды лучъ блистаетъ:
— «Малиновка, сердечный мой дружокъ,
«Я здѣсь, зову тебя. Ахъ, сжался надо мною
«И въ прежнее жилище возвратись!
«Опасной воли берегись:
«Она подчасъ бываетъ намъ бѣдою.
«Съ какою радостью тебѣ я дамъ покровъ,
«И въ клѣткѣ золотой не будешь ты бояться
«Ни бури, ни дождя, ни хищныхъ ястребовъ,
«А только — пѣть и забавляться».
Невѣрная, моихъ не слышитъ словъ,
Летитъ и, веселясь судьбою,
Щебечетъ, слышу я: «Быть можетъ, что съ тобою
«Я снова-бъ согласилась жить,
«Но поступаешь ты совѣтъ неосторожно:
«О клѣткѣ было мнѣ, я признаюсь, не должно
«Такъ скоро говорить».

1823.

Труды Общества любителей рос. словесности 1824 г., ч. IV.

XLIX.

СОНЪ ЛЮДМИЛА.

СКАЗКА.

Зима суровая настала;
Я шла домой; погода бушевала,
И хижину, гдѣ жилъ Людмилъ,
Съ трудомъ взоръ мрачный находилъ.
И долъ, и лѣсъ покрылись пеленою;
Мой съ лаемъ стражъ бѣжалъ передо мною,
Вѣтеръ бурный рощамъ говорилъ:
«Гдѣ твой Людмилъ? гдѣ твой Людмилъ?»
Изъ облаковъ луна сверкала;
Я съ страхомъ на нее взирала;
Мнѣ слабый лучъ ея твердилъ:
«Какъ я, погаснетъ твой Людмилъ!»
Я, грустью, бурей утомлена,
Въ сонъ крѣпкій пала погружена.
Пустынный колоколъ завылъ!
Проснулась я... но спалъ Людмилъ.
Сестра его въ слезахъ стояла;
Ея рука въ моей дрожала.
«Онъ счастливъ! — (кто-то мнѣ шепнулъ) —
«Сномъ вѣчнымъ твой Людмилъ заснулъ».

Новости литературы 1823 г., кн. VI.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ КАМИНУ.

«Nonni soit qui mal y pense!»

Любезный мой Каминъ, товарищъ дорогой,
Какъ счастливъ, веселъ я, сидя передъ тобою!
Я міра суету и гордость забываю,
Когда, мой милый другъ, съ тобою разсуждаю;
Что въ сердцѣ я храню, я знаю то одинъ;
Мнѣ нужды нѣтъ, что я не знатный господинъ;
Мнѣ нужды нѣтъ, что я на балахъ не бываю,
И говорить бол-мо на счетъ другихъ незнаю;
Бомонда правила не чту я за законъ,
И лишь по имени извѣстенъ мнѣ бостонъ.
Объдовъ не ищу, не знаемъ я, но воленъ;
О, милый мой каминъ, какъ я живу доволенъ!

Читаю ли я что, иль грѣюсь, иль пишу,
 Свободой, тишиной, спокойствіемъ дышу.
 Пусть Глушомотовъ всёмъ имѣнье расточаетъ
 И рослыхъ дураковъ въ гусары наряжаетъ;
 Какая пужда мнѣ, что онъ развратный мотъ!
 Безмозгловъ пусть снесивъ. Но что онъ? Глушій скотъ,
 Который, свой языкъ природный презирая,
 Въ атласныхъ шлафрокахъ блаженство почитал,
 Какъ кукла рядится, любитъ себя собой,
 Мня въ плѣнь ловить сердца французской головой.
 Онъ, бюстотъ накунивъ и чайныхъ два сервиза,
 Желаетъ роль играть парижскаго маркиза;
 А господишь маркизъ, того коль не забылъ,
 Шестъ мѣсяцевъ назадъ здѣсь вахмистромъ служилъ.
 Пусть онъ дурачится! Нѣтъ пужды въ томъ ни мало:
 Здѣсь много дураковъ и будетъ, и бывало.
 Прыгушкинъ, наприимѣръ, все счастье ставить въ томъ,
 Что онъ въ большихъ домахъ вдругъ сдѣлался знакомъ,
 Что прыгать л'екосезъ, въ бостонъ онъ знаетъ,
 Что Адриапъ его по модѣ убираетъ,
 Что фраки на него шьютъ славный вдѣсь Луп,
 И что съ графинями проводить дни свои,
 Что всё онъ его кузеномъ называютъ,
 И знатные къ нему съ визитомъ прѣзжаютъ.
 Но что я говорю? Одинъ ли онъ таковъ?
 Бѣднѣй его сто разъ сосѣдъ мой Пустяковъ,
 Другимъ дурачествомъ Прыгушкину подобенъ;
 Онъ вздумалъ, что послонъ онъ точно быть способенъ,
 И чтобъ яснѣе то, и лучше доказать,
 Изволилъ кошелекъ онъ сзади привязать
 И мнить, что тѣмъ онъ сталъ политикъ и придворный,
 А Пустяковъ, увы! совѣтникъ лишь надворный.
 Вотъ какъ ослѣплены бываемъ часто мы!
 И къ суетѣ пустой стремятся всё умы.
 Разсудка здраваго и пользы убѣгаемъ,
 Блаженство ищемъ тамъ, гдѣ гибель мы встрѣчаемъ.
 Гордиться, ползать, лстить, все въ свѣтѣ продавать —
 Вотъ въ чемъ стараемся мы время провождать!
 Неправдою Змѣядъ доставъ себѣ имѣнье,
 Желаетъ, чтобъ къ нему имѣли всё почтенье,
 И заставляетъ тѣхъ въ своей передней ждать,
 Которыхъ можетъ онъ, къ несчастью, угнетать.
 Низконоклоповъ тутъ съ сѣдою головою,
 Съ наморщеннымъ челомъ, но съ подлою душою,

Увидѣвъ Катеньку, сердечно радъ тому,
 Что ручку цѣловать она дастъ ему,
 И, низко кланяясь, о томъ не помыслияетъ,
 Что Катенькинъ отецъ паркету патираетъ.
 О чемъ ни вздумаю, на что ни посмотрю,
 Пль подлость, пль порокъ, иль предразсудки арю!
 Бѣднякъ хотя уменъ, но презрѣнъ, угнетаемъ.
 Скотицины сущій пень, но всеми уважаемъ,
 И, не смотря на все, на Лизѣ сговорилъ;
 Онъ женится на ней, хотя ей и не милъ,
 Но нужды нѣтъ ему: она собою прелестна,
 А скупость матушки ея давно извѣстна;
 За нимъ же, знаютъ все, двѣнадцать тысячъ душъ,
 Такъ можетъ ли онъ быть не безподобный мужъ?
 Онъ молодъ, говорятъ, и свѣта мало знаетъ,
 Но добръ, чувствителенъ и Лизу обожаетъ;
 Она съ нимъ счастливо, конечно, проживетъ.
 Несчастна Лизанька, вздыхая, слезы льетъ
 И въ женихъ своею находитъ лишь урода.
 Ума намъ не даютъ ни знатная порода,
 Ни пышность, ни чины, ни камешки дома,
 И милліонами пельзы купить ума!
 Но злато, можетъ быть, пороки позлащаетъ,
 И милой Лизы мать такъ точно разсуждаетъ.
 «Постой», кричитъ Плутовъ, «тебѣ-ль о томъ судить,
 «Какъ въ свѣтѣ должно намъ себя вести и жить?
 «Ты молодъ, такъ молчи. Мораль давно я знаю:
 «Ты съ нею голъ, какъ мышь, я — селы покупаю.
 «Повѣрь мнѣ, не набьешь стихами кошелекъ,
 «И гроша не дадутъ тебѣ за комелькъ.
 «Я вздора не пишу, а мой карманъ исправенъ;
 «Незнаемъ ты никѣмъ, я въ Петербургѣ славенъ.
 «Ласкаютъ все меня: и графы, и князья».
 Плутовъ, ты всею знакомъ, о томъ не спорю я,
 Но также нѣтъ и въ томъ сомнѣнья никакова,
 Что рѣдко льзя найти бездѣльника такова,
 Что все имѣніе, деревню, славный домъ,
 Проныретвомъ ты досталъ, Плутовъ, и воровствомъ.
 Довольно — не хочу писать теперь я болѣ
 И, не завидуя ничьей счастливой долѣ,
 Стараться буду я лишь только честнымъ быть,
 Законы почитать, отечеству служить,
 Любить моихъ друзей, любить уединенье:
 Вотъ сердца моего прямое утѣшенье!

II.

К Ъ Л И Р Ъ.

Анакреонтическая ода.

Давно па лирѣ милой,	Сердечно восхищенье
Давно я не игралъ;	Влечеть ее изъ глазъ;
Скорбящій духъ, унылой	Исчезло огорченье,
Ее позабывалъ.	Насталъ отрады часъ.
Природа украшалась	Но, ахъ, весна сокрылась!
Прелестною весной,	Желтѣютъ дресеса,
Рука-жь не прикасалась	И птичка удаллась
До лиры дорогой.	Въ полуденны лѣса;
Здоровье, даръ безцѣнный,	Ужь бабочка не вьется
Лишенъ я былъ тебя,	Съ цвѣточка на цвѣтокъ,
И, грустью отягченный,	И съ милой разстается
Влачилъ свой вѣкъ степи.	Пастушкой пастушокъ;
Все веселилось въ мѣрѣ,	Зефиръ не вѣетъ болѣ,
Цвѣли въ поляхъ цвѣты,	Осенній вѣтръ шумитъ
А я не пѣлъ на лирѣ	И томно поповолѣ
Веселни красоты.	На лирѣ пѣть велитъ.
Ни ручейка журчанье	Но къ ползѣ и несчастье
Я нынѣ не слышалъ,	Даетъ намъ рокъ терифтъ:
Ни птицъ въ кустахъ порхапье,	Когда пройдетъ ненастье,
Ни рощей не видалъ.	Пріятнѣй солнце зрѣтъ.
Спасенный днесъ судьбою	Пловецъ всегда-ли въ морѣ
Отъ лютыхъ горькихъ мукъ,	Теряетъ жизнь волной?
Кроплю тебя слезою,	Утѣшься, лира!.. Вскорѣ
О лира, милый другъ!	Увижусь я съ весной.

Пріятное и полезное препровождение времени 1794 г., ч. III.

III.

ДВОРЦОВЫЙ САДЪ.

«Въ дворцовомъ ты саду вчера, конечно, былъ?»

Клитонъ мнѣ говорилъ;

«А мнѣ не удалось тамъ погулять съ тобою.

«Встрѣчались, слышалъ я, красавицы толпою;

«Кто были тамъ, скажи?»—Какой я дамъ отвѣтъ?

Тамъ былъ почти весь свѣтъ,

Но видѣлъ я... Кого?.. Одну лишь только Хлою.

11-го мая.

Пріятное и полезное препровождение времени 1795 г., ч. VI.

IV.

КЪ МИЛОЙ ПОДРУГЪ МОЕГО СЕРДЦА.

Два дни не бывъ съ тобою,	Я мучился тоскою,
Два дни не зрѣвъ тебя,	И все вокругъ меня

Печально, томно было.
Но былъ ли счастливъ я,
Какъ сердце не любило?
Ахъ, нѣтъ!.. Теперь лишь знаю,
Въ чемъ счастье находить.
Люблю... и въ вѣкъ желаю
Любви подвластнымъ быть.
Въ любви все утѣшаетъ:
И грусть, что я терплю,
И слезы, что я лью;
Все чувства улаживаетъ,
Питая страсть мою.
Не зрѣть тебя—ужасно!
Но мыслей и душой
Съ одною лишь тобой
Быть, милая, всечасно—
Вотъ счастье мое!
Когда узрю ее,
Твердить мнѣ сердце страстно,

Когда скажу я ей,
Что всякую минуту
Терпѣль я муку люту,
Что былъ въ разлукѣ съ ней;
Когда улыбку вѣжну
Увижу на устахъ,
Когда прочту прелестну
Надежду я въ очахъ,
То все тогда забуду
И счастливъ, счастливъ буду!
Такъ, милая, тобой
Рай жизни обрѣтаю;
На скучный я покой
Любви не промѣняю.
Пусть огонь кипитъ въ крови,
Пусть вѣжрый духъ вздыхаетъ;
Но, вѣрь мнѣ, все вѣщаетъ:
Нѣтъ счастья безъ любви!

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

У.

СЕРДЕЧНОЕ ЧУВСТВО.

Что ты тоскуешь,
Нѣжное сердце?
Гдѣ твоя вольность,
Гдѣ твой покой?
Бѣдное сердце
Милой подвластно!
Стонетъ, тоскуетъ,
Страстно любя...
Что мнѣ въ свободѣ?
Лучше, пріятнѣй

Вѣчно любовью
Къ Хлоѣ горѣть.
Кто-бъ могъ со мною
Въ счастья равняться,
Еслибъ прекрасной
Былъ я любезенъ?
Если бы Хлоя
Съ милой улыбкой
Нѣжно сказала:
«Сердцу ты милъ!»

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

VI.

Б Ъ М И Л О Й.

На голосъ: «Уже со тьмою ночи»...

Недавно я на лирѣ
Уныло, томно пѣлъ,
Что я доселѣ въ мірѣ
Подруги не имѣлъ.
Я милую имѣю
И горестъ все терплю;

Но, ахъ, сказать не смѣю,
Что я ее люблю!

Лишь то въ душѣ твердится.
Что всѣхъ она милѣй;
И мысль моя стремится

Къ владычицѣ моей.
Стремится!.. Умножаетъ
Страданье тѣмъ мое;
Но, ахъ, она не знаетъ,
Что я люблю ее!

Какъ съ милой я бываю,
Я веселье—и грущу;
Сказать люблю желаю,
И словъ я не сыщу.
То взоръ ея плѣняетъ,
То сердце рветъ мое;

Но, ахъ, она не знаетъ,
Что я люблю ее!

Пусть духъ томится страстной!
Мнѣ льзя ли не любить?
О, еслибъ я прекрасной
Возмогъ любезнымъ быть!
Блаженство съ чѣмъ равняться
Тогда могло-бъ мое?
Но смѣю-ль ей признаться,
Что я люблю ее.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

VII.

ТОСКА ПО МИЛОЙ.

Ночь мракомъ землю покрываетъ
И всѣмъ спокойствіе дарить;
Но счастливый его лишь знаетъ,
А отъ меня оно бѣжитъ.

Взойди луна, взойди скорѣе!
Дышу свободнѣй я съ тобой;
И тотъ ручей журчитъ милѣе,
Въ которомъ лучъ играетъ твой.

Печалью сердце отягчено
Въ тебѣ, луна, отраду зрить;
Слезю око окроплено
Съ восторгомъ на тебя глядитъ.

Въ лѣсу тѣнистомъ воспѣваетъ
Весны любимецъ, соловей;
Но пѣней болѣе не плѣняетъ
Меня пріятною своею.

Къ любви желанье все стремится,
Хочу любить.... Подруги нѣтъ!
И, ахъ, въ тоскѣ, какъ вѣтеръ, мчится
Краса прелестна юныхъ лѣтъ!

Въ природѣ все любовью таетъ!
Она—блаженство нашихъ дней!
И пѣпочка съ дружкой летаетъ;
Коль нѣтъ его, то грустно ей.

А я одинъ!... На стопахъ унылой
Никто не отвѣчаетъ мнѣ.
А я одинъ!... И тѣтно милой
Въ плачевной сей ницѣ страпѣ.

Луна въ долину осребрила
Цвѣты, смоченные росой;
О если-бы подруга мила
Гуляла здѣсь теперь со мной!

Отерла бы она токъ слезной
Рукою пѣжкою своею,
И я бы грудь прижалъ любезной
Ко груди пламенной моею.

Но, ахъ, лишь болѣе унываетъ
Мой духъ, гоняясь за мечтой!
И томно эхо повторяетъ,
Что милой я не зрю съ собой.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. V.

VIII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОССИАНА.

Колма ¹⁾.

Се почь!.. и я одна оставлена на холмѣ!
Гуда укрыться мнѣ отъ бури, отъ дождя?

На каменныхъ горахъ шумъ вѣтровъ раздается!
 Потоки мчатся въ доль... Куда укрыться мнѣ?
 Явись, луна, скорѣй, и вы, починья звѣзды,
 Явитесь, къ милому откройте Колмѣ путь!
 Пусть я туда пойду, гдѣ, ловлей утомленный,
 Покоится теперь Сальгаръ, любезный мой!
 Но, ахъ, гдѣтъ помощи!.. Здѣсь, на утесахъ странныхъ,
 Скитаюсь я одна и горьки слезы лью.
 Шумъ быстрыхъ рѣки, шумъ вѣтровъ грозныхъ, бурныхъ
 Мѣшасть слышать гласъ драгого моего!
 Сальгаръ, ты обѣщаль увидѣться со мною,
 Когда наступитъ почь! Почто же медлишь ты?
 Се каменна гора, се мрачныя пещеры,
 Гдѣ Колмѣ повелѣлъ себя ты ожидать!
 Почто-же медлишь ты? Приди, приди скорѣе,
 Другъ сердца моего, въ объятія мои!
 Отъ гордаго отца и брата удалимся:
 Они враги тебѣ, но я... тебя люблю!
 Умолкни, бурный вѣтръ, умолкни, ты, на время!
 Умолкни быстрая, шумящая рѣка!
 Пусть бѣдной Колмы здѣсь степанье раздастся,
 И милый странникъ пусть услышитъ голосъ мой!
 Сальгаръ, зову тебѣ!—Се мрачныя пещеры,
 Се каменна гора!—Почто-же медлишь ты?
 Луна печальная ужъ осребряетъ воды,
 А ты еще неидешь къ возлюбленной своей!

Но кто лежитъ въ кустахъ? Что вижу я злосчастлива?
 Отчаянье и страхъ объемяютъ весь мой духъ!
 Не мой-ли здѣсь Сальгаръ? Не мой-ли братъ любезный?
 Но поздно я пришла, и мертвы ужъ они!
 Ихъ острые мечи все кровью обогрены,
 И труны хладныя не отвѣчаютъ мнѣ!
 О, братъ мой! О, Сальгаръ! Почто я васъ лишилась?
 Гдѣ слава днесъ твоя, гремѣвшій на войнѣ?
 Гдѣ прелести твои, прекраснѣйшій на холмѣ?
 Безмолвствуютъ.—Увы, безмолвье вѣчно ихъ!
 Вѣщайте, вы, теперь съ вершины горъ ужасныхъ,
 Вѣщайте, духи ихъ! Приятенъ мнѣ вашъ гласъ!
 Гдѣ вы покоитесь?.. Гдѣ я пайду умершихъ?
 Но гдѣтъ, отвѣта гдѣтъ!—Онъ бурей заглушенъ.

1) Отрывокъ сей сдѣланъ по просьбѣ одного пріятеля, желавшаго видѣть
 въ стихахъ Оссиановы пѣсни; но едва-ли ихъ теченіе и гармонія не
 противятся стихамъ.

Се утро я въ слезахъ и горести встрѣчаю!
—Ахъ, рыть могилу здѣсь ужъ шествуютъ друзья!
Постойте, милые, не зарывайте гроба,
Постойте, и меня умершіе зовутъ!
Тамъ съ пими въ мракѣ я покоиться желаю,
И темна почъ когда на холмъ сюда сойдемъ,
И на горахъ когда завоетъ вѣтръ унылый,
Въ шумящемъ вѣтрѣ духъ носиться будетъ мой,
Услышнть стонъ его довецъ и устрашится,
Услышнть... и слезу чувствительну пролетъ!
Стопъ мой, о милые, пріятень будетъ, сладокъ:
Опъ всюду возвѣститъ, какъ я любила васъ!

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

IX.

Б Ъ Х Л О Ъ.

Какъ все съ тобою восхищаетъ!

И лугъ прекраснѣе цвѣтетъ;
Быстрѣе рѣчка протекаетъ;
Нѣжнѣе нѣночка поетъ:
Какъ все съ тобою восхищаетъ!
Все въ жизни разцвѣло моей,
Когда тобою я пѣнился!
Когда не зналъ я страсти сей,
Природой такъ ли веселился?
Все въ жизни разцвѣло моей!
Какъ сильно бьется сердце страстно!
О Хлоя, весело любить!
Твердить я то хочу всечасно;
Нѣтъ нужды болѣе таить:
Какъ сильно бьется сердце страстно!
Ты любишь! Ты навѣкъ моя!
Со мною можетъ кто равняться?
Душа открыта мнѣ твоя:
Нѣтъ, ты не можешь притворяться!
Ты любишь! Ты навѣкъ моя!

27-го іюня.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VII.

X.

ПИСЬМО къ П. И. ДМИТРИЕВУ.

Ты правъ, мой милый другъ! Веѣ наши стиходѣи
Слезливой лирою прославиться хотятъ;

Все голубки у нихъ къ красавицамъ летать,
Все вьются ласточки, и все одинъ затѣи;
Всѣ хнычуть и ревуть, и мысль у всѣхъ одна:
То вдругъ представится луна
Въ блѣднопалевой порфирѣ;
То онъ одинъ остался въ мѣрѣ;
Нѣтъ, милой, нѣтъ, драгой: она погребена
Подъ камнемъ сѣрымъ, мшистымъ;
То, вдругъ, подъ дубомъ тамъ вѣтвистымъ
Сова упыло закричить;
Завостъ сильно вѣтру, любовникъ побѣжить,
И слезка на струнахъ родится.
Тутъ восклицаній тѣма и точекъ появится.
Нѣтъ нужды до того. Онъ мыслить, что уменъ,
И что шитомъ быть на свѣтъ произведешь;
Что онъ съ Державинымъ, съ тобой равняться можетъ;
Что съ зависти къ нему и Стеригъ нашъ пальцы гложетъ.
О, плаксы бѣдныя! Жалка мнѣ участь ихъ!
Они совсѣмъ того не знаютъ,
Что, гдѣ парятъ орлы, тамъ жуки не летаютъ.
Не крючковата мысль творить прекраснымъ стихъ,
Но плавность, чистота души и сердца чувство:
Вотъ стихотворцевъ въ чемъ прямое есть искусство!
Намъ можно подражать, не портя слогу другихъ.
Такъ Геснеръ подражалъ Бюну,
Такъ ты, любезный нашъ нѣвецъ,
Въ слѣдъ шествуя Анакреону,
Отъ грацій получилъ вѣнецъ.
Такъ хвальну пѣснь поетъ нашъ бардъ Фелицъ, Богу;
Такъ милый, нѣжный Карамзинъ
Въ храмъ вкуса проложилъ дорогу;
И такъ отечества усердный, вѣрный слуга,
На звучной лирѣ намъ бряца,
Херасковъ брань воспѣлъ, Омиру подражая.
О, если бѣ бардовъ сихъ я славный даръ имѣлъ
И всѣхъ плѣнять сердца подобно имъ умѣлъ,
Тогда бѣ прославился своей вездѣ я лирой!
Но я молчу и имъ не смѣю подражать;
Живу я съ дружбой и съ Темирой;
Для нихъ единственно желаю я писать.
Коль милая моя, читая, улыбнется;
Коль нѣжный другъ души похвалить пѣснь мою,
Когда я пламень мой и дружбу воспою;

То сердце съ радости забьется,
То я доволенъ и блаженъ:
Коль милъ Темиръ я, то щедро награжденъ.

Аониды 1796 г., кп. I.

XI.

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ.

Подражаніе Марулліо.

«Чей мрачный гробъ несутъ?»

— Прекраснѣйшей Лауры.

«Кто рвется такъ по ней? Кто слезы льетъ?»—Амуры.

«Какихъ прелестныхъ нимфъ у гроба я сего

«Зрю въ трауръ облеченныхъ?»

— Ты видишь грацій огорченныхъ.

«Костерь ея, скажи, составленъ изъ чего?»

— Изъ стрѣлъ, амуромъ сокрушенныхъ.

«Ужасна пламени того

«Кто будетъ жертвою съ Лаурою любезной?»

— Умъ, кротость, прелести.—«О рокъ, свирѣпой, слезной!

«Къ Чему же служатъ намъ и умъ, и красота?»

— Увы, проходить все! Все въ свѣтъ есть мечта,

И алчна смерть, косою своею

Лишивъ Лауры насъ, взяла утѣхи съ пею.

Аониды 1796 г., кп. I.

XII.

С У Й Д А.*

Io mi son'un che, quando
Amore spira, noto, ed in quel modo
Ch'ei detta dentro, vo significando.

ДАНТЕ.

Души чувствительной отрада, утѣшенье,**

Прелестна тишина, покой, уединенье,

Желаній всѣхъ моихъ единственнѣй предметъ!

Недолго вами я, къ несчастью, наслаждался;

Природы красотой нелюболюбиво любовался;

Опять я въ городѣ, опять среди суеты,

И сердцу радостей глазамъ пріятства пѣтъ,

И все вокругъ меня мнѣ кажется уныло!

*) Село, принадлежащее И. А. Ганибалову въ 60 верстахъ отъ С.-Петербургa.

**) Сіи стихи были писаны въ цвѣтущей молодости моеи. Я тогда еще мечталъ о счастіи!

Съ казимъ весельемъ я взиралъ,
Какъ ты, о солнце, восходило,
Въ восторгъ все чувства приводило!
Тамъ запахъ ландышей весь воздухъ наполнял,
Тамъ пѣли соловьи, тамъ ручеекъ журчалъ,
И Хлоя тутъ была. Чего жъ не доставало?
Что въ мѣрѣ я любилъ, что мысль обворожало,
Кѣмъ сердце нѣжное дышало,
Все было тамъ со мной!
Потомъ, какъ тина съ вечернею росой
На землю опускалась,
Со мною милая на лодочкѣ каталась,
И финскимъ языкомъ твердила мнѣ: *люблю!*
Палаты въ воздухъ обыкновенно строя,
Я Хлоя говорилъ: «Послунай, для покоя
«Такое же село, какъ Суйда, я куплю
«И буду жить съ тобой тамъ въ домикѣ прекрасномъ
«Нашъ милые друзья прѣдутъ посѣщать,
«А мы, подъ небомъ яснымъ,
«Съ сердцами чистыми ихъ станемъ угощать.
«Тутъ, въ англійскомъ саду, подъ липою густою,
«Готовъ намъ будетъ чай — и Хлоя разливать;
«А тамъ насъ пѣнями и пляскою забавлять
«Брестянки изъ села все прѣбѣгутъ толпою.
«Оттуда мы пойдемъ рѣзвиться на лужокъ,
«Гдѣ для друзей моихъ построю я качели;
«Потомъ услышимъ гласъ свирѣли,
«И стадо тучное погонитъ пастушокъ.
«Когда же солнышко за горы закатится,
«И небо розовой одѣнется зарей,
«Тогда на берегу въ бесѣдкѣ столъ явится.
«Ты будешь ужина душой!
«Со вкусомъ будетъ все, приятно и не пышно;
«А лучше что всего, чему смѣется свѣтъ,
«У насъ рѣчей другому въ вредъ,
«Ни острыхъ, колкихъ словъ, никакъ не будетъ слышно.
«Но утру жъ время съ кѣмъ я буду провождать?
«Съ Гирифельдомъ и Руссо, съ Боннетомъ и Томсономъ;
«Ихъ долгъ-къ полезному мой разумъ поощрять,
«И наставленья ихъ я буду чтить закономъ.
«И вы, любезные Юнгъ, Геснеръ, Циммерманъ,
«Собой украсите мое уединенье.
«Кому любить добро даръ милый небомъ данъ,
«Тотъ въ васъ найдетъ всегда для сердца утѣшенье!

«Вотъ, какъ я, иѣжный другъ, желаю жить съ тобой!
 «Не злата множество — посредственность, покой,
 «Любовь моихъ друзей, ты, Хлоя, и доволенъ,
 «И нѣтъ счастливѣе меня!
 «Кто правъ своей душой, кто въ совѣсти спокоенъ,
 «Тобою кто любимъ, имѣть кто тебя,
 «Кто бѣдному помочь въ несчастьи не жалѣетъ,
 «Чего желать тому? — Онъ все уже имѣетъ».

Аонида 1797 г., кн. II.

ХIII.

КЪ БРАТУ И ДРУГУ.

Почто, мой другъ, судьбою
 Съ тобой я разлученъ?
 Нашъ все соединяло:
 И дружба, и родство;
 Росли и жили вмѣстѣ
 Съ тобою мы всегда;
 Однѣ утѣхи были,
 И горести однѣ.
 Прошло счастливо время:
 Нѣтъ друга моего!
 Ахъ, онъ теперь далеко
 Въ чужой живетъ странѣ!
 Кто тамъ его утѣнитъ?
 Кто любить тамъ его?
 Друзей притворныхъ много,
 Но можно-ль съ ними жить?
 Кто веселъ, кто забавенъ,
 Тотъ кажется всѣмъ милъ;
 Но кто душою иѣжной
 Природой одаренъ,
 Кого несчастье гонитъ
 И тѣготитъ печаль;
 Того всѣмъ людямъ должно
 Какъ язвы убогать.
 Обыкновенно въ свѣтѣ
 Такъ мыслятъ и живутъ!
 Зовутъ химерой дружбу,
 Любовь — притворство въ немъ!
 Чувствительное сердце
 И терпитъ отъ того,
 Что здѣсь встрѣчаетъ рѣдко
 Подобное себѣ.
 Давно-ль мы въ здѣшнемъ мѣрѣ

Съ тобой еще живемъ?
 Но мы ужъ испытали
 Коварство, злость людей.
 О, если-бъ съ милымъ другомъ
 Теперь я вмѣстѣ былъ,
 Мы съ нимъ бы находили
 Отраду и въ слезахъ;
 Я дружбою моею
 Утѣшилъ бы его.
 Ты помнишь, какъ, бывало,
 Текли часы для насъ?
 Природой восхищаясь,
 Гуляли мы съ тобой;
 Или полезнымъ чтеньемъ
 Свой просвѣщали умъ;
 Или Творцу всеянной
 На лирахъ иѣли гимнъ...
 Поэзія святая!
 Мы съ самыхъ юныхъ лѣтъ
 Тобою занимались;
 Ты усаждала насъ!...
 Или въ семействѣ нашемъ,
 Гдѣ царствуетъ любовь,
 Играли мы какъ дѣти
 Въ невинности сердецъ.
 Не унывай, любезный,
 Чувствительный мой другъ!
 Не все намъ быть въ разлукѣ,
 Не все намъ горевать!
 Уже вдали сіяетъ
 Пріятная заря,
 И къ радостямъ сердечнымъ
 Мы оживемъ съ тобой!

Аонида 1797 г., кн. II.

XIV.

ЭЛЕГІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Возможно-ль въ городѣ жить съ нѣжною душою?
Амуры всё въ поляхъ. Они живутъ со мною.
На небесахъ теперь самой Юноны цвѣтъ,
И тщетно помощи отъ нихъ гонимый ждешь!
Амуръ сталъ пастушокъ, и съ посохомъ Венера.
Буда ни оглянусь — все Пафосъ и Цитера.
Всѣ радости опять летятъ съ весною къ намъ!
Я ей хвалу пою, пою хвалу богамъ!
Природа все живить своей улыбкой милой;
Но тамъ еще, въ горахъ, я слышу вѣтръ унылый.
Подъ миртовымъ кустомъ Амуръ еще дрожить,
Яминъ боится цвѣсть, и соловей молчитъ;
Они ждуть Цинтіи: явись и все влаженно!
Чѣмъ сердце въ городѣ твое теперь пльнншо,
Что нравится твоимъ, прекрасная, очамъ?
Здоровье-ль слабое удерживаетъ тамъ?
Повѣрь, любовь всегда здоровье возвращаетъ;
Любовникъ твой тебя съ восторгомъ озираетъ.
Какой я чувствую огонь въ моей крови!
Какое сильное мечтаніе любви!
Всечасно, Цинтія, всечасно ты со мною!
Чѣмъ далѣ я живу, тѣмъ болѣе съ тобою!
Я слышу голосъ твой, улыбку зрю, черты;
Съ тобой и граціи теряютъ красоты.
Бто Цинтію въ лѣсу не назоветъ Дридой?
Явись ты на водахъ — и всё почтутъ Наядой!
Тебѣ лишь суждено сестрой амуровъ быть,
И рѣзвой Нимфою въ лугахъ зеленыхъ слыть!
Притворства нѣтъ въ тебѣ; все въ Цинтіи плѣняетъ:
На что уборы ей? Природа украшаетъ.
Проснется ли она?... Аврора предъ тобой,
Иль Флора нѣжная съ стыдливою красотой.
Лилей съ розами тогда предстанутъ съ нею:
Нѣтъ, нѣтъ, не съ Флорой ты — съ владычицей моею!
Ты видишь Цинтію, соперницу харить;
Прелестный взоръ ея всёмъ счастье дарить.
Ты ароматами желаешь насладиться:
Пусть Цинтія вдохнетъ... и ароматъ родится!
Она бѣжитъ — смотри... за ней Зефиры вслѣдъ!
Послушай: говорить — сердце свободныхъ вѣтъ!
Но можно-ль описать мнѣ Цинтію какъ должно?

Апеллу самому то было-бъ невозможно.
 Пусть Фебъ ее поеть, и свѣтъ дивится ей,
 А я, любя ее, пусть вѣчно буду съ ней!
 Любовь — блаженство, жизнь: мы съ нею все забудемъ,
 Любовью вѣжною дышать съ тобою будемъ,
 И, наконецъ, когда смерть злобная придетъ,
 Пусть лишь одна любовь душъ наши пресѣчетъ.

Аониды 1797 г., кн. II. Тибуллъ: кн. II, элегия 3.

XV.

П Ъ С Н Я.

П О Д Р А Ж А Н І Е Д Р Е В Н И М Ъ.

Аврора милая, блаженна ты стократно!
 Восходишь и тотчасъ вкушаемъ радость ты;
 Все оживляется: и роуи, и цвѣты;
 Ты зришь въ единый мигъ все, что тебѣ пріятно,
 А я теперь не зрю Милона моего...
 Свѣтило дневное, яви ты мнѣ его!
 И васъ въ природѣ все, зефиры, утѣшаетъ:
 Для васъ и скромная фіалочка цвѣтетъ,
 Для васъ свои листы и роза распускаетъ,
 Гвоздика поцѣлуевъ ждетъ.
 Я такъ же жду теперь Милона моего.
 Зефиры пѣжные, несите мнѣ его!
 Пусть соловей поеть и пѣньемъ восхищаетъ:
 Не можетъ никогда равняться онъ со мной;
 Я болѣе люблю, пріятнѣй голосъ мой,
 Опъ сердце болѣе пѣваетъ;
 Любовь сама твердитъ мнѣ пѣсенку мою;
 Умолкни, соловей: я мнлаго пою!

Аониды 1797 г., кн. II.

XVI.

М А Д Р И Г А Л Ъ.

«Мужчины счастливы, а женщины несчастны»,
 Селеста милая твердитъ;
 «Судьба прелестною свободой ихъ дарить,
 «А мы всегда подвластны!»
 —Такъ чтожь? Поспорю въ томъ, прекрасная, съ тобой:
 Я вольность не всегда блаженствомъ почитаю;
 Скажи: *ты сердцу миль*—свободу и покой
 Тѣтъчасъ на цѣни промѣняю.

Аониды 1797 г., кн. II.

XVII.

Э П И Г Р А М М А.

(Подражаніе французской).

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ)

Послалъ двѣ оды на Парнасъ.

Опъ въ нихъ описывалъ красу природы, пеба,

Цвѣтъ *розо-желтый* облаковъ,

Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,

И милости просилъ у Феба.

Читая, Фебъ зѣвалъ и, наконецъ, спросилъ:

«Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ

«И оды громкія давно-ли сочиняетъ?»

— «Ему пятнадцать лѣтъ,» Эрата отвѣчаетъ:

«Пятнадцать только лѣтъ?» — «Не болѣе того!»

«Такъ розгамъ его!»

Аониды 1798 г., кн. III.

XVIII.

УЧЕНИКЪ-УЧИТЕЛЬ.

БЮНОВА пиділія.

Тихимъ сномъ я наслаждался,

Предъ собою Киприду зрѣлъ.

Сынъ богини, улыбался,

Безъ колчана и безъ стрѣлъ

По слѣдамъ ея летѣлъ.

«Будь», сказала мнѣ Киприда,

«Будь учитель ты его!»

Я запѣлъ хвалу Алкида

И Зевеса самого

Величалъ на громкой лирѣ.

Опъ съ презрѣніемъ внималъ

И запѣлъ хвалу Темирѣ.

Изумленъ, я замолчалъ:

Мнѣ Амуръ учитель сталъ.

Аониды 1798 г., кн. III. Bernard de-la-Monnoye: «L'Écolier-Maître».

XIX.

Д В Ъ Р О З Ы.

Двѣ розы милой посылаю:

Пусть въ бѣлой грусть мою и блѣдный цвѣтъ узритъ;

Пусть алая изобразитъ

Ужасный пламень тотъ, что въ сердцахъ оцущаю;

Пусть обѣ скажутъ ей, какъ я теперь страдаю!

Аониды 1798 г., кн. III.

XX.

ПѢСНЯ ИЗЪ «ЭСТЕЛЛЫ» ФЛОРИАНОВОЙ.

«Прости, мой другъ, павѣки!

«Прости любовь, покой!

«Долины, горы, рѣки

«Насъ разлучать съ тобой!

«Тебя я не забуду—

«Пусть рокъ велитъ страдать!

«Не будешь ты внимать.

«Твердить: люблю я буду—

«Не плачь, все увѣряетъ—
«Недолго мнѣ тужить;
Аовиды 1798 г., кн. III.

«Грусть съ смертью исчезаетъ,
«А безъ тебя какъ жить?»

XXI.

П Ъ С Н Я.

Все мило предо мною,	Но полно, полно вѣрить
Коль я любезной миль;	Мнѣ взору твоему!
Но я презрѣю тобою,	Коль Ниса лицемѣритъ,
И цѣлый свѣтъ постылъ.	Не вѣрю ничьему!
Нѣтъ сердцу утѣшенья	Утѣхи, рай, блаженство
Безъ сердца твоего.	Въ одной я Нисѣ зрѣлъ;
Бѣды и огорченья	Всему я совершенство
Терзають лишь его.	Въ тебѣ найти хотѣлъ.
Въ твоихъ, бывало, взорахъ	Исчезло заблужденье,
Я страсть твою читалъ	И съ нимъ исчезъ покой;
И въ нѣжныхъ разговорахъ	И страсти въ награждены
Тьму радостей вкушалъ.	Оставленъ я тобой.

Аовиды 1798 г., кн. III.

XXII.

В Е Ч Е Р Ъ.

Нѣтъ болѣ силъ терпѣть! Куда ни сунься: споры
И сплетни, и обманъ, и глупость и раздоры!
Вчера, не знаю какъ, попалъ въ одинъ я домъ;
Я проклялъ жизнь мою. Какой вралей содомъ!
Хозяинъ объ одвой лишь музыкѣ толкуетъ;
Хозяйка хвалится, что славно дочь танцуетъ;
А дочка, поясокъ подъ шею подвязавъ,
Кричитъ, что прискакалъ въ коляскѣ модной—графъ.
Графъ входитъ. Все его съ восторгомъ принимаютъ.
Какъ миль онъ, какъ богатъ, какъ знатенъ, повторяютъ.
Хозяйка на ушко мнѣ шепчетъ въ тотъ же часъ:
«Онъ въ Грушеньку влюбленъ: онъ всякой день у насъ».
Но графъ, о Грушенькѣ никакъ не помышляя,
Вѣтранѣ говоритъ, ей руку пожимая:
«Какая скука здѣсь! Какой несносный домъ!
«Я съ этими людьми, божусь, для васъ знакомъ;
«Я съ вами быть хочу, я видѣть васъ желаю.
«Дли васъ я все терплю и глупостямъ прощаю».
Вѣтрана счастлива, что графъ покоренъ ей.
Вдругъ растворяютъ дверь и входитъ Стуколѣй.
Несносный говорунъ! О всемъ уже онъ знаетъ:
Тотъ женится, другой супругу оставляетъ;
Тотъ проигрался весь, тотъ по уши въ долгахъ.
Потомъ судить онъ сталъ, къ несчастью, о стихахъ.

По мнѣнію его, Надутовъ всёхъ плѣняетъ,
А Дмитревъ, Карамзинъ бездѣлки сочинить;
Державинъ, напримѣръ, изрядно бы пиалъ,
Но также, кромѣ одъ, не стоитъ онъ похвалъ.
Пропали трагикъ, исчезла Россювъ слава!
И началъ, наконецъ, твердить намъ роль Синава;
Коверкался, кричалъ—всѣ восхищались имъ;
Одинъ лишь старичокъ, смѣясь со мной надъ нимъ:
«Невѣжду,» мнѣ сказала, «я вѣчно извиняю;
«Молчу и слушаю, а въ споръ съ нимъ не вступаю;
«Напротивъ, кажется забавенъ часто онъ:
«Совретъ, и думаетъ, что вздоръ его—законъ.
«Что нашъ питаетъ умъ, что сердце восхищаетъ,
«Бездѣлкою пустой невѣжда называетъ.
«Нѣтъ нужды! Вѣрите мнѣ: нелѣпная хула
«Писателю вѣнецъ, поэту похвала».—
Я отдохнулъ. Увы, недолго быть въ покоѣ!
Хозяйка подошла. «Теперь насъ только трое;
«Не можете-ли вы четвертымъ съ нами быть,
«И съѣсть играть въ бостонъ? Безъ картъ не можно жить.
«Кто ими въ обществѣ себя не занимаетъ,
«Воспитанъ дурно тотъ, и скученъ всѣмъ бываетъ». —
Итакъ, мы за бостонъ. А тамъ оркестръ шумить;
Тутъ графъ жеманится, и Стукодѣй кричитъ;
Змѣяда всёхъ бранить, ругаетъ за игрою.
Играю и дрожу, и жду бѣды съ собою.
Хозяйка милая не помнитъ ничего.
«Гдѣ Грушенька? Гдѣ графъ? Не вижу я его!»
Бостонъ нашъ кончился, а въ залѣ ужъ танцуютъ.
Какъ Грушенька, какъ графъ прекрасно вальсируютъ!
Хозяйка съ радости всёхъ обнимаетъ насъ.
Змѣяда ей твердитъ: «Ну, матка, въ добрый часъ!
«Графъ право молодецъ: къ концу скорѣе дѣло!
«На Бога положись и по рукамъ бей смѣло;
«Онъ знатенъ и хорошъ, и съ лучшими знакомъ;
«Твой муженекъ съ тобой согласенъ будетъ въ томъ». —
Вѣтра слышитъ то, смѣется и вертится.
Къ бѣдѣ моей, тогда идетъ ко мнѣ, садится
Белиза толстая, разскащица, швея. *)
«Ей Богу», говоритъ, «вотъ чудная семья!
«Хозяинъ съ флейтою все время провождаетъ,
«Жена преглуная и всѣмъ падоѣдаетъ,
«А въ Грушенькѣ, повѣрь, пути не будетъ въ вѣкъ.

*) Сплетница, commère. <http://rcin.org.pl>

«Но дѣло не о томъ: ты умный человѣкъ;
«У Скопидомова ты всякой день бываешь;
«Проказы всѣ его и все о немъ ты знаешь:
«Не правда-ль, что въ женѣ находить онъ врага,
«И что она ему поставила рога?
«Нахаловъ часто съ ней въ театрѣ и вокзалѣ;
«Вчера онъ танцовалъ два польскихихъ съ ней на балѣ,
«А послѣ онъ ее въ карету посадилъ;
«Несчастный Скопидомъ бѣду себѣ купилъ;
«Богъ наградилъ его прекрасною женою!
«Да, полно, самъ дуракъ всѣмъ шалостямъ виною.
«Не онъ одинъ таковъ: въ Москвѣ имъ счета нѣтъ!
«Буяновъ и не глупъ, по вздумалъ въ сорокъ лѣтъ
«Жениться и франтить, и тѣмъ себя прославить,
«Чтобъ женушку свою тотчасъ другимъ оставить;
«И подлинно, усѣлъ въ томъ модный господинъ:
«Съ Французомъ барыня уѣхала въ Берлинъ».
—Я слушалъ и молчалъ. Текли слова рѣкою;
Я могъ ей отвѣчать лишь только головою.
Хотѣлъ уйти, ушелъ. Чтожъ вышло изъ того?
Дивлюся силѣ я терпѣнья моего.
Попалъ въ бесѣду я, достойную почтенья:
Тутъ былъ великій шумъ, различны были мнѣнья;
Однако изъ всего понять я спора могъ,
Что то произвели котлеты и пироги;
И кончилось все тѣмъ, что у одной Лизеты
И вафли лучшія, и лучшія котлеты.
По, кстати, столъ готовъ; всѣ кинулись туда,
Покойно думалъ вѣсть—и тутъ со мной бѣда!
Несчастливаго, меня, съ Вралевымъ посадили
И милымъ, подлинно, сосѣдомъ наградили!
Не медля, началъ онъ вопросы мнѣ творить:
Кто я таковъ? Что я? Гдѣ я изволю жить?
Потомъ, о молодыхъ и старыхъ разсуждая:
«Нѣтъ, пынче жизнь плоха», твердилъ онъ, вздыхая:
«Все стало мудрено, нѣтъ добраго ни въ чемъ;
«Вотъ я таки скажу и о сынкѣ моемъ:
«Ужъ малой въ двадцать лѣтъ, а книги лишь читаетъ,
«Не ищетъ ни чиповъ, ни счастья не желаетъ;
«Я дочь Рубипова посваталъ за него;
«Любезный мой сынокъ не хочетъ и того.
«На деньгахъ, батюшка, никакъ де не женюся,
«А я жену возьму, когда въ нее влюблюся.
«Какъ быть, не знаю, съ нимъ,—и чувствую я то,

«Что будетъ онъ бѣднякъ, а болѣе ничто.
«Вотъ, что произвели проклятыя науки!
«Не нужно золото—давай Жанъ-Жака въ руки!
«Да полно, старые не лучше молодыхъ;
«Не много разницы найдешь ты пшнѣ въ нихъ.
«Нерѣдко и старикъ, что дѣлаеть, не знаетъ;
«Онъ хулитъ молодыхъ и имъ же потакаеть.
«Князь Миловъ въ пятьдесятъ и слишкомъ уже лѣтъ
«Спроказилъ такъ теперь, что весь дивится свѣтъ.
«Онъ, будучи богатъ и дочь одну имѣя.
«Воспитывать ее, какъ должно, не жалѣя,
«Рѣшился, наконецъ, бѣдняжку погубить:
«Маюра одного изволь на ней жепить!
«И что жъ, онъ говоритъ себѣ во оправданье—
«Ты со смѣху умрешь—вотъ все его желанье:
«Мой зять любезенъ мнѣ и скроменъ, и умесъ;
«Онъ свѣта пустотою никакъ не ослѣпелъ;
«Совѣтовъ де моихъ онъ вѣчно не забудеть;
«Въ глубокой старости меня покоить будетъ.
«Не знатенъ, бѣденъ онъ—я для него богатъ;
«А честность знатности дороже мнѣ стократ!
«—Вотъ, другъ сердечный мой, какъ пшнче разсуждаютъ!
«И умниками ихъ иные называютъ!»
Сосѣдъ мой тутъ умолкъ; въ отраду я ему
Сказалъ, что рѣдкіе послѣдуютъ тому;
Что Миловыхъ князей у насъ, конечно, мало;
Что золото копить желанье не пропало;
Что любимъ мы чины и ленты получать,
Не любимъ только ихъ заслугой доставать;
Что также здѣсь не всѣ охотники до чтенья;
Что рѣдкіе у насъ желаютъ просвѣщенья;
Не всякій знапіямъ честь должну воздаеть,
И часто враль, глупецъ разумникомъ слыветь;
Достоинствъ лаврами у насъ не украшаютъ;
Здѣсь любятъ плясуновъ—ученыхъ презирають.
Тутъ ужинъ кончился—я я домой тотчасъ.
О, хижина моя, пріятнѣй ты сто разъ
Всѣхъ модныхъ ужинновъ, концертовъ всѣхъ и баловъ,
Гдѣ часто видимъ мы безумцевъ и пахаловъ!
Въ тебѣ насмѣшекъ злыхъ, въ тебѣ злословья нѣтъ:
Въ тебѣ спокойствіе и тишина живеть;
Въ тебѣ и разумъ мой, и духъ всегда свободенъ.
Утѣхи мнѣ дарить свѣтъ модный не способенъ,

И для того теперь павѣкъ прощаюсь съ нимъ:
Фортуны не найду я съ сердцемъ въ немъ моимъ!
Аониды 1798 г., кн. III.

XXIII.

НЕ РЫДАЙ МЕНЕ, МАТИ, ЗРЯЩЕ ВО ГРОБѢ.

О, ты, посившая меня въ своей утробѣ,
Возлюбленная Мать, слезъ горестныхъ не лей!
Ты Сына своего лежащаго зришь въ гробѣ,
Утѣшься, не рыдай: ко радости Твоей
Возстану, яко Богъ; отъ ада всѣхъ избавлю
И чтущихъ съ вѣрою Тебя людей прославлю!
Приношеніе религіи, 1798 г.

XXIV.

ТВОРЕНІЕ КАССИАНЫ ИНОКИНИ.

Господи иже во многіе грѣхи впадшая жена.
Жена, грѣхами отягченна,
Но ощутивъ въ Тебѣ Творца природы всей,
Къ владыкѣ своему течеть блѣдна, смущенна,
Съ скорбящей, мрачною душой.

Приноситъ миръ и рыдаетъ...

«О горе!» вопіеть, «страсть душу раздираетъ,

«Какъ почъ безлунная она покрыта тьмой;

«Гнушаюсь я собою.

«Воззри, о Господи, на скорбь мою ужасну!

«Кто можетъ, коль не Ты, спасти отъ бѣдъ несчастну?

«Прими моихъ источникъ слезъ;

«Ты сотворилъ моря, сводъ преклонилъ небесъ,

«Ты преклонись къ моимъ сердечнымъ воздыханьямъ!

«Нѣтъ мѣры горести, унынію, страданьямъ;

«Смиренно ногъ Твоихъ я лобызая прахъ,

«Какъ Ева я лицо власами закрываю,

«Стыжусь и трещу, и каюсь во грѣхахъ;

«Я гибну, умираю...

«Но кто судебъ Твоихъ изслѣдить бездну могъ?

«Не презри грѣшную, къ тебѣ я прибѣгаю,

«Спаситель мой и Богъ!»

Приношеніе религіи, 1801 г.

XXV.

Къ**

НА СМЕРТЬ ПОДРУГИ ЕГО.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІУ.

Какъ не скорбѣть о томъ, что сердцу было мило?

Скончалась... Нѣтъ ся... Какъ горькихъ слезъ не лить?

Вы были созданы другъ друга въ вѣкъ любить,
И небо горизонтъ твой свѣтлый помрачило!

Съ душой прелестною она умомъ плѣняла;
И въ кротости, любви, кто былъ подобенъ ей?
Ты сю жилъ одной, она тобой дышала:
Кто можетъ болѣе вспоминать о ней?

Но тщетно слезы льешь, но тщетно вопрошаешь,
Гдѣ милая твоя? Съ тобою милой итъ?
Лишь хладну тѣнь ея въ мечтаньи обнимашъ.
Увы, какъ счастья мгновенно вянетъ цвѣтъ!

Хотя бы ты имѣлъ Орфеевъ даръ, искусство,
И все одушевлялъ гармоніей своею;
Умершей возвратитъ не могъ бы жизнь и чувство:
Смерть алчная сильна: все здѣсь покорно ей!

Кто утѣшаетъ насъ? Одно терпѣнье, время;
Душою съ нею ты соединишь на вѣкъ.
Пить чашу горестей, сносить несчастій бремя —
Таковъ твой въ мірѣ путь, о бѣдный человѣкъ!

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. IV. Гораций: кн. I, ода 24.

XXVI.

ЗАВѢЩАНІЕ КИПРИДЫ.

подражаніе.

Кипридѣ вздумалось оставить здѣшній свѣтъ,
Сокрыться въ монастырь и все свое имѣнье
Отдать мнѣ съ Хлоей въ награжденіе.

Не знаю, кто ей далъ совѣтъ
Въ душеприкачки пожаловать Амура,
Мальчишку-бѣдогура:

Онъ Хлоєю прельстятъ, ее обогатилъ,
Ей отдалъ радости, забавы, утѣшенье;

А я въ наслѣдство получилъ
Однѣ лишь слезы и мученье!

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. IV.

XXVII.

ЖЕЛАНІЕ ПОДРУГИ.

«О боги, я хочу, чтобъ милый счастливъ былъ!
«Исполните мое моленіе сердечно!
«Для счастья его хочу, чтобъ онъ любилъ,
«Для счастья моего — чтобъ онъ любилъ... и вѣчно.»

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

XXVIII.

РАЗЛУКА.

(Подражаніе Сень-Ламберу).

Когда приходитъ часть съ тобою разставаться,
Другъ другу говоримъ: «Люблю, люблю тебя!»
Не увѣрять въ любви хотимъ мы тѣмъ себя,
Но только для того, чтобъ больше наслаждаться.
Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

XXIX.

ЭПИТАФІЯ ПИПОЛИТУ БОГДАНОВИЧУ.

Что вижу я? Амуръ и Душенька въ слезахъ
Другъ друга обнимають,
И урну граціи вѣнками украшаютъ!
Прохожій, не дивись: здѣсь Пиполитовъ прахъ.
Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

XXX.

СЕЛЬСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

Подражаніе.

Oh, knew he but his happiness, of men
The happiest he! who far from public rage,
Deep in the vale, with a choise Few retir'd
Drink the pure pleasures of the Rural life!

Кто въ мірѣ счастья прямого цѣну знаетъ,
И сельской жизни все пріятности вкушаетъ
Въ кругу своихъ друзей, отъ шума удаленъ,
Тотъ истинно въ душѣ покоенъ и блаженъ.
Нѣтъ нужды въ томъ ему, что мотъ, богачъ надмѣяный,
Въ чертогахъ золотыхъ, льстецами окруженный,
Обманывая ихъ, обмануть всякій часъ.
Нѣтъ нужды, что на немъ алмазы не сіяютъ:
Они лишь тяжестью своей обременяютъ;
Въ одеждѣ онъ простой свободнѣй во сто разъ.
Онъ блескомъ праздниковъ роскошныхъ не гордится
И въ дальнія моря за златомъ не стремится;
Въ бокалахъ у него не свѣтится токай,
Онъ весель, сытъ, здоровъ и не боптается.
Утѣхи мнимыя намъ обѣщаютъ рай,
А за собою несутъ раскаянье и муки.
Мудрецъ обманчивой надеждой не прельщется:
Онъ и душой своей, и всею обогащенъ:
Обогащенъ весны пріятными дарами.

И лѣтней жатвою, и сочными плодами;
 И осень для него готовить виноградъ,
 Растущій на холмахъ вокругъ масличной оливы.
 Когда-жъ Борей валить пушистый снѣгъ па нивы,
 Средь бурь и непогодъ, онъ будущимъ богатъ.
 Судьба труда его успѣхомъ награждаетъ:
 Здѣсь кравы тучныя млеко ему даютъ,
 Тамъ стадо пестрое пригорокъ украшаетъ,
 Источники шумятъ, и соловьи поютъ,
 И пчелы передъ нимъ сокъ розъ душистыхъ пьютъ;
 Онъ подъ жужжаньемъ ихъ пріятно засыпаетъ.
 Въ природѣ все его увеселяетъ взоръ:
 Обширныя поля и злчныя долины,
 Лѣса тѣнистыя, пещеры и стремнины,
 И быстрый водопадъ, съ крутыхъ ревуцій горъ.
 Во храминѣ его живутъ утѣхи міра:
 Веселье, искренность, здоровье, красота;
 Тамъ встрѣча равная для богача и сира,
 И совѣтъ каждаго покойна и чиста.
 Во храминѣ его, любви посвященной,
 Нѣтъ честолюбія, коварства злаго нѣтъ,
 И нѣжный въ ней нѣвецъ, природой восхищенной,
 На лирѣ счастье и радости поетъ.

8-го Января 1804 г. Парижъ.

Другъ Просвѣщенія 1804 г., ч. I. — Изъ поэмы Томсона: «Времена года».

XXXI.

КЪ ЛЮБИМЦАМЪ МУЗЪ *).

Подражаніе горацію.

Бѣлѣютъ отъ снѣговъ угрюмыхъ горъ вершины;
 Вездѣ туманъ и мракъ, покрыты рѣки льдомъ;
 Унылы роци и долины;
 Гдѣ кубокъ золотой? Мы сядемъ предъ огнемъ!
 Какъ хочеть, пусть Зевесъ вселенной управляетъ;
 Онъ рекъ и сотворилъ. Подвластно все ему;
 Онъ громомъ, молніей играетъ;
 Послушны бури, вихрь Зевесу одному.
 Любимецъ Музъ счастливъ во все премѣны года:
 Онъ пользуется тѣмъ, что видитъ предъ собой.
 Друзья, для насъ природа
 И въ ужасахъ своихъ блистаетъ красотой!

*) Сія піеса была читана въ приватномъ обществѣ любителей словесности, въ домѣ покойнаго Михаила Матвѣевича Хераскова.

Гдѣ лиры? Станемъ пѣть. Насъ Фебъ соединяетъ:
Виргилій Росскихъ странъ присутствіемъ своимъ
Къ наукамъ жаръ рождаетъ.
Кто съ музами живетъ, утѣхи вѣчно съ нимъ!
Васъ граціи давно украсили вѣнками,
Вамъ должно пѣть, друзья! И Дмитревъ, Карамзинъ
Прекрасными стихами

Плѣбляютъ, учатъ насъ, а я молчу одинъ!
Пѣть, пѣть! И я хочу, какъ вы, гремѣть на лирѣ:
Лечу ко славѣ я, вашъ духъ во мнѣ горитъ,
И я извѣстенъ буду въ мірѣ!

О радость, о восторгъ! И я, и я шиптъ!

Латріотъ 1804 г., т. II.—Гораціи: кн. I, ода 9.

XXXII.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ЖИЗНИ, СМЕРТИ и ЛЮБВИ.

стихи на заданныя рѣшмы.

Чѣмъ я пачну тецерь? Я вижу, что — *баранъ*
Неидеть тутъ ни къ чему, гдѣ рѣшма — *барабанъ*;
Извѣстно вамъ, друзья, что галка не — *фазанъ*,
И что въ поэтахъ я казакъ, а не — *гетманъ*,
Но васъ душой люблю и это не — *обманъ*:
Разсмынитесь, я счастливъ. Послушайте — *Арманъ*
Быль добрый человекъ. Что наша жизнь? — *Романъ*,
Онъ часто говорилъ. Что наша смерть? — *Туманъ*.
А лучше что всего? Биф-штексъ и — *лобарданъ*.
И если-жъ я умру, пусть трупъ мой хищный — *вранъ*,
Какъ хочеть, такъ и ѣсть; смерть, грозный — *великанъ*,
Уносить все съ собой. И дубъ, и — *маяранъ*,
И червь, и человекъ въ рукахъ ся — *воланъ*.
Поймаетъ вмигъ она и спрячетъ въ свой — *карманъ*;
Оттуда не уйдешь ни въ Лондонъ, ни въ — *Миланъ*.
— Арманъ мой справедливъ: смерть лютый звѣрь-*кабанъ*,
Геенна, леопардъ; могила не — *диванъ*.
Когда подумаю, что лѣзть мнѣ въ — *чемоданъ*,
Что тамъ исчезнетъ все и голова, и — *станъ*,
Поморщусь и вздрогну. Я въ — *Музултатанъ*
Согласенъ хоть сейчасъ; пройду — *меридианъ*,
Но пусть я буду живъ! Пусть жизни — *караванъ*
Въ дорогѣ будетъ въ вѣкъ. Французъ и — *Молдиванъ*
Твердятъ, что смерти нуть и труденъ, и — *песчанъ*;
А въ жизни мило все, крашва и — *тюльпанъ*.
Живу, люблю, горю; амуровъ мнѣ — *капканъ*
Не страшень никогда, уродливый — *Вулканъ*

И Марсь, и Аполлонъ, Добрыня и — *Полканъ*,
Амура чтили всё; стамедь и — *тарлатанъ*,
Прекрасно все на той, которой онъ — *колчанъ*
И стрѣлы далъ свои. Амурь — *Левіаганъ*, —
Въ романахъ говорить извѣстный — де- *Трессанъ*.
Амурь-богъ радостей, гласить намъ — *Унцельманъ*,
Прекрасной вѣрю я. И грекъ, и — *музульманъ*
Готовы въ ротъ быть, Эротъ гдѣ — *капитанъ*;
Захочетъ сильный богъ, красавецъ и — *губанъ*,
Пойду съ Темирой я въ огонь и въ — *океанъ*.
1804.

Изд. 1822 г.

XXXIII.

ЭКСПРОМПТЪ НА ПОМѢЩИКА ПЕРХУРОВА.

Онъ мѣсяцъ въ гвардіи служилъ
И сорокъ лѣтъ въ отставкѣ жилъ;
Курилъ табакъ,
Кормилъ собакъ,
Крестьянъ самъ сѣкъ,
И вотъ онъ въ чемъ провелъ свой вѣкъ.

1805.

Записки С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 87.

XXXIV.

ЭПИГРАММА.

«Отечеству служить есть первый мой законъ»:
Твердить Ликастъ важнѣйшимъ тономъ.
А какъ же служить онъ? —
Въ танцклубѣ за бостономъ.

Московскій Зритель 1806 г., № 3.

XXXV.

ЭПИГРАММА.

Мы, право, весело здѣсь время проводимъ:
И день, и ночь въ бостонъ играемъ,
Или всегда молчимъ, или ближняго ругаемъ....
Такую жизнь почестъ, ей Богу, можно раемъ.

Московскій Зритель 1806 г., № 4.

XXXVI.

ДОГОВОРЪ СЪ НИСОЮ.

Безъ околичностей и безъ приказныхъ словъ
Съ тобою договоръ я подписать готовъ:
Амура въ маклеры теперь же выбираю.

Однако я во всемъ порядокъ наблюдаю:
Подай перо — пишу: «Хочу на свѣтѣ жить,
«Чтобъ Нису мнѣ любить».

А ты къ тому прибавь: «Хочу его любить,
«Чтобъ могъ онъ жить».

Вѣстникъ Европы 1807 г., ч. XXXV.

XXXVII.

НА СМЕРТЬ Е. В. ХЕРАСКОВОЙ.

О, тѣнь Хераскова священна,
Утѣшься!... Въ мѣрѣ семъ она жила тобой!

И щедрою судьбой

Душа ея съ твоей на вѣкъ соединенна!

1807.

Вѣстникъ Европы 1809 г., ч. XLVIII.

XXXVIII.

КЪ ПИРРѢ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Quis multa gracilis te puer in rosa, etc.

Въ украшенной пещерѣ

Душистыми цвѣтами,

Кто юноша румяный,

Съ кудрявою главою,

О Пирра, принимаетъ

Въ объятія тебя?

По груди снѣжной, бѣлой,

Какъ будто ненарочно,

Власы ты распуская,

Взираешь на него.

О, юноша прекрасный,

Восплачешь скоро ты:

Недолго въ сердцѣ будешь

Прелестной Пирры жить!

Увы, наступитъ буря:

Неопытный пловецъ,

Оставленный судьбою,

Въ пучинѣ кончитъ вѣкъ!

И я, безумный, вѣрилъ,

Какъ ты, ея словамъ;

Въ прекрасномъ, думалъ, тѣлѣ

Прекрасная душа,

Но Пирра измѣнила:

Пріятный сонъ исчезъ!

Отъ гибели спасенный,

Богамъ коварныхъ воли.

Я ризу омоченну

Въ восторгѣ посвятилъ.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XXXVIII. Кн. I, ода 5.

XXXIX.

КЪ ЛИЛЛѢ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Vitas hinnuleo me similis, Chloë, etc.

О Лилла, ты бѣжишь! Такъ серна на горахъ

За робкой матерью стремится:

Порхнеть ли соловей въ кустахъ?

Дрожить — и ручейка журчанія боится;

Нечаянно ль Зефиръ явится на лугахъ,
Колѣна серна преклоняетъ;
На что неопытный свой взоръ ни обращаетъ,
Все ей наводитъ страхъ.
О Лилла, я не тигръ, воспитанный въ лѣсахъ,
Не африканскій левъ съ ужасными когтями;
Въ примѣръ возьми подругъ: онѣ въ твоихъ лѣтахъ
Не все бесѣдуютъ съ одними матерями.
Не утушай огня, волнующаго кровь!
Пора узнать любовь!

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XXXVIII. Кн. I, ода 23.

XI.

БЪ Л Е З Б И И.

ПОДРАЖАНІЕ.

Ахъ, вспомни тѣ счастливы дни,
Въ которые клялась ты вѣчно быть моею!
Какъ скоро протекли они!
Ты говорила мнѣ: «Горячностью твоею
«Гордиться Лезбія должна;
«Она мнѣ болѣе и воздуха нужна:
«Дышу и украшаюсь ею!
«Съ тобой меня и Зевсъ не можетъ разлучить:
«Моя отрада въ томъ, чтобъ милаго любить!»
Притворныя слова безумца обольщали;
Казалось, боги имъ внимали.
Прелестница, я былъ обворожень тобой!
Теперь исчезло все! Злосчастною судьбой
Я радостей лишень — твою невѣрность знаю
И не любовь мою, но счастье терю.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XLI. — Катюллъ: Carmen LXXII. «Ad Lesbiam».

XLI.

ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Что есть любовь? — Отрада.

Что есть любовь? — Отчаявье сердцецъ,

Блаженство, скука и досада,

И жизни гибель, и вѣнецъ.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XLI. Переводъ съ французскаго.

XLII.

Э П И Г Р А М М А.

Змѣя ужалила Маркела.

Онъ умеръ? Нѣтъ, змѣя, напротивъ, околѣла.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XLI. — Вольтеръ: Epigramme imitée de l'anthologie.

XLIII.

ЭКСПРОМТЪ

НА ПРЕДСТАВЛЕНІЕ «ОЛЬГИ ПРЕКРАСНОЙ».

О лютая болѣзнь! Какъ не сказать: несчастной!..

Я Ольги не видалъ Прекрасной!

Аглая 1809 г., № 2.

XLIV.

МАСОНСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Amitié sainte et fraternelle, Présent des Cieux, viens nous unir, Oui, pour toi le maçon fidèle Cherit la vie et sait mourir. Dans cet azile du vrai bonheur, Séjour tranquille de la candeur, De l'indigence séchons les pleurs, La bienfaisance touche les cœurs. C'est l'imposture qu' il faut haïr, L'amitié pure est plaisir.	La sagesse paraît aimable. Zèle ardent pour son souverain Régne toujours dans son coeur, Heureux, il chante son refrain: Vive à jamais, vive Alexandre! L'on dit souvent qu'on ne voit guères Dans ce siècle de vrais amis. Parmi nous lorsqu'on est admis, Le coeur est bien sûr du contraire. Gloire à jamais au souverain Pour le bien qu'il aime à répandre. Chantons toujours notre refrain: Vivons, mourons pour Alexandre!
---	---

II.

Servir, adorer sa Patrie,
C'est devoir d'un bon maçon,
Sans la vertu, sans la raison
Pour lui nul plaisir dans la vie.
Zèle ardent pour son souverain,
Son bienfaiteur, son père tendre,
Lui fait répéter ce refrain:
Vive à jamais, vive Alexandre!
De notre maître Vénérable
Nous suivons les doctes leçons;
Dans ses discours, dans ses chansons

III.

De cette loge respectable
Où la vertu fait son séjour,
Vive à jamais le Vénérable
Il a des droits à notre amour.
Parmi nous dans ce jour prospère
Tout bon maçon doit être admis
Et que chacun dise à son frère:
Vivent les amis réunis!

1810.

Сочиненія С. В. Ешевскаго, ч. III. М. 1870, стр. 411 — 413.

XLV.

СКРОМНОСТЬ.

Подражаніе Парни.

Сокроемся, мой другъ, отъ солнечныхъ лучей,
Отъ шума свѣтскаго, отъ зависти людей,
Чтобъ не могли коварны очи

Восторговъ нашихъ отравить!
Не скажемъ дню мы тайны ночи—
Счастливую любовь не мудрено открыть...
О, милая Элеонора!
Я строгой матери твоей страшуся взора,
Страшуся Аргуса съ свирѣною душой,
Который, златомъ оболыщенный,
Мнѣ позволяетъ быть съ тобой.
Увы, настанетъ день—я не любовникъ твой!
Забудь ты ночи часъ блаженный,
Всѣ сладости любви, утѣхи всѣ забудь!
Въ присутствіи моемъ ты равнодушна будь:
Чтобъ розы на щечахъ прелестныхъ не играли,
Когда печально ты встрѣтишься со мной;
Чтобъ красота твоя, чтобъ пѣжный голосъ твой
Меня ни мало не смущали!
Сокрой любовь свою ты въ пламенной груди
И даже на меня съ суровостью гляди!
Совѣтъ полезный, но ужасный:
Безцѣнный, милый другъ, раскаяваюсь въ немъ!
Чтобъ видѣлъ я, несчастный,
Холодность на лицѣ твоемъ....
Нѣтъ, нѣтъ! Ты не должна такъ много притворяться!
Скажу себѣ: обманъ, но буду все бояться.

1-го іюля 1810. С.-Петербургъ.

Вѣстникъ Европы 1810 г., ч. LII. Парни: «La discrétion».

XLVI.

СИМПАТІЯ.

Такъ точно! Чувство есть въ сердцахъ,
Которое одно къ другому привлекаетъ,
Въ одно мгновеніе на вѣкъ соединяетъ;
Оно во взорахъ и въ рѣчахъ
Примѣтно намъ бываетъ;
Оно меня влечетъ къ тебѣ.
Насъ согласить во всемъ хотѣлося судьбѣ:
Люблю я искренность — ты добръ, чистосердеченъ;
Люблю словесность я — ты съ музами знакомъ.
М.....въ, нашъ союзъ, конечно, будетъ вѣченъ:
Симпатія тебя должна увѣрить въ томъ.

С.-Петербургъ.

1810 г.

Аглая 1810 г., № 9.

XLVII.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Licuit semperque licebit
 Signatum praesente nota producere nomen.
 Ut silvae foliis pro nos mutantur in annos,
 Prima cadunt; ita verborum vetus interit aetas,
 Et juvenum ritu florent modo nata vigentque.
 Horat. Ars poetica.

Скажи, любезный другъ, какая прибыль въ томъ,
 Что часто я тружусь день цѣлый надъ стихомъ?
 Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
 Что логикѣ учусь и яснымъ быть желаю?
 Какая слава мнѣ за тяжкіе труды?
 Лишь только всякій часъ собѣ я жду бѣды:
 Стихомарателей здѣсь скопище упрямо.
 Не ставлю я нигдѣ ни *сымо*, ни *овимо*;
 Я, признаюсь, люблю Карамзина читать
 И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
 Кто мыслить правильно, кто мыслить благородно,
 Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
 Славянскія слова талапта не даютъ,
 И на Парнассѣ они поэта не ведутъ.
 Кто русской грамотѣ, какъ должно, не учился,
 Напрасно тотъ писать трагедіи пустился;
 Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
 Не исполненіе, но сущій только бредъ.
 Вотъ мнѣніе мое! Я въ немъ не ошибаюсь
 И на Горація и Деяро ссылаюсь:
 Они противъ враговъ мнѣ твердый будутъ щитъ;
 Разсудокъ слѣдовать примѣрамъ ихъ велитъ.
 Талапт намъ Фебъ даетъ, а вкусъ даетъ ученье.
 Что просвѣщаетъ умъ? питаетъ душу? — Чтенье.
 Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
 Въ Синопсисѣ того, въ Степенной книгѣ пѣтъ.
 Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
 Но Тредьяковского съ Расиномъ не равняю;
 И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,
 Какимъ Воицъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ.
 Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ согласишь,
 Но правду говорить безумцамъ — трудъ напрасный.
 Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ,
 Которыми здѣсь вкусъ къ изящному поправъ,
 Противъ меня теперь рыкающій ужасно.
 Къ дружины вопіетъ нашъ Балдусъ влегласно:

«О, братіе мои, зову на помощь васъ,
«Ударимъ на него, и первый буду азъ!
«Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
«Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
«И еще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
«Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить.»
Не бойся, говоришь ты мнѣ, о другъ почтенный,
Не бойся, мракъ исчезъ: насталь намъ вѣкъ блаженный!
Великій Петръ, потомъ великая жена,
Которой именемъ вселенная полна,
Намъ къ просвѣщенію, къ наукамъ путь открыли,
Вѣпчали лаврами и свѣтомъ озарили.
Виргилій и Омеръ, Софокль и Эврипидъ,
Горацій, Ювеналь, Саллюстій, Фукидидъ
Знакомы стали намъ, и къ вѣчной славѣ Россювъ
Во хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ!
На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ;
Любимецъ Аонидъ и Фебомъ вдохновенный
Представилъ Душеньку въ поэмѣ несравненной.
Во вкусѣ часъ насталь великихъ перемѣнъ:
Явились Карамзинъ и Дмитревъ-Лафонтенъ!
Вотъ чѣмъ все русскіе должны гордиться нынѣ!
Хвала Великому! Хвала Екатеринѣ!
Пусть Клитъ рецензіи тисненью предаетъ,
Безумцу вопреки поэтъ всегда поэтъ.
Итакъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;
Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
Ариетъ душою добръ, но авторъ онъ дурной
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
Въ стралицѣ каждой онъ слогъ древній выхвалетъ
И русскимъ всеѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ:
Что нужды? Толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть Лагарювъ курсъ, а пагуба одна.
Въ славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.
Въ душѣ своей пошу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье:
Намъ нужны не слова, намъ пужно просвѣщенье.

Цвѣтникъ 1810 г., ч. VIII.

XLVIII.

КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

En blâmant ses écrits, ai-je d'un style affreux
Distillé sur sa vie un venin dangereux?

Boileau, sat. IX.

Что слышу я, Дашковъ? Какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ-Славянь дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ —
Не любить русскихъ тотъ и виновать предъ Богомъ!
Повѣрь: слова невѣждъ пустой кимвала звукъ;
Они безумствуютъ — сіяетъ свѣтъ наукъ!
Неужель отъ того моя постраждетъ вѣра,
Что я подь часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіаниномъ, конечно, быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало:
Они мертвятъ нашъ умъ, и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалить все свое, чужое презираетъ;
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И, бѣдный мыслями, печется о словахъ!
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтить дарованія, стремится къ просвѣщенію;
Кто, согражданъ любя, желаетъ славы ихъ;
Кто чуждъ и зависти, и предразсудковъ злыхъ!
Квириты храбрые полсвѣтомъ обладали,
Но общежитію ихъ Греки обучали.
Науки перешли въ Римъ гордый изъ Аѳинъ,
И славный Цицеронъ, ораторъ-гражданинъ,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Быль велерѣчіемъ обязанъ Демосоену.
Виргилія училъ поэзіи Гомеръ;
Грядущимъ временамъ вѣкъ Августовъ примѣръ!
Такъ! Сынъ отечества науками гордится,
Во мракѣ утопать невѣжества стыдится,
Не проповѣдуетъ расколовъ никакихъ
И въ старинѣ для насъ не видитъ дней благихъ.
Хвалу я воздаю, счастливѣйшей судьбинѣ,
О, мой любезный другъ, что я родился нынѣ!
Свободно я могу и мыслить, и дышать

И даже абіе и аще не писать.
Виргилій и Гомеръ бесѣдуютъ со мною;
Я съ возвышепною иду вездѣ главою;
Мой разумъ просвѣщенъ, и Сены на брегахъ
Я пѣлъ любовное отечество въ стихахъ.
Не улицы одиѣ, не площади и дома,
Сеп-Пьеръ, Делиль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы.
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился Русскимъ быть, и Русскій былъ прямой.
Не грубымъ Остякомъ, достойнымъ сожалѣнья,
Предсталъ предъ ними я любителемъ ученья;
Они то видѣли, что съ юныхъ дней моихъ
Познавій я искалъ не въ именахъ однихъ;
Что съ восхищеніемъ читалъ я Фукидида,
Тадита, Плинія — и, признаюсь, Кандида.

Но благочестію ученость не вредить.
За Бога, вѣру, честь мнѣ сердце говорить.
Родителей моихъ я помню наставленья;
Сынъ церкви долженъ быть и другомъ просвѣщенья!
Спасительный законъ ниспосланъ намъ съ небесъ,
Чтобъ быть подпорою средь счастья и слезъ.
Онъ благо и любовь. Прочь клевета и злоба!
Безбожникъ и ханжа равно порочны оба.

Въ сужденьяхъ таковыхъ не вижу я вины:
За что жъ мы на костеръ съ тобой осуждены?
За то, что мы, любя словесность и науки,
Не вѣкъ падъ букваремъ твердили азъ и буки.
За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить
И въ слогѣ варварскомъ ошибки паходить.
За то, что мы съ тобой Лагарпа понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ, но по славянски знаемъ.

Что дѣлать? Вотъ нашъ грѣхъ. Я каяться готовъ.
Я, напримѣръ, твержу, что скученъ Старословъ,
Что длинныя его, сухія поученья —
Морфея даръ благій для смертныхъ усыпленья;
И если вздоръ читать пришла моя череда,
Неужели заснуть надъ книгою бѣда?
Я каюсь, что въ рѣчахъ пныхъ не вижу плана,
Что томовъ не пишу на древяго Бояна;
Что музъ и Феба я съ Парнасса не гоню,
Писателей дурныхъ, а не людей браню.
Нашествіе Татаръ не чтимъ мы вѣкомъ славы;
Мы правду говоримъ — и слѣдственно неправы.

XLIX.

КЪ Д Е Л І Ю.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІУ.

Aequam memento rebus in arduis, etc.

Въ несчастіи будь твердъ, и въ счастья не гордись!
О Делій, смертныя судьбины лютой жертвы;
Сегодня живы, завтра мертвы;
Мы чада смерти всѣ. Не бойся, веселись!

Въ убѣжищѣ твоемъ, гдѣ тополь горделивый,
Сплетааясь съ ивою, несется къ облакамъ,
Гдѣ съ горъ утесистыхъ бѣжитъ ручей игривый
По зеленѣющимъ долинамъ и лугамъ —

Тамъ, въ розовомъ вѣнкѣ, друзьями окруженный,
Фалернское вино лей въ кубокъ золотой!
Подруги нѣжныя плѣняясь красотой,
Брядай на лирѣ гимнъ, Эротомъ вдохновенный!
Ударить грозный часъ — и садъ прекрасный твой,

Волнами Тибра орошенный,
Великолѣпный домъ и лѣсъ уединенный,
Сокровища твои, исчезнуть предъ тобой!

Сынъ бѣднаго отца, согбенный надъ сохою,
Рожденный въ горести, воспитанный въ трудахъ,
И правнукъ кесаря, роскошествуя въ пирахъ,
Къ Плутону всѣ пойдутъ плачевною стезею.

Такъ, въ урнѣ роковой назначенъ жребій намъ!
Надеть! Не будемъ зрѣть тебя, о міръ прелестный!
И рано ль, поздно ль, въ край для смертныхъ неизвѣстный
Съ Харопомъ пустимся къ таинственнымъ брегамъ!

1811.

С.-Петербургскій Вѣстникъ 1812 г.—Кн. II, ода 3.

L.

КЪ П. Н. ПРИГЛОНСКОМУ.

Любезный родственникъ, поэтъ и камергеръ,
Пожалуй на досугъ
Похлопочи о другѣ!
Ты знаешь мой манеръ:
Хозяинъ я плохой, въ большихъ разъѣздахъ вѣчно.
То въ Питерѣ живу, то въ Низовой странѣ,
И скоро проживусь, конечно:
Подъ часъ приходитъ жутко мнѣ!
Но дѣло не о томъ. Балмаиинскій миръ повѣса,

Картежникъ, пьяница, въ больницу отдавъ былъ,
И что жъ? Отъ доктора онъ лыжи наострилъ!
Въ тверской губерши пойманъ среди лѣса
Въ июнѣ мѣсяцѣ, подъ стражу тотчасъ взять,
И скоро по дѣламъ онъ въ рекруты назначенъ.

Я очень радъ,
Что онъ солдатъ:

Онъ молодъ, силенъ, враченъ,
И строгій капитанъ исправить въ мигъ его,
Но мнѣ квитанцію взять должно за него.

Банмашника зовутъ Кузьмою,
Отецъ его былъ Фролъ, прозваньемъ Корпушовъ.

Итакъ, безъ лишнихъ словъ,
Скажу, что юному герою

Желаю лавровъ я, квитанціи—себѣ.
Въ селеніи моемъ, благодаря судьбѣ,
Хотя крестьяне пьютъ, за то трудятся, пашутъ;
Пусть съ радости поютъ и пляшутъ,

Узнавъ, что отдали въ солдаты бѣглеца,
И что остался сынъ у бѣднаго отца.
Отвѣтствуй мнѣ скорѣй иль прозой, иль стихами,

Но будь здоровъ и помни обо мнѣ!
Въ прелестной юности содѣлавшись друзьями,
Въ какой бы ни былъ ты странѣ,
Повѣрь, что мысль моя стремится за тобою!

И если лѣтнею порою
Поѣду въ Питеръ я, останусь ни два, три
У друга моего въ Твери.

Возсяду съ лирой золотою
На волжскихъ берегахъ, крутыхъ,

И тамо съ пламенной душою

Блаженство воспою я жителей тверскихъ.

С.-Петербургскій Вѣстникъ 1812 г.

LI.

КЪ ЖИТЕЛЯМЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА.

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!
Примите насъ, мы все ролные,
Мы дѣти матушки-Москвы!
Веселья, счастья дни златыя,
Какъ быстрый вихрь, промчались вы!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!

Часть, братій нашихъ кровь дымится,
И стонеть съ ужасомъ земля,
А врагъ коварный веселится
На башняхъ древяго кремля!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжескихъ береговъ!
Святые храмы осквернились,
Сокровища расхищены,
Жилища въ пепелъ обратились,
Скитаться мы принуждены!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжескихъ береговъ!
Давно ли славою блистала,
Своей гордилась красотой?
Какъ вѣжна мать насъ всѣхъ питала,
Москва, что сдѣлалось съ тобой?
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжескихъ береговъ!
Тебѣ-ль платить позорны дани,
Подъ игомъ пришлеца степенъ?
Отмести за насъ, Богъ сильный брани,
Не дай ему торжествовать!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжескихъ береговъ!
Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ славна;
Погибнетъ онъ! Богъ Русскихъ грянетъ!
Россія будетъ спасена.
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжескихъ береговъ!

1812 года.

Сентября 20 дня.

Нижній-Новгородъ

Вѣстникъ Европы 1815 г., ч. LXXXIII.

ЛII.

КЪ Е. О. САЛМАНОВОЙ.

Когда, отъ лютаго врага
Судьбою занесенный
На волжескіе брега,

Элизу я узналъ, тогда, о дерзновенный,
На лиръ я хотѣлъ, давно забытой мной,
Воспѣть и власть любви, и сердца восхищенье!
Но Фебъ, еще ко мнѣ имѣя сожалѣнье,
«Молчи — тебѣ-ль», сказалъ, «иллябится красотой?»

«Пусть юные пѣвцы Элпизу воспѣвають:

«Будь твердь и береги себя!

«Счастливицевъ розами прелестницы вѣнчаютъ;

«Удѣлъ ихъ правиться, а твой—молчать любя».

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXIV.

ЛIII.

КЪ Д. В. ДАНКОВУ.

Мой милый другъ, въ страшѣ,
Гдѣ Волга паровиѣ
Съ берегами протекаетъ
И, соединясь съ Окой,
Всю Русь обогащаетъ
И рыбой, и мукой,
Я пресмыкаюсь нынѣ.
Угодно такъ судьбинѣ,
Что дѣлать? Я молчу.
Живу, не какъ хочу,
Какъ богъ велитъ — и полно!
Рѣзвился я довольно,
Съ амурами игралъ
И ужины давалъ,
И грацій я прелестныхъ,
Въ Петрополѣ известныхъ,
На лирѣ воспѣвалъ;
Четверкою лихою,
Каретой дорогою
И всѣмъ я щеголялъ!
Диваны и паркеты,
И бронзы, и кепкеты,
Какъ прочіе, имѣлъ:
Трапжирить я умѣлъ!
Теперь предъ цѣлымъ свѣтомъ
Могу и я сказать,
Что я живу поэтомъ:
Рублевая кровать,
Два стула, столъ дубовый,
Черпилица, перо—
Вотъ все мое добро!
Иному тузъ бубновый
Сокровища несетъ
И умъ, и все даетъ;
Я въ карты не играю,
Бумагу лишь мараю:

Бѣды въ томъ право нѣтъ!
Пусть юный нашъ поэтъ,
Извѣстный сочинитель,
Мой Аристархъ, говитель,
Стихи мои прочтетъ,
Въ сатиру ихъ внесетъ
И тотчасъ полнымъ клиромъ
Ученѣйшихъ нищевъ,
Поэмъ и одъ творцовъ,
Опъ будетъ Каптемиромъ
Воспѣтъ, провозглашенъ
И въ чинъ произведенъ
Сотрудника дружины:
Для важныя причины
И почести такой
И покривить душой
Простительно, конечно.
Желаю я сердечно,
Чтобъ новый Ювеналъ
Сатиры наполнялъ
Не бранью лишь одною,
Но вкусомъ, острою;
Чтобъ свѣтъ онъ лучше зналъ!
Обогащать журналъ
Чтобъ онъ не торопился;
Но болѣе-бъ читалъ
И болѣе учился!

Довольно; мнѣ бранить
Зоилевъ нѣтъ охоты!
Пришли труды, заботы:
Мой другъ, я ѣду жить
Въ тотъ край уединенный,
Батый гдѣ въ старину
Жестокій, дерзновенный
Велъ съ Русскими войну.
Сказки, давно ли нынѣ,

Не зная мѣръ гордынь
И алчности своей,
Природы бичъ, злодѣй
Пришелъ съ мечемъ въ столицу,
Мать русскихъ городовъ?
Но Богъ простеръ десницу,
Возсталъ... и пѣтъ враговъ!
Отечества спаситель,
Смоленскій князь, герой
Былъ ангель-истребитель,
Ниспосланный судьбой!
Бардъ Сѣвера, воспой
Хвалу дѣяньямъ чуднымъ!
Но, ахъ! сномъ непробуднымъ
Вожь храбрыхъ русскихъ силъ
На лаврахъ опочилъ.

Вѣрь мнѣ, что я въ пустынь
Хочу, скрываясь нынѣ,
Для дружбы только жить!
Амуру я служить
Отрекса по неволѣ:
Въ моей-ли скучной долѣ
И на закатѣ дней
Гоняться за мечтою?
Ты знаешь, лишь весною
Иѣтъ любить соловей!
Досель и я цвѣтами
Прелестницъ украшалъ;
Всему конецъ, съ слезами:
Прости, любовь, сказалъ,
Сердце очарованье,
Отрада, упованье
Тибулловъ молодыхъ!
Жуковскій, другъ Свѣтланы,

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXIV.

Харитами вѣнчаный,
И милыхъ ларъ своихъ
Пѣвецъ замысловатый
Амуру гимнъ поютъ,
И богъ у нихъ крылатый
Нашелъ себѣ пріютъ;
А я, забытый въ мѣрѣ,
Пою теперь на лирѣ
Блаженство прежнихъ дней,
И дружбою твоей
Живу и утѣшаюсь!
Къ надеждѣ прилѣпляюсь,
Погоды лучшей жду.
Бѣда не все бѣду
Родить, и послѣ горя
Летить веселье къ намъ!
Неужели пѣвцамъ
Въ волнахъ свирѣпыхъ моря
Всѣмъ гибнуть, и бреговъ
Не зрѣть благополучныхъ?
Неужель власть боговъ
Превратностей лишь скучныхъ
Велитъ мнѣ жертвой быть,
Томиться, слезы лить?

Мой милый другъ, конечно,
Несчастіе не вѣчно,
Увидимся съ тобой!
За чашей круговой,
Рукой ударивъ въ руку,
Печаль забудемъ, скуку
И будемъ ликовать;
Не должно упывать,
Вотъ твой совѣтъ полезный:
Терпѣніе, любезный!

LIV.

КЪ М. А. ВОЛКОВОЙ.

Чтобъ всѣхъ илѣнять собою,
Марія рождена.
Что такъ мила она,
Грозитъ мнѣ то бѣдою:
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

Подобно Терпсихорѣ,
Летаетъ всѣхъ милѣй.
Мнѣ не поспѣтъ за ней,
Вотъ то-то мое горе:
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

Орфеевымъ искусствомъ
Прельщаетъ и дивить;
Но голосъ мой дрожитъ,
Я молодъ только чувствомъ:
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

Счастливъ, когда рѣшится
Она въ друзья избрать;
Кому съ рукою дать
И сердце согласится:
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

1814.

Вѣстникъ Европы 1874 г., № 10, стр. 563.

LV.

ЭПИГРАММА.

Прославился хозяйствомъ Тить,
Убытку въ домѣ онъ не терпитъ никакого:
И ѣсть, и петь, и говорить
Всегда на счетъ другого.

Пантеонъ русской поэзіи 1814 г., ч. I.

LVI.

ЭПИГРАММА.

Пріятель нашъ Ликастъ
Надъ сочиненьями трудится и потѣеть;
Но онъ писать стиховъ, къ несчастью, не умѣетъ,
А прозой—не гораздъ.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXV. Lebrun: «En prose, en vers.
Lubin compose».

LVII.

ЭПИГРАММА.

Панкратій, откупщикъ богатый,
Не спорю, любить барыши;
За то, какъ онъ живетъ! Огромныя палаты,
Французы повара, турецкіе халаты,
Домъ чаша полпая! Нѣтъ одного—души.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXVI.

LVIII.

ЭПИГРАММА.

Возможно-ли, скажи, чтобъ пѣжная Людмила
Невинность сохранила?
Какъ ей избавиться отъ козней сатаны?
Противъ нея любовь и деньги, и чины.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXXVI.

LIX.

COUPLETS.

Messieurs, nous sommes à Paris,	Livrez-nous tous vos arsenaux,
Les Russes sont honnêtes;	Sans crainte de surprises;
Vous avez vu notre pays,	Vous ne verrez point nos chevaux,
Nous allons voir vos fêtes,	Messieurs, dans vos églises.
La tragédie, et les ballets,	Qu'ils sont jolis vos boulevards,
Brunet, le vaudeville,	Et vos Champs-Élisées!
Et nous vous ferons des couplets	Nous aimons aussi les beaux-arts,
Sans brûler votre ville.	Montrez-nous vos musées.
Au Gros-Gaillou, nos chers amis,	Soyez bien sûrs que de Paris,
Nous nous rendrons sans faute,	Nous connaissons la carte,
Boir à longs traits, du bon Chablis,	Allons, la paix! Vive Louis
Manger la Matelotte.	Et point de Bonaparte!

Le Conservateur Impartial 1814 r., № 192.

LX.

КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Quand je pense au dégoût que les poètes ont à essuyer, je m'étonne qu'il y en ait d'assez hardis pour braver l'ignorance de la multitude, et la censure dangereuse des demi-savans qui corrompent quelquefois le jugement du public.

LE SAGE.

Какъ трудно, Вяземскій, въ плачевномъ нашемъ мірѣ
 Всѣмъ людямъ нравиться, ихъ вкусу угождать!
 Почтенный Карамзинъ, на сладко-звучной лирѣ,
 Въ прекраснѣйшихъ стихахъ воспѣлъ святую рать,
 Паденіе врага, царя Россіи славу,
 Героевъ подвиги и радость всѣхъ сердець:
 Какой же получилъ любимецъ музъ вѣнецъ?
 Онъ, вкуса слѣдуя и разума уставу,
 Всѣ чувства души въ восторгѣ изливаль,
 Какъ другъ отечества и какъ поэтъ писалъ:
 Но-многое ль, скажи, цѣнить талантъ умѣють?
 О горе, горе намъ отъ мнимыхъ знатоковъ!
 Судилище ума — собранье чудаковъ,
 И въ праздности сердца къ изящному хладѣють.

Давно ли, шествуя Корнелію во слѣдъ,
 Поэтъ чувствительный, питомецъ Мельпомены,
 Творецъ Димитрія, Фингала, Поликсены,
 На Сѣверѣ блисталъ?... и Озерова нѣтъ!
 Завистниковъ псевждъ онъ учинился жертвой;
 Въ уединеніи степящій, полумертвой,
 Успѣхи онъ свои и лиру позабылъ!

О, зависть лютая, дочь ада, крокодилъ,
Ты въ изступленіи достоинства караешь,
Слезами, горестью питаешься другихъ,
Въ безумцахъ видишь ты прислужниковъ своихъ
И, просвѣщенія врагъ, таланты унижаешь!

И я на лирѣ пѣлъ, и я стихи любилъ,
Въ бесѣдѣ съ музами блаженство находилъ,
Свой умъ обогащать ученіемъ старался,
И, виноватъ, подь-часъ, въ посланіяхъ моихъ,
Я надъ невѣжествомъ и глупостью смѣялся;
Желанья моего я цѣли не достигъ:
Врали не престають здословить дарованья,
Печатать вздорныя свои ипосказанья
И къ публикѣ читать на перекоръ уму
Похвальныхъ кучу одъ, негодныхъ ни къ чему!

Итакъ, я сталъ лѣпивъ и празденъ по неволѣ.
Враговъ я не найду въ моей безвѣстной долѣ;
Пусть льются тамъ стихи нелѣпныя рѣкой,
Пѣть нужды: мнѣ всего любезнѣе покой.
Но, отъ учепости къ забавамъ обращаясь,
Давно ли, славою мы русской восхищаясь,
Торжествовали здѣсь желанный всеми миръ?
И тутъ мы критиковъ, мой другъ, не удержали:
При блескѣ празднества, при звукѣ громкихъ лиръ,
Зоилю подвигъ нашъ и рвенье осуждали:
Искусство, пышность, вкусъ и прелестей соборъ —
Все сдѣлалось виной ихъ споровъ и укоръ!

Не угодишь ничѣмъ умамъ, покрытымъ тьмою,
И, право, не грѣшно смѣяться надъ молвою!
Какой-то новый Крезъ, свой написавъ портретъ,
Обжорливыхъ друзей къ обѣду приглашаетъ:
Богатымъ искони ни въ чемъ отказа пѣть.
Друзья съѣзжаются, хозяинъ ожидаетъ,
Что будутъ славнаго художника хвалить,
Извѣстнаго давно искусствомъ, дарованьемъ;
Но сборище льстецовъ кричитъ съ негодованьемъ,
И точно думая тѣмъ Крезу угодить,
Что въ образъ его малѣйшаго пѣтъ сходства,
Пѣтъ живости въ лицѣ, улыбки, благородства.
Послушный Апеллесъ беретъ портретъ домой.
Черезъ мѣсяць нашъ Лукуллъ даетъ обѣдъ другой;
Друзья опять на судъ. Дворецкій объявляетъ,
Что баринъ нуждаго курьера отправляетъ

И просить подождать. Садятся всё кругомъ;
О миръ, о войнѣ вступаютъ въ разговоры;
Европу раздѣливъ, политики потомъ
На трудъ художника свои бросаютъ взоры.
«Портретъ — рѣшили всё — «не стоитъ ничего:
«Прямой уродъ, Эзопъ, носъ длинный, лобъ съ рогами,
«И долгъ хозяина предать огню его!»

— «Мой долгъ не уважать такими знатоками
(О чудо! говорить картина имъ въ отвѣтъ):
«Предъ вами, господа, я самъ, а не портретъ!»
Вотъ нашихъ критиковъ, мой другъ, изображенье!
Оставимъ имъ въ удѣлъ упрямство, ослѣпленье.
Повѣрь, мы счастливы, умѣя даръ пѣнить,
Умѣя чувствовать и сердцемъ говорить!
Съ тобою жизни путь украсимъ мы цвѣтами:
Жуковский, Батюшковъ, Кожошкинъ и Дашковъ
Явятся вечеромъ насъ улаждать стихами;
Воейковъ пропоетъ твои куплеты съ нами
И острой насмѣшкой сатирой на глушцовъ;
Шампанское въ бокаль пѣнистое польется
И громкое *ура* веселью разнесется.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. I.

LXI.

П Ъ С Н Я.

Не пеняй мнѣ, что съ тобою	Ты мила... о томъ ни слова:
Я задумчивъ и унылъ;	Все покорствуетъ тебѣ;
Я давно, любя душою,	Но полюбишь ты другова
Страсть свою въ душѣ таилъ.	И не вспомнишь обо мнѣ!
Въ юныхъ лѣтахъ я смѣлѣе	Юность рѣзвая, золотая,
Могъ признаться и любить;	Прелесть жизни и любви!
Я теперь люблю ибѣжатье,	Ахъ, зачѣмъ ты, исчезая,
Но могу-ль счастливымъ быть?	Оставляешь огонь въ крови?
Вечеръ жизни наступаетъ;	Грустно тщетнымъ ожиданьемъ
Сердце то же — я не тотъ:	Душу страстную томить,
Солице въ осень хоть сіяетъ,	Жить однимъ воспоминаьемъ
Дугъ зеленый не цвѣтеть.	И въ безмолвіи любить!

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. I.

LXII.

НА СЛУЧАЙ ШУТКИ А. М. ПУШКИНА,
который утверждалъ, что я умеръ.

Однофамилецъ мой, я слышу, утверждаетъ,
Что я оставилъ бѣлый свѣтъ.

Что думать здѣсь никто о мертвомъ не желаетъ,
И что красавицамъ во мнѣ и нужды нѣтъ.
Не спорю и, вздохнувъ, скажу чистосердечно:
Обмалпывать людей, я знаю, тяжкій грѣхъ,
Что умеръ я давно для шума и утѣхъ,
И что Амуръ ко мнѣ не милостивъ, конечно.
Я умеръ для бесѣдъ, гдѣ карточной игрой
Здоровье, разговоръ и время убиваютъ;
Я умеръ и для тѣхъ, гдѣ ближнихъ въ часъ иной
Поносятъ и ругаютъ.

Но я живу еще для искреннихъ друзей,
Душѣ и сердцу милыхъ;
Живу еще для музъ, и въ хижинѣ моей
Не знаю скуки я, не вижу дней увылыхъ.
Съ спокойной совѣстью быть можно одному!

Молчу по суткамъ — и мечтаю.

Я счастья всякому желаю,

А зла, Богъ видитъ; никому.

Къ чему мнѣ пышные обѣды,

Гдѣ въ винахъ дорогихъ кушаютъ стерлядей?

Живу для мирныхъ, пріятныхъ бесѣды

И добрыхъ, ласковыхъ людей.

Однофамилецъ мой, какъ хочетъ, разсуждаетъ;

Но, вопреки словамъ его,

Въ душѣ своей онъ точно знаетъ,

Что жить еще хочу, и живъ я для него.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. II.

LXIII.

ЛЮБЛЮ и НЕ ЛЮБЛЮ.

Люблю я многое, конечно,	Похвальныхъ словъ высокочарныхъ
Люблю съ друзьями я шутить,	И плоскихъ, скарденныхъ стиховъ.
Люблю любить я ихъ сердечно,	Люблю по модѣ одѣваться
Люблю шампанское я пить,	И въ обществахъ пріятныхъ быть.
Люблю читать мои посланья,	Люблю любезнымъ я казаться,
Люблю я слушать и другихъ,	Расина назвусть твердить.
Люблю веселыя собранья,	Люблю Державина творенья,
Люблю красавицъ молодыхъ.	Люблю я «Модную жену»,
Надъ ближнимъ не люблю смѣяться,	Люблю для сердца утѣшенья
Невѣждъ я не люблю хвалить,	Хвалу я пѣть Карамзину.
Славянофиламъ удивляться,	Въ собраньяхъ не люблю нахаловъ,
Къ вельможамъ на поклонъ ходить.	Подагрой не люблю страдать,
Я не люблю людей коварныхъ	Я глухыхъ не люблю журналовъ,
И гордыхъ не люблю глупцовъ.	Я въ карты не люблю играть,

И нашихъ Квинтильяповъ мнимыхъ Подъ-Часть, Амуромъ вдохновенной,
Суждений не люблю я злыхъ; Люблю пѣть граціи хороводъ;
Сердце я не люблю строптивыхъ, Люблю предъ милыми друзьями
Актеровъ не люблю дурныхъ. Свою я душу изливать
Я въ хижинѣ мойя смиренной, И юность рѣвую съ слезами
Гдѣ столько горя и заботъ, Люблю въ стихахъ воспоминать.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. II.

LXIV.

Р О М А Н С Ъ.

Тамъ, далеко, за горами, «Горе!» Нипа повторяетъ:
Нина съ Лизой молодой, «Горе мнѣ—часть смерти бьетъ!»
Въ алыхъ лентахъ и съ цвѣтами, Съ головы цвѣтокъ срываетъ
Шли путемъ рука съ рукой. И подругѣ отдаетъ.
Старецъ съ длинной бородою «Будь, цвѣточекъ мой,
Въ слѣдъ кричить: «Счастливый залогомъ
путь!»— «Пѣжной, искренней любви!
«Добрый старецъ, Богъ съ тобою! «Я предстану передъ Богомъ;
«Насъ въ молитвахъ не забудь! «Лиза, счастливо живи!»—
«Сердце часто предвѣщаетъ Громъ ударилъ надъ горою:
«Иль бѣды, иль счастье намъ. Нипа пала на утесъ,
«Солнце скрылось. Наступаетъ И кипяцею волною
«Темна ночь. Ахъ, горе намъ!» Водопадъ ее унесъ.
Воздохнувъ, сказала Нина, Вѣтеръ буйный утихаетъ,
Слезка капнула на грудь: И печальная луна
«Умереть—моя судьбина: Лѣсъ и горы освѣщаетъ.
«Ты подруги не забудь!» Лиза, въ трепетѣ, одна,
Вдругъ несутся черны тучи, Смотритъ на нее ушло,
Дубъ столѣтній затрепалъ; Надъ цвѣточкомъ слезы льетъ—
Воетъ странно лѣсъ дремучій, И съ тѣхъ поръ цвѣточекъ милой
Сводъ небесный запылалъ. Незабудочкой слыветъ.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. II.—Мильвуа: «La fleur du souvenir».

LXV

Э П И Г Р А М М А.

Какой учтивецъ сталъ Дамонъ!

Что за диковинка? — Теперь въ отставкѣ оны.

1815.

Собрание образцовыхъ русскихъ сочиненій 1816 г., ч. V.

LXVI.

ХОРЪ НА СЛУЧАЙ ТОРЖЕСТВА ВЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНІИ.

Не побѣды алчной брани, Простирая къ небу длани,
День мы радости поемъ; Молимъ о царѣ своемъ.

Александръ, твое рожденье—
 Счастья нашего залогъ!
 Дерзкихъ хищниковъ смиритель,
 Честь полунощной страны,
 Онъ и чуждыхъ покровитель,
 Имъ всѣ царства спасены.

Александръ, твое рожденье
 Есть вселенны торжество!
 Къ трону вѣрностию, любовью
 Вѣчно славилась Москва,
 И, враговъ омывшись кровью,
 Вознеслась ея глава,
 И отъ сѣвера на западъ
 1815.

Тучи мрачны пронеслись.
 Язвъ глубокихъ нецѣленье—
 Миръ надежный настаеть;
 Царствъ второе PROVIDѢНЬЕ,
 Александръ его дастъ.

Всѣ текутъ единодушно
 Подъ благій покровъ царя.
 Благоденствуй, побѣдитель
 Въ браняхъ, съ кроткою душой,
 Правъ, законовъ утвердитель,
 Миротворецъ и герой!

Александръ, твое рожденье
 Есть вселенны торжество!

LXVII.

КЪ АРЗАМАСЦАМЪ.

*Sujus autem aures veritati clausae, ut ab amico
 verum audire nequeant, hujus salus desperanda est.
 Cicero.*

Я грѣшенъ. Видно мнѣ кибитка не Парнассъ;
 По строгъ, несправедливъ карающій вашъ гласъ,
 И бѣдные стихи, плодъ шутки и дороги,
 По мнѣнию моему, не стоили тревоги.
 Просодіи въ нихъ нѣтъ, нѣтъ вкуса — виновать!
 По вы передо мной виновнѣе стократъ.
 Разборъ, повѣрьте мнѣ, столь ѣдкій, не услуга:
 Я слухъ вашъ оскорбилъ, вы оскорбили друга.
 Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
 Осмѣлился глупцамъ я правду говорить,
 Осмѣлился сказать хорошими стихами,
 Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
 Останется всегда невѣждой и глупцомъ.
 Я злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ,
 И, гнѣва не боясь варяговъ безпокойныхъ,
 Въ восторгѣ я хвалилъ писателей достойныхъ!
 Неблагодарные! О томъ забыли вы,
 И нынѣ, не щадя сѣдой моей главы,
 Вы издѣваетесь безчинно надо мною;
 Довольно и безъ васъ я былъ гонимъ судьбою!
 Въ дурныхъ стихахъ большой не вижу я вины;
 Пріатели беречь пріателя должны.
 Я не обидѣлъ васъ. Въ душѣ моей незлобной,
 Лишь къ пламенной любви и дружеству способной,
 Не приходила мысль, надъ другомъ мнѣ шутить!

Съ прискорбіемъ скажу, что прибыли любить?
Здѣсь острое слово пріязни всей дорожке,
И дружество почти на ненависть похоже.
Но, Боже сохрани, чтобъ точно думалъ я,
Что въ наши времена не водятся друзья!
Нѣтъ, бурныхъ дней моихъ на пасмурномъ закатѣ,
Я истинно счастливъ, имѣя друга въ братѣ!
Сердцами сходимъ: онъ точно я другой;
Я горе съ нимъ дѣлю, онъ радости со мной.
Благодарю судьбу! Чего желать мнѣ болѣ?
Проезжничать, шутить, смѣяться въ вашей волѣ.
Вы все любезны мнѣ, хоть я на васъ сердить;
Намъ быть въ согласіи самъ Аполлонъ велить.
Прямая наша цѣль есть польза, просвѣщенье,
Богатство языка и вкуса очищенье;
Но должно ли нутя о пользѣ разсуждать?
Глушцы не престають возиться и писать,
Дурачить Талію, ругаться Мельпоменѣ:
Смѣемся мы тайкомъ — они кричатъ на сценѣ.
Нѣтъ, явною войной искоренимъ враговъ!
Я вѣрный вашъ собратъ и дѣйствовать готовъ;
Ихъ оды жалкія, забавныя ихъ драмы,
Похвальные слова, поэмы, эпиграммы,
Конечно, не уйдутъ отъ критики моей:
Невѣждѣ учить люблю и уважать друзей.
1816.

Изд. 1822 г.

LXVIII.

Э Л Е Г І Я.

Летять какъ вихрь веселій годы;
Прелестной юности ничто не замѣнить.
Законъ могущія природы
Все рушить и страдать намъ въ старости велить.

Давно-ль подѣ тѣнью липъ вѣтвистыхъ
Любовь на лирѣ я бряцалъ?
Давно-ль вѣнки изъ розъ душистыхъ
И я красавицамъ сплеталъ?

Любилъ и жизнью наслаждался,
Любилъ и, можетъ быть, я нравиться умѣлъ:
Къ устамъ, трепещущій, устами прикасался,
Желалъ, надѣялся, пылалъ и леденѣлъ.

Гдѣ вы, дни радости, восторговъ, упоенья?
Сокрылись...и мечты вы унесли съ собой:

Въ блестящихъ обществахъ, въ тиши уединенья,
Ничто не дѣйствуетъ надъ мрачною душой.

Поэзія, и ты забыта мною нынѣ!
Кого мнѣ нѣтъ? Предъ кѣмъ мнѣ чувства изливать?
Живу я безъ надеждъ и, въ горестной судьбинѣ,
Любить еще могу, по долженъ я молчать.

О, дружба, будь моимъ питомъ и наслажденьемъ!
Ты счастье даришь и не сулишь оковъ.
Безцѣнный даръ небесъ, ты служиши утѣшеньемъ,
Когда отъ насъ летитъ крылатая любовь!

Труды Общества любителей рос. словесности 1816 г., ч. V.

LXIX.

ОТВѢТЪ ИМЕНИННИКА НА ПОЗДРАВЛЕНІЕ ДРУЗЕЙ.

Стихотворецъ я смиренный
И судьбою угнетенный,
Старъ и дряхль я становлюсь
И, любя, любви боюсь.
Красота меня плѣялетъ;
Я молчу—тайкомъ вздыхаетъ
Сердце, милые друзья,
Жалкій именинникъ я!

Вы все молоды, здоровы;
Всякій часъ утѣхи новы
И веселія для васъ:
Я сѣдью всякій часъ.
Праздновать мое рожденье
Для меня не утѣшенье:
Старъ я, милые друзья,
Жалкій именинникъ я!

Графъ Толстой и князь Гагаринъ.
Нашъ Остафьевскій бояринъ*),
Ржевскій, Батюшковъ-Паринъ,
Раздвѣтаютъ ваши дни!

1816.

Изд. 1822 г.

Вамъ все шутки—миѣжь все горе,
И моя подагра вскорѣ
Ушибетъ меня, друзья,
Жалкій именинникъ я!

Нынѣ мнѣ весна не въ радость:
Улетѣли счастье, младость,
Улетѣла и любовь!
Молодымъ не будешь вновь.
Жизнь мнѣ тягость, не веселье—
Скоро быть на новосельѣ;
Вамъ поклонъ, мои друзья,
Жалкій именинникъ я!

Но хоть старость угнетаетъ,
Сердце Вѣра утѣшаетъ,
И печатъ ея со мной!**)
Часть не страшень роковой
Никому, кто дышетъ Вѣрой
И все прочее химерой
Чтить, любезные друзья,
Славный именинникъ я!

LXX.

КЪ ГРАФУ Ѳ. Н. ТОЛСТОМУ.

Что дѣлать, милой мой Толстой?
Обѣдать у тебя никакъ мнѣ не возможно:

*) Остафьево—село, принадлежащее князю Петру Андреевичу Вяземскому.

***) Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская мнѣ подарила печатъ.

Страдать подагрою мнѣ вельно судьбой,
А съ нею развѣзжать совѣмъ неосторожно!
Проклятый Эскулапъ кричить, что быть бѣдѣ,
Совѣтовъ если я его не буду слушать,

И говорить: «Извольте кушать
«Въ Пѣмецкой слободѣ!

«Съ большими, пухлыми ногами
«Вамъ непристойно быть въ гостяхъ!

«Смотрите: за плечами

«Стоять курносая съ косою на часахъ —

«Махнетъ... прощайтесь съ стерлядями,
«Съ виномъ шампанскимъ и съ стихами!

«Не лучше-ль грозную на время удалить

«И съ нами, хоть годокъ, пожить?»

Суровый видъ врача, совѣтъ его полезный,

Подагра болѣе всего

Велятъ мнѣ дома быть. Ты не сердись, любезный!

Я плачу, что лишенья обѣда твоего.

Почтенный Лафонтенъ, нашъ образецъ, учитель,

Любезный Вяземскій, достойный Феба сынъ,

И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,

Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ,

И пола женскаго усердный почитатель,

Пріятный и въ стихахъ, и въ прозѣ нашъ писатель,

Князь Шалыковъ, съ тобой все будутъ пировать:

Какъ мнѣ не горевать?

Вы будете, друзья, и пить и забавляться,

И спорить и смѣяться,

А я сидѣть одинъ, съ попикшей головой,

И къ вамъ лишь мыслями, увы, переноситься!

Гораций памъ твердить: «Часъ близокъ роковой —

«Слѣшите насладиться!»

Но Августовъ пѣвецъ подагры не имѣлъ

И всемъ, что въ жизни, наслаждался:

Опъ Пирру, Хлою пѣлъ

И въ сладостныхъ стихахъ философомъ являлся;

А мнѣ не до того:

Я мудрости такой и дара не имѣю;

Здоровье для утѣхъ нужнѣе намъ всего,

И только я теперь его цѣнить умѣю.

1816.

Изд. 1822 г.

LXXI.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Онъ сталъ извѣстенъ самъ собою;
На лиръ онъ любовь, героевъ воспѣваетъ;
Любимецъ музъ соединяетъ
Прекраснѣйшій талантъ съ прекраснѣйшею душой.
Вѣстникъ Европы 1817 г., ч. XII.

LXXII.

КЪ ГРАФИНѢ С. А. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ

при доставленіи стиховъ.

Въ стихахъ баллады любимы ты —
Желанье исполняю:
Жуковского тебѣ мечты,
Дѣвъ Спящихъ, посылаю.
Въ кругу ролныхъ, друзей садись
И въ вечеръ имъ осенній
Читай поэму; не страшись
Ни сновъ, ни привидѣній!
Искуснымъ чтеньемъ украшай
Поэта дарованье
И пѣжнымъ голосомъ вселай
Въ сердца очарованье!
Для васъ, красавицъ, мы беремъ
Златыя лиры въ руки
И отъ прелестныхъ взоровъ ждемъ
Иль радости, иль муки.
Для васъ Жуковскій сталъ поэтъ;
Онъ пѣлъ любовь и славу:
И я теперь, подъ старость лѣтъ,
Пою тебѣ въ забаву!
1817.

Изд. 1822 г.

LXXIII.

РАЗГОВОРЪ ГОРАЦІЯ СЪ ЛИДЕЙ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Donec gratus eram tibi, etc.

ГОРАЦІЙ.

Когда я былъ любимъ тобою,
Когда увѣренъ былъ я въ пѣжности твоей,
Кто равенъ былъ со мною?
Я былъ довольнѣе вельможей и царей!

Лидія.

Когда душой и сердцемъ я владѣла,
Когда плѣнялся ты моею красотой,
Когда соперницей я Хлою не имѣла,
Я Или была счастливѣе судьбой!

ГОРАЦІЙ.

Пріятнымъ голосомъ обворожаетъ Хлоя,
Мнѣ весело ее любить!
Безъ Хлои для меня нѣтъ счастья, ни покоя;
Я умереть готовъ, чтобъ дни ея продлить.

ЛИДІЯ.

Калаисъ юный ждетъ отрады,
Утѣхъ и счастья отъ взора моего;
За вѣрность и любовь достоинъ онъ награды:
Я жизнь свою отдать согласна за него.

ГОРАЦІЙ.

Но если-бъ, съ сердцемъ воздыхалъ,
Тобою, Лидія, я восхищался вновь,
И, связь постыдную на вѣки разрывая,
Тебѣ я возвратилъ всю прежнюю любовь?

ЛИДІЯ.

Хотя Калаисъ занять мною
И страстью нѣжною клянется въ вѣкъ горѣть,
Хотя невѣренъ ты!.. Но я хочу съ тобою
И жить, и умереть!

1817

Труды Общества любителей рос. словесности 1818 г., ч. X.—Горацій:
кн. III, ода 9.

LXXIV.

КЪ АПОЛЛОНУ

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Quid dedicatum poscit Appollinem, etc.

Какого счастья желаетъ,
О, Аполлонъ, питомецъ твой,
Когда онъ въ честь твою изъ чаши изливаетъ
Вино усердною рукой?
Не просить камней онъ индійскихъ драгоценныхъ,
Ни жатвъ Сициліи роскошныхъ береговъ;
Не просить сочныхъ онъ плодовъ
Странъ, тихою волной Мериса орошенныхъ.
Въ чапы дубовые собирая виноградъ,
Пусть хвалится судьбой владѣющей садами!

Богатство получивъ за дальними морями,
Пусть счастливый пловецъ, средь вѣги и прохладь,
Съ друзьями время провождаетъ
И кубокъ золотой
Съ виномъ фалернскимъ осушаетъ!
Да будетъ онъ хранимъ судьбой,
Да корабли его, несомые волнами,
Безъ опасенья бурь чрезъ океанъ текутъ
И перлы въ дань ему, и яхонты несутъ!
А я, подъ тѣнь дресевъ, Минервѣ посвященныхъ,
Скрываясь, не прошу ни злата, ни садовъ:
Прошу я мирныхъ дней, часовъ уединенныхъ.
Да буду въ старости, по благодати боговъ,
Покрытый сѣдинами,
Тебя, Латоны сынъ, на лирѣ воспѣвать
И пѣжо-звучными стихами
Мой лениый вечеръ услаждать!

Труды Общества любителей рос. словесности 1818 г., ч. XI.—Кн. I,
ода, 31.

LXXV.

С Т И Х И,

ПЪТЫЕ ВЪ ЧЕСТЬ ЕЯ СЯТЕТЕЛЬСТВА КНЯГИНИ НАТАЛИИ
ПЕТРОВНЫ ГОЛИЦЫНОЙ ВЪ СЕЛѢ ИЛЬИНСКОМЪ.

Въ кругу дѣтей ты счастье вкушасяшь;
Любовь твою намъ счастье дарить;
Присутствіемъ своимъ ты восхищасяшь,
Оно вездѣ веселіе родить.
Повелѣвай ты нашими судьбами!
Мы всѣ твои; тобою мы живемъ,
И вѣжну мать, любимую сердцама,
Въ день радостный съ восторгомъ мы поемъ:
Да дни твои къ отрадѣ всѣхъ продлятся!
Цвѣтами ихъ мы будемъ украшать;
Друзья твои съ дѣтьми соединятся,
Чтобъ всякій часъ тебя увеселять.
1819.

LXXVI.

ПОДРАЖАНІЕ МАРОТУ.

Въ пустыню дикую сокроюсь я несчастный:
Ждать отъ тебя любви и ласки — трудъ напрасный!
Оковы тяжкія довольно я носилъ:
Послужить пусть другой, какъ я тебѣ служилъ!
Прости, любовь! Прости, стань гибкой и прелестный,

Подобный розамъ цвѣтъ, взоръ ангельскій, небесный!
Немного я отъ васъ отрады получилъ;
Рожденный съ нѣжною, чувствительной душою,
Любви подвластенъ сталъ и жизнь влачила степи:
Увы, кто менѣе плѣняется тобою,
Тотъ будетъ, можетъ быть, счастливѣе меня!

Невскій Зритель 1820 г., № 3. — Marot. Chansons: «Puisque de vous je n'ay autre visage».

LXXVII.

QUATRAIN ADRESSÉ A MADAME CATALANI.

Les dieux se plaisent quelquefois
A créés des merveilles;
Et la Reine du chant par ses traits et sa voix
Sait captiver nos cocurs, mes yeux et nos oreilles.

Московскія Вѣдомости 1820 г., № 60.

LXXVIII.

СТИХИ ВЪ АЛЬБОМѢ О. Д. А.

Альбомъ есть памятникъ души,
По скромность многого сказать не дозволяетъ.
Пусть прозорливый умъ всю тайну отгадаетъ,
И, что я чувствую, сама ты папиши.

1821.

Изд. 1822 г.

LXXIX.

М А Д Р И Г А Л Ъ.

Когда приходитъ часъ съ тобою разставаться,
Другъ другу говоримъ: «Люблю, люблю тебя!»
Не увѣрять въ любви хотимъ мы тѣмъ себя,
Но только для того, чтобъ больше наслаждаться.

1821.

Изд. 1822 г.

LXXX.

М А Д Р И Г А Л Ъ.

Злословить кто любовь, зоветь ее бѣдой,
О, Хлоя, пусть хоть разъ увидится съ тобой!

1821.

Изд. 1822 г.

LXXXI.

Э Н И Г Р А М М А.

«Завистливость рождаетъ
«Ужасныя бѣды» — такъ говорилъ Даметь.

А я ему въ отвѣтъ:

«Пустое, отъ нея завистникъ умираеть».

1821.

Изд. 1822 г.

LXXXII.

Э П И Г Р А М М А.

На что мнѣ жизнь? Лишился я друзей,
Которые меня любить всегда хотѣли.
Что-жь, умерли они къ злой горести твоей?
Цѣтъ, живы, но разбогатѣли.

1821.

Изд. 1822 г.

LXXXIII.

Э П И Г Р А М М А.

Гордецъ Клеонъ тебя ласкаетъ,
Съ тобою говорить, на балы приглашаетъ;
Признаться, я дивлюсь тому! —
Въ займы я денегъ далъ ему.

1821.

Изд. 1822 г.

LXXXIV.

Э П И Г Р А М М А.

Прозанкъ Сухословъ въ журналъ увѣряеть,
Что плоскіе стихи Безтолковъ сочиняеть;
Риѳмачъ божится радъ,
Что журналистъ своей пастъ прозой усыпляетъ
И критикуеть не виопадъ.
Риѳмачъ въ сужденьяхъ правъ, и тотъ не виноватъ.

1821.

Изд. 1822 г.

LXXXV.

Э П И Г Р А М М А.

О, какъ болтаньемъ докучаетъ
Глупецъ ученый Клитъ!
Онъ говорить все то, что знаетъ,
Не зная самъ, что глорить.

1821.

Изд. 1822 г.

LXXXVI.

Э П И Г Р А М М А.

Амура называютъ богомъ:
Никакъ я не согласенъ въ томъ,

И, съ Лизой сдѣлавшись знакомъ,
Я спорю, что похожъ на чорта онь во многомъ.

1821.

Изд. 1822 г.

LXXXVII.

КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ.

Поэту милому, товарищу и другу,
Счастливому отцу, счастливому супругу,
Вотъ отъ души подарокъ мой!
Въ часъ скуки и отдохновенья
Читай мои стихотворенья

И помни, что люблю любимымъ быть тобой.

1822.

Дамскій Журналъ 1830 г., ч. XXXI.

LXXXVIII.

СОВѢТЬ ОГОРЧЕННОМУ.

Надѣйся и терпи: все время исцѣляетъ!
Зима пройдетъ, въ лугахъ гвоздика расцвѣтаетъ;
Судьба за горемъ вслѣдъ веселія даетъ,
И бурный вѣтръ подчасъ насъ къ пристани ведетъ.

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. I.

LXXXIX.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ОТВѢТЬ.

«Я бѣденъ», говорилъ Протасъ,
«И вижу, что меня здѣсь всякій презираетъ».
«Но бѣдность не порокъ». — Несчастнѣй отвѣчаетъ
«Ахъ, хуже во сто разъ!»

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. I.

XC.

ВЕЛИКОДУШЕ.

Злословить я тебя, Элиза, не хочу,
Хотя твою невѣрность знаю:
Когда я счастливъ — я молчу,
Обмануть — забываю.

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. I.

XCI.

КУПЛЕТЫ.

На голосъ: Du vaudeville de Florian.

Подчасъ и въ старости, друзья.

Пріятна жизнь для насъ бываетъ;

Смотрите: съ вами молодъ я,
Мой духъ еще не унываетъ.
Часы крылатые ловлю
Еще я съ чувствомъ, съ наслажденьемъ;
Васъ, милыхъ, всей душой люблю,
И дружество мнѣ утѣшеньемъ.

Приблизься, Вяземскій, ко мнѣ!
Тебѣ я счастья желаю;
Авось либо въ чужой странѣ
Попью съ тобой и погуляю;
Налей подагрику вина,
Американецъ нашъ почтенный!
Я рюмку осушу до дна
Для дружбы въ вечеръ незабвенный.

Гусарь отважный и поэтъ,
И ты въ Москвѣ опять съ друзьями!
Ты будешь пить чрезъ сорокъ лѣтъ,
А мнѣ качать недолго съ вами.
Что дѣлать? Рока не боюсь,
Днемъ завтрашнимъ не занимаюсь;
Я съ вами пью и веселюсь,
И настоящимъ наслаждаюсь.

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. I.

ХСII.

ПОДРАЖАНІЕ ПЕТРАРКѢ.

Nova angettetta sovra l'ali accorta.

На крыльяхъ рѣзаго Зефира
Спустилась съ облаковъ прелестная Темпра
На лугъ зеленый, гдѣ любовь
Оковы мнѣ приготавлиала;
Я былъ одинъ, душа чего-то ожидала,
И волновалась кровь.
Среди душистыхъ розъ золотая сѣтъ таилась:
Я вмигъ пойманъ былъ;
Хотѣлъ бѣжать, не доставало силъ.
Богиня красоты явилась;
Я на нее взглянулъ и сталъ подвластенъ ей:
Такъ сладокъ свѣтъ ея очей!

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. II. Петрарка: «Madrigale» 3.

ХСIII.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Ты помнишь ли, скажи, о той подругѣ юной,
Которой скромный взоръ тебѣ приметъ былъ,

Которую ты пѣлъ на лирѣ златострунной
И въ цвѣтѣхъ дней ея любви покорилъ?

Тутъ не было ни клятвъ, ни тщетныхъ обѣщаній:
Простосердечная не знаетъ юность ихъ!
Любовь одна была въ общемъ ся желаній
И не вселяла въ грудь боязней никакихъ.

Кумира милого она теперь лишилась,
И счастье ужъ ея не возвратится вновь;
Съ весною дней своихъ на вѣкъ она простилась,
Но первая при ней осталася любовь.

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. IV.

ХСІV.

НА СЛУЧАЙ КОНЧИНЫ СЕМНАДЦАТИЛѢТНЯГО ЮНОШИ,
КНЯЗЯ С. А. ГОЛИЦЫНА.

Ты въ жизни сей мятежной
Не зналъ еще ни горестей, ни бѣдъ.
Лелѣянъ былъ любовью пѣжной
И въ цвѣтѣхъ юныхъ лѣтъ
Родителей несчастнѣйшихъ оставилъ;
Ты къ Богу быстрый свой полетъ
Съ душою чистою направилъ.

1824.

Дамскій Журналъ 1825 г., ч. X.

ХСV.

Э К С П Р О М Т Ъ

графу М. Ю. Висльгорскому, спросившему, который мнѣ годъ.

Не спрашивай: который годъ?   Еще я жизнью веселюся!
Мой милый, я сказать страшуся!   Что пужды вамъ до лѣтъ моихъ?
Но если я для васъ гождуся,   При васъ я забываю ихъ.
И въ мнѣннн вашемъ не уродъ:
Дамскій Журналъ 1824 г., ч. VI.

ХСVI.

КЪ Л. С. ПУШКИНУ

Благодарю тебя, племянникъ мой любезный,
Что вспомнилъ, наконецъ, о дядѣ ты своемъ;
Онъ пресмыкается еще въ юдоли слезной
И часто съ думою бесѣдуетъ вдвоемъ.
Не веселятъ меня веселія столицы,
Ни Ирѣсненски пруды, ни славный новый садъ,
Гдѣ можно ѣсть бифштексъ, пить съ ромомъ лимональ,

И гдѣ встрѣчаются и дамы, и дѣвицы.
 Въ Московскомъ клубѣ я, что Англійскимъ зовуть,
 Читаю иногда Булгарина и Греча.
 Картежная идетъ ужасная пусть сѣча,
 Миѣ нужды нѣтъ: рублей миѣ карты не даютъ,
 И въ экарте играть я вовсе не умѣю;
 Къ театру, признаюсь, охоту я имѣю,
 Но ѣзжу въ мѣсяцъ разъ: живу я далеко;
 Миѣ въ креслахъ холодно, а въ ложахъ высоко.
 Ришаръ и Гюлленъ-Соръ приводятъ въ восхищенье
 Всѣхъ здѣшнихъ зрителей искусствомъ ногъ своихъ;
 Воронина мила; люблю я видѣть ихъ,
 Люблю прелестное Римлянокъ слышать пѣнье,
 Люблю отличную ихъ ловкость и игру;
 Но миѣ, подагрику, разѣздъ не по нутру,
 И два часа въ сѣняхъ кареты дожидаться
 Нѣтъ силъ... и отъ забавъ миѣ должно отказаться!
 Итакъ, мой милый другъ, ты видишь, для твоей
 Отшельникомъ живеть въ столицѣ знаменитой,
 Но я не жалуясь, друзьями не забытой.
 Нашъ русскій Лафонтенъ и Виземскій со мной
 Въ свободные часы дѣлать уединенье;
 Еще отрада есть—поэзія и чтенье.
 Благодарю судьбу: я съ самыхъ юныхъ лѣтъ
 Любилъ изящное, и часто отъ суетъ,
 Отъ шума свѣтскаго я въ тишинѣ скрывался,
 Учился и читалъ, и сердцемъ наслаждался;
 Любилъ писать стихи, но зависти не зналъ;
 Прямой талантъ въ другихъ я вѣчно уважалъ,
 И лишь нелѣпостей былъ искренній гонитель:
 И не щадилъ невѣждъ и скаредныхъ писцовъ;
 Что дѣлать! И теперь я всекъ сказать готовъ:
 Фирсъ добрый человекъ, но глухой сочинитель.

Дамскій Журналъ 1824 г., ч. VII.

ХСѴІІ.

КЪ НЕЙ.

Гдѣ ты, мой другъ, моя родная,	И нѣтъ на счастье упованья?
Въ какой теперь живешь странѣ?	Кто будетъ заниматься мной,
Блаженство райское вкушая,	И чья душа съ моей душой
Несешься-ль мыслію ко миѣ?	Нѣжнѣйшей дружбой съединится?
Ты слышишь-ли мои рыданья?	Гдѣ ты, о ангелъ добротой?
Ты знаешь-ли, что въ жизни сей	Дай миѣ туда переселиться?
Миѣ безъ тебя нѣтъ ясныхъ дней	Тамъ плача и вздыханій нѣтъ,

Тамъ тихій, певечерній свѣтъ	Да будетъ горней красоты
Для добродѣтельныхъ сіяетъ!	Съ тобою онъ созерцатель вѣчный!
Взгляни съ небесной высоты:	Прости на время, другъ сердечный!
Твой братъ и другъ къ тебѣ взываетъ!	

1824.

Полярная Звѣзда на 1825 г.

ХСVIII.

ЭКСПРОМТЪ

на прощаніе съ друзьями А. П. и С. И. Тургеневыми.

Прощайте, милые друзья!	Пока еще хранимъ богами.
Подагрикъ разгасаетъ съ вами;	Часъ близокъ; можетъ быть, увя,
Но съ вами сердцемъ буду я,	Меся не будетъ — будьте вы!

1824.

Полярная Звѣзда на 1825 г.

ХСІХ.

ПИСЬМО КЪ В***.

Благодарю. Вотъ «Русскій Пнвалидъ»,
 Вотъ и «Журналъ Санктпетербургскій».
 Что дѣлаешь, любимецъ перидъ?
 Что дѣлаешь любезный Виземскій,
 И гдѣ Тургеневы, холодные друзья?
 Проклятая болѣзнь со всѣми разлучила;
 Душа стѣснилась, приуныла,
 И катится долой съ плечъ голова моя.
 Ты по театрамъ развѣзжаешь,
 Въ ладоши хлопаешь Ришару и Тегиль,
 Танцуешь котильонъ и вальсы, и кадрили,
 А обо мнѣ, страдалецъ, забываешь.
 Но скоро, къ радости моей,
 Умолкнуть гусли и тимпаны;
 Кунеческихъ колясокъ и саней
 Не будутъ на бѣгу тянуться караваны:
 Наступитъ постъ; увижусь я съ тобой,
 Увижусь съ милыми друзьями,
 Возвеселюсь и сердцемъ, и душой,
 И снова прилетятъ ко мнѣ утѣхи съ вами.

1824.

Дамскій Журналъ 1825 г., ч. ІХ.

С.

СЧАСТЛИВЫЙ МЛАДЕНЕЦЪ.

Элегія.

Небесный ангелъ среброкрылый
 Спустился въ храмину, гдѣ спалъ

Младенецъ непорочный, милый;
 Во спѣ опъ крѣпостью сіяль,
     Играли на ланитахъ розы,
     И улыбалися уста;
     Душа его была чиста,
 Какъ утренней зари сверкающія слезы;
 И ангель, въ ней увидѣвъ образъ свой,
     Къ одру младенца преклонился;
 Блаженнымъ сномъ его, невинностью, красой,
     Любуясь, веселился;
 Смотрѣль, какъ по его плечамъ
 Златыя кудри развивались,
 Какъ руки къ персямъ прижимались;
 Казалось, мысль его стремилась къ небесамъ.
 Но будущее вдругъ предъ ангела предстало,
     Туманъ чело его покрылъ;
 Опъ тяжко воздохнулъ и очи отвратилъ;
 Младенцу, видѣль опъ, все въ мірѣ угрожало.
 Вѣтръ бурный съ дикія пещущія скалы
 Съ грозою для него готовился ужасной;
 Опъ слышалъ страшный свистъ несчастія стрѣлы,
     Для правоты, невинности опасной;
 Небесный гость къ премудрости святой
     Вознесъ молитву съ умиленьемъ.
 Всесильный повелѣль... Духъ чистый съ восхищеньемъ,
     Коснувшись спящаго рукой,
 Тиховько приподнялъ и, въ вѣжды лобызая,
     Сказаль ему, на небо отлетая:
     «Тебѣ я счастье даю»....
 Младенецъ умеръ—и въ раю.
 1825.

Звѣздочка на 1826 г. (Русская Старина 1883 г., т. 39).

СІ.

П Ъ С Н Я.

Брюзгливый дядя всемъ твердить,	Не ластить ничѣмъ мнѣ модный свѣтъ:
Что я шалунъ, что я мотаю,	Ни гроша денегъ нѣтъ!
Но опъ пустое говоритъ:	Въ роскошныхъ, лакомыхъ пирахъ
Я ничего не проживаю.	Имѣнье тратится Нахома;
Вотъ на упрекъ мой отвѣтъ:	Я-жъ вѣчно ѣмъ и пью въ гостяхъ
Ни гроша нѣтъ!	И часто по ночую дома.
Сорить рублями не хочу,	Мнѣ нуженъ дружескій привѣтъ:
Живу не прятко, но въ попоѣ,	Ни гроша денегъ нѣтъ!
Подушку ночью по верчу,	Питая къ картамъ сильную страсть,
Чистъ совѣстью, карманомъ вдвое.	Пятерничъ золото бросаетъ;

Пріятель вашъ пошелъ бы въ часть, Богатый звонкою монетой;
Но онъ безъ денегъ не играетъ. Я счастливъ и обманутъ былъ—
Игрещкихъ я странусь бесѣдъ: Все даромъ милою Лизетой;
Ни гроша нѣтъ! Извѣстно ей, что я поэтъ:

Красоткамъ нашъ Глупоновъ миль, Ни гроша нѣтъ!

1825.

Звѣздочка на 1826 г. (Русская Старина 1883 г., т. 39). Беранже: «L'Homme gangé».

СII.

ЭКСПРОМТЪ НА ОТЪѢЗДЪ Н. М. КАРАМЗИНА ВЪ ЧУЖІЕ КРАИ.

Дельфійскій богъ, вѣнецъ тобою данъ
Историку, философу, поэту!
О, будь вождемъ его! Пусть, странствуя по свѣту,
Онъ возвратится здравъ для славы Россіянъ!

Московскій Телеграфъ 1826 г., ч. VIII.

СIII.

М А Д Р И Г А Л Ъ.

Ты хочешь тайну знать мою?
Смотри, не осердись! Я все тебѣ открою
И ничего не утаю:
Любовь и я узналъ.... увидѣвшись съ тобою.

1826.

Дамскій Журналь 1827 г., ч. XVII.

СIV.

Э П И Г Р А М М А.

Ты думаешь, что глухъ брюнистый Ермолай,
Но ошибаешься ужасно;
Скажи ему: возьми; онъ слышитъ, и прекрасно;
Онъ глухъ, когда ему кто молвить: подавай.

1826.

Литературный Музеумъ на 1827 г.

CV.

БАБУШКА И ВНУЧКА.

Старушка, добрая Ненила,
Однажды внучкѣ говорила:
«Приходитъ старость и недугъ;
«Мнѣ, видно, умереть, Лукерьюшка, мой другъ!
«Ну, какъ случится это горе,
«Заплачешь-ли, скажи, о бабушкѣ ты своей?»
— «А какъ-же, бабушка? Ей, ей,
«Я плачу обо всякомъ вздорѣ».

1826.

Дамскій Журналь 1827 г., ч. XVII.

СVI.

Э П И Г Р А М М А.

«Ахъ, какъ я радъ! Прощу откушать:

«Сегодня у меня съ дичиною пантеть». —

— «Согласенъ, мой сосѣдь». —

«Еще прошу послушать

«Трагедію «Улиссъ и Филоктеть». —

— «Я отобѣдалъ, мой сосѣдь!»

1826.

Литературный Музеумъ на 1827 г.

СVII.

ОТРЫВОКЪ.

Подражаніе Байрону.

Вотъ часъ, когда вечерній соловей,	Но для тебя-ль, прекрасная лупа,
Пѣвецъ весны, въ дубравѣ воспѣваетъ,	Въ одеждѣ скромной, и одна,
И странника бѣгуицій съ горъ ручей	Чертогъ Ленора оставляетъ?
Пріятнымъ шумомъ привлекаетъ;	Что для нея краса твои?
Роса пиеходитъ на луга,	Что свѣтлыхъ ручейковъ журчанье?
Въ кустахъ зефиры вѣютъ,	Что алыхъ розъ благоуханье
И рѣкъ прохладныхъ берега	И дивный голосъ соловья?
Въ безмолвной тишинѣ темнѣютъ.	Въ душѣ ея — одно желанье:
Сіяютъ звѣзды въ небесахъ,	Увидѣть друга и любить,
Луна явилася, и въ волнахъ	И для него весь міръ забыть.
Сребристый лучъ ея играть;	

1826.

Литературный Музеумъ на 1827 г.—Изъ «Парижныи».

СVIII.

Э К С П Р О М Т Ъ.

Что мнѣ экспромтомъ написать	Теперь отъ радостей отсталъ
Дней быстрыхъ на закатѣ?	И отъ надежды отказался.
Мнѣ суждено терпѣть и горевать,	Итакъ, молчу, любезные друзья,
И въ пестромъ щеголять халатѣ.	Съ стихами милыми прощаюсь:
Экспромты я тогда писалъ,	Я тѣмъ лишь только утѣшаюсь,
Когда надѣялся, влюблялся;	Что въ старости не скучень я.

7-го января 1827 г.

Московскій Вѣстникъ 1828 г., ч. VII.

СIX.

Э Л Е Г І Я.

«Проснись, родимая, проснись!...»

Она молчитъ, не отвѣчаетъ! —

Смерть грозная ее съ тобою разлучаетъ,

Лей слезы и молись!

Но смерти онъ не понимаетъ,
Христанъ, младенецъ въ двадцать лѣтъ.
Живеть онъ счастливо, безъ страха, безъ суетъ
И безъ надеждъ, и безъ желаній;
Нѣтъ для него восноминаій
И будущаго нѣтъ!

Богъ мать нѣжную послалъ
Несчастному въ награду;
Онъ все въ ней находилъ: и счастье, и отраду,
И мутный взоръ его одну ее искалъ.

Перѣдко ко груди своей
Она безумнаго съ любовью прижимала,
Лелѣяла его, хранила, утѣшала;
Печальный безъ нея, онъ веселъ былъ при ней.
Но въ тяжкую болѣзнь, увы, Лариса, впала,
Лишилась силъ и въ уголку своемъ,
Задумавшись передъ огнемъ,
Она спѣла, горевала:

Кто позаботится о немъ,
Когда Творецъ пришлетъ за мною?
— «Скажи, родимая, что ты не весела?
«Не провинился я ни въ чемъ передъ тобою;
«Я смиренъ, послушливъ, тебя не беспокою».

Она, обнявъ меня, вздохнула, умерла.
Къ усопшей все сосѣди прибѣжали
Ей цѣлованіе послѣднее отдать;
Надъ нею плакали, рыдали.

Онъ, видя горестъ ихъ, сталъ слезы проливать.
Ударилъ колоколь, все въ божій храмъ съ свѣчами,
Съ молитвами текутъ;

Священники кадятъ; печальный гробъ несутъ,
И тихими шагами
За плачущей толпой

Юродивый идетъ съ покойною душой.
Не вѣдастъ причины онъ стenanьямъ,
Молитвамъ, нѣнію, рыданьямъ:
Улыбка на устахъ его.

Но гробъ въ могилу опускаютъ....
— «Куда ее, куда скрываютъ?»
Несчастный сынъ кричитъ; все смотрятъ на него,
Молчатъ и слезы отираютъ.

«Родимая проснется; для нее
«Огонь, скамья и пища, все готово!
«О, люди добрые, отдайте мнѣ ее!

«Что вы такъ на меня взираете сурово?

«Я пужень ей одинъ!

«Отдайте мнѣ ее: я другъ ея, я сынъ!»

Никто не отвѣчаетъ.

Но вечеръ наступилъ. Луна изъ облаковъ

Кладбище освѣщаетъ.

Хрисановъ, оставшись тамъ, трупъ хладный вырываетъ

И, бѣлый снявъ съ него покровъ,

Въжигъ онъ съ пошею дорогой,

Ведущей къ хижинѣ убогой.

Огонь разложенъ, запылалъ,

Юродивый умершую сажаетъ;

Онъ съ пѣжностью ее ласкаетъ

И снова счастливъ сталъ.

«Проснись, родимая, рука твоя какъ ледъ;

«Согрѣйся у огня скорѣе;

«Скажи словечко мнѣ, я буду веселѣ!»

Она отвѣта не даетъ.

Всю ночь онъ мать свою въ объятіяхъ держалъ,

Бъ закрывшимися очамъ устами прикасался,

Не плакалъ, не стоналъ,

А поутру и самъ скончался.

Московскій Вѣстникъ 1827 г., ч. II.

СХ.

НА КОНЧИНУ***.

«Я вѣрю,» скажутъ все объ ней:

«Она скончалась въ цвѣтъ дней,

«Она плѣняла красою,»

И позабудутъ все. Весеннею-якъ порою,

Долина, гдѣ она лежитъ,

Душистыми покроется цвѣтами;

Толпа ея подругъ съ вѣнками прибѣжитъ,

И рѣзвость слезы замѣнитъ.

Когда же солнце за горами

Сокроется, охотникъ молодой

Тамъ сядетъ отдохнуть, незная,

Что попираетъ онъ ногой

Твой прахъ, прелестная Аглая.

Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XIV.

СХІ.

ЭПИГРАММА.

Злослова, говорятъ, совсѣмъ перемѣнилась;

Видалъ-ли прежде кто, чтобы она обѣщалась?

А нынѣ безъ сего не можетъ дня пробыть.
Мнѣ кажется теперь за умъ она хватилась.
Не лучше-ль во сто разъ себѣ лицо бѣлить,
Чѣмъ славу добрую другихъ людей чернить?
1827.

Опытъ русской анекдотической поэзии, 1828 г.

СХІІ.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ: ЧТО ЗА ЛЮДИ ДАНТИСТЫ?

Пріемы ихъ довольно грубы:
Они стараются чужіе зубы
Какъ можно чаще вырывать,
Чтобы своимъ зубамъ доставить что жевать.
1827.

Опытъ русской анекдотической поэзии, 1828 г.

СХІІІ.

УМІРАЮЩІЙ ЛѢНИВЕЦЪ.

Лѣнивецъ Клитъ, къ Харону отпраиваясь,
«Какъ счастливъ я!» сказалъ своей женѣ:
«Приходитъ смерть; съ заботами прощайся,
«Въ землѣ лежать не трудно будетъ мнѣ.»

Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. ХVІІІ.

СХІV.

ПОСЛАНИЕ КЪ...

Нельзя ли, милые, отъ Копна
Къ подагрику пріѣхать вамъ гурьбой?
Утѣшите бѣднаго! Страдаетъ онъ ногой
И въ красномъ колпакѣ походить на Езона.
Увы, какъ старость тяжела!
Она меня, злодѣйка, отвела
Отъ дружескихъ бесѣдъ пріятныхъ;
Мнѣ дома суждено скучать
И о потерѣ дней счастливыхъ, невозвратныхъ
Тихонько слезы проливать.
Бывало, въ дождь и непогоду,
Готовъ я былъ на ширь, не отставалъ отъ васъ:
Клико и Шамбертенъ, все было въ добрый часъ!
А нынѣ безъ вина нью зельтерскую воду....
Бывалъ и я забавъ душой,
И Пушкинъ Алексѣй, товарищъ вѣрный мой,
Со мною выходилъ на сцену;
Бывало, воспевалъ на ширь я Климену;

Стиховъ моихъ опъ не любилъ,
Но опъ любилъ играть комедію со мною;
Онъ вздоромъ часто насъ смѣшилъ
И умъ соединялъ съ блестящей острою....
Его ужъ пѣтъ!.. Я живъ! Но что во мнѣ, друзья?
Гдѣ драгоценное здоровье и веселье?
Мнѣ скоро быть на новосельѣ....
Ахъ, вспомните подчасъ, что былъ на свѣтѣ я!

Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XVII.

СХV.

Ц Е Д У Л К А

КЪ П* П** С***.

Я знаю: завтра, мой сосѣдъ,	Веселье всѣхъ воображаю,
Къ тебѣ на лакомой обѣдѣ	Когда борзья полетятъ,
И камергеръ, и подполковникъ	Поймаютъ зайца удалова;
Явятся съ радостью большой;	О стерлядяхъ уже ни слова:
А я, несчастнѣйшій чиновникъ,	Ты угощать сосѣдей радъ.
Попагрю страдая злой,	Но, ахъ, меня не будетъ съ вами!
Лежу, лью слезы и вздыхаю;	Нельзя съ попагрю шутить;
Лишь мысляю къ тебѣ несусь	Часовъ пріятнѣйшихъ дѣлить
И въ скромной хижинѣ пошусь.	Злодѣйка не велитъ съ друзьями.

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. XXIII.

СХVI.

КЪ ПОСТУМНО.

Eheu fugaces, Postume, Postume...

Летятъ, летятъ, Постумій другъ,	Но гдѣ-бъ отъ рока ты укрылся?
Дни, мѣсяцы и годы!	Увидишь мрачный ты Коцитъ,
Неизбѣжимъ законъ природы!	Сизифа, Титія страданья;
Наступитъ старость и недугъ	Мечты исчезнуть, ожиданья
Потомъ и смерть. Хотя-бъ Плутону	И все, что въ мнѣ семъ ни льститъ;
Ты въ жертву сто воловъ принесъ,—	Съ подругой милою проегишься,
Все тщетно, и въ челнокъ къ Харону	Оставишь домъ богатый свой
Ты все пойдешь! Бѣдникъ и Крезъ,	И край, въ который преселишься,
Царь и пастухъ, — всѣ смерти чада,	Возьмешь лишь кипарисъ съ собой.
И всѣмъ врата отвереты ада!	Наслѣдникъ твой благоразумной

Хотя-бъ ты Марсу не служилъ	Отыщеть славное вино,
И моря грознаго страшился,	И въ дружеской бесѣдѣ, шумной
Въ удивеннѣй скромномъ жилъ,	Польется, закипитъ оно.

Дамскій Журналъ 1828 г., ч. XXV. Гораций. Кн. II, ода 14.

СХVII.

КАПИТАНЪ ХРАБРОВЪ.

Повѣсть въ стихахъ.

(1828—1829 г.).

Глава I.

Большой саратовской дорогой,
Въ кибиткѣ низенькой, убогой,
На родину тащился я,
Въ село, гдѣ въ домикѣ смиренномъ
Жила старушка мать моя,
И съ сердцемъ часто сокрушеннымъ
Воспоминала обо мнѣ.
Семь лѣтъ я не былъ въ той странѣ,
Семь лѣтъ съ родимой я разстался,
Въ походахъ и сраженьяхъ былъ,
Чинъ капитана получилъ
И орденами украшался.

Хотѣлъ бы я, романтикъ новый,
Осенній вечеръ описать
И тономъ жалостнымъ сказать,
Какъ вѣтеръ буншевалъ суровый,
Какъ съ неба дождь ушатовъ лилъ.
Какъ въ буркѣ я дрожалъ косматой;
Но Аполлонъ замысловатой,
Увы! меня не наградила
Талантомъ Байроновъ чудесныхъ
И на Руси теперь извѣстныхъ.

Подѣхалъ мой ящикъ къ рѣкѣ,
И вотъ паромъ. Тамъ въ далежѣ,
Я вижу, огонекъ мелькаетъ;
«Скорѣй», я закричалъ, «друзья!
«Ночлегъ насъ добрый ожидаетъ:
«Я васъ согрѣю, и себя».
Старикъ съ плѣшивой головою,
Съ сѣвою длинной бородою
Стоитъ на берегу другомъ
И насъ встрѣчаетъ съ фонаремъ;
А дождь все льетъ, и съ мокрымъ
сѣгомъ.

Слуга мой вѣрный Еремѣй
Въ шинели фразовой своей
Въ домъ къ старичку пустился ъгомъ,
А я за нимъ, старикъ за мной;
Ночлегу радъ я всей душой.

Мы входимъ въ горящю. На лавкѣ
Старуха сгорбившиися сидитъ,
Лучипка передъ ней горитъ;
Въ погахъ ея мальчишка въ шапкѣ
Играетъ съ кошкою своею. —
«Старушка добрая, здорово!
«Согрѣй намъ чайникъ поскорѣй!»
— «Сейчасъ, бояре! Все готово!» —
И самоваръ уже кипитъ,
Ромъ на столѣ, я согрѣваюсь;
Хозяинъ пристально глядитъ,
Какъ я ко спу приготавливаюсь.
Мой добрый спутникъ Еремѣй
Давно храпитъ: онъ спать охотникъ.
Старикъ, старуха и работникъ
Все вышли вошь. Сверчокъ злодѣй
Мнѣ скучнымъ крикомъ спать мѣшаетъ,
Огарокъ сальный догораетъ;
Но какъ заснуть? Тамъ сотни крысъ
Возитъ, кажется, сошлись.
Я вдругъ вскочилъ отъ нетерпѣнья,
Посель убѣжища иекать;
Въ сѣняхъ чуланъ и тамъ кровать:
Вотъ мѣсто для отдохновенья.
Я легъ — и слышу разговоръ:
У старика съ женою споръ.
«Что мѣшкаешь? Стунай скорѣе!
«Прѣзжисъ сномъ крѣпкимъ спать».
— «Къ развѣту наши прилетятъ:
«Нхъ подожду. Тогда смѣлѣе
«Къ концу мы дѣло приведемъ;
«Поцалы пѣтъ! Мы ихъ убьемъ!» —
«А гдѣ-жъ ящикъ?» — «Онъ связанъ
мною
«И няный на сѣнѣ лежитъ.» —
«Ну, какъ все кончится бѣдою?»
— «Ни слова болѣ! Я сердитъ
«И проучить тебя умѣю.» —
«Я, Климычъ, за тебя робѣю».

Умолкли. Я тихонько всталъ,
 Книжкаль и пистолеты взялъ;
 Сонливый мой слуга проснулся,
 Пошли мы ямщика будить:
 Насилу нашъ бѣднякъ очнулся. —
 «Послушай, насъ хотятъ убить:
 «Мы у разбойниковъ. Скорѣе
 «Коней въ кибитку запрягай;
 «Прочь колокольчикъ! Не зѣвай!
 «Спасемъся ночью мы вѣрше».
 Готова тройка. Мы съ большимъ
 Трудомъ ворота отворили;
 Бѣжитъ старикъ, работникъ съ нимъ:
 «Вы насъ», кричатъ, «не ускорили!
 «Мы здѣсь. Труденько вамъ спастись!
 «Смотри же, баринъ, берегись!»
 Батракъ за поводъ хватаетъ,
 Хозяинъ съ топоромъ въ рукахъ.
 Занесъ его!. Откинувъ страхъ,
 Я выстрѣляль: онъ упадетъ.

Мы усаkali. Провидѣнье
 Пзбавило отъ смерти насъ!
 Вотъ видимъ солнца восхожденъе:
 Насталъ пріятный утра часъ;
 Утихла буря; стадо въ поле
 Шагамъ тихими идетъ,
 Пастухъ играетъ; дождь не льетъ.
 Хотя птичекъ хоръ не слышенъ болѣ,
 Хотя листь желтвѣтъ и летить,
 Но Божій мѣръ всегда прекрасенъ.
 Сводъ неба чистъ, и все сулитъ,
 Что будетъ день хорошъ и ясенъ.

И вотъ село! Прелестный видъ:
 Тамъ на горѣ крутой, высокой,
 Великолѣнный храмъ стоитъ,
 Внизу рѣка. По ней широкой
 И длинный мостъ ведетъ въ посадъ.
 Народъ конишется. Вѣзжаемъ.
 Отрядъ мы казаковъ встрѣчаемъ
 И стражи внутренней солдатъ:
 Они разбойниковъ поймали.
 Ямщикъ остановился мой.
 Къ намъ офицеръ передовой
 Бѣжить... Другъ друга мы узнали:

«Ахъ, это ты, Храбровъ! Откуда?
 «Не ожидалъ такого чуда,
 «Чтобъ здѣсь увидѣться съ тобой!
 «—Я ѣду въ отпускъ на покой,
 «Готовился покой мнѣ вѣчный;
 «Богъ спасъ меня, мой другъ сердеч-
 ный!»—

Я тутъ ему пересказалъ
 Почное наше приключенье;
 И что-жь? Какое удивленъе!
 Онъ самыхъ тѣхъ воровъ поймалъ,
 Которыхъ ждалъ старикъ илѣшивый.
 Романтикъ бы краспорѣчивый
 Предетавилъ кучу тутъ картинъ;
 Скажу я просто: мы разетались
 И, какъ друзья, поцѣловались.
 «Прости, мой милый Валентинъ!»
 —«Прости, Храбровъ! Мы повидались:
 «Судьбѣ спасибо! Добрый путь!»—
 Мнѣ пужно было отдохнуть,
 Я ночь не спалъ. На постояломъ
 Остановились мы дворѣ,
 И на разостланномъ коврѣ,
 Одѣтый теплымъ одѣяломъ,
 Заснулъ я крѣпко. Вотъ мой сонъ:

Мнѣ чудилось, что на кладбище,
 Умершихъ вѣчное жилище,
 Куда-то я перенесетъ;
 Брожу, а вечеръ наступаетъ;
 На небѣ молнія сверкаетъ,
 И громъ раскатисто гремитъ;
 Сова хохочетъ, жуки жуужить,
 И мышъ крылатая летаетъ.
 И что жъ? Могила предо мной
 Съ ужаснымъ трескомъ разетунилась.
 И въ длинномъ саванѣ явилась
 Тѣнь блѣдная; меня рукой
 Она холодной обшмасть....
 «Проститесь я пришла съ тобой;
 «Смерть лютая насъ разлучаетъ!»
 Сказала... и узналъ я въ ней
 Тѣнь вѣжной матери моей.
 Я плакалъ. Сердце трепетало.
 Громъ гремитъ. — Я проснулся вдругъ.

Родимая, мой милый другъ,
 Не вѣрю, чтобъ тебя не стало!
 Нѣтъ, отъ бѣды избавить Богъ!
 Я, право, обойтись не могъ,
 Чтобъ не представить свидѣнья;
 Романтики такого мнѣнья,
 Что тотъ поэтъ не удалецъ,
 Кому не видится мертвецъ.

Вереть десять фхать намъ осталось.
 Отъ итерифици казалося,
 Что время медленно текло.
 Вотъ наша роща и село,
 Вотъ церковь, прудъ, садъ плодovitый,
 Домъ, черепицею покрытый,
 Вотъ конопля и огородъ;
 Мы подъѣзжаемъ — я вѣгаю
 И мать старунку обнимаю
 И цѣлый дѣвочкѣ хороводъ.
 Терентій Карповъ, дядька мой,
 Служитель пьяный и глухой,
 Съ почтеньемъ руку лобызаецъ;
 Федора ключница бѣжитъ,
 Огъ радости на всѣхъ брюзжитъ
 И намъ обѣдъ приготовляетъ.
 «Мой другъ, Народецъ! Богъ мнѣ велѣтъ
 «Еще увидѣться съ тобою!
 «Ты возмужалъ, похоронилъ»,
 Сказала мать, «а мнѣ судьбою
 «Дочь милая еще дана;
 «Ты будь ей братомъ! Вотъ она».
 И вдругъ я вижу предъ собою
 Красавицу въ шестнадцать лѣтъ:
 Въ романахъ Вальтеръ-Скотта, Мура,
 Нолье, виконта д'Арленкура
 Читали вы ея портретъ.
 За столъ мы сѣли: и рубцы
 Намъ подають, къ нимъ пруженцы,
 Баранин бокъ съ горячей кашей,
 Жаркаго гуся и широгъ;
 Но ѣсть я ничего не могъ,
 А любовался все Наташей.

Въ домъ матушка ее взяла,
 Ей было девять лѣтъ, не болѣ;
 Священникъ нашего села

Нашель ее младенцемъ въ полѣ,
 Принесъ домой и воскормилъ.
 Наташу попададя любила,
 Но Богъ помощницы лишилъ
 Почтеннаго отца Кирилла.
 Тогда онъ, плача, упросилъ,
 Чтобъ матушка взяла Наташу.
 «Богъ наградитъ за щедрость вашу!»
 Упавъ къ ногамъ, онъ говорилъ:
 «Тенерь живу я одинокой;
 «Какъ мнѣ за дѣвочкой смотрѣть?
 «Къ тому же, въ старости глубокой
 «И мнѣ недолго умереть.»

Родительница съ восхищеньемъ
 Наташу согласилась взять,
 Ее учить и наблюдать
 За добрымъ нравомъ, поведенемъ
 И, сколько можно, утѣшать.
 Наташа многое ужъ знала:
 Умѣла колнаки вязать,
 На гусяхъ пѣсенки бряцать
 И полотеца вышивала.
 Прошло еще пять или шесть лѣтъ.
 Другимъ Наташа занималась,
 И въ длинный талию корсетъ
 Она затягивать старалась;
 Посила кнессю, перкаль,
 Большия букли завивала,
 Свѣтлану наизусть читала;
 Лишь одного ей было жаль:
 Она не знала по французски.
 Тиранка мода губить насъ:
 И даже въ деревняхъ, подчасъ,
 Никто не говоритъ по-русски.
 Наташа въ обществахъ бывала,
 Но и съ хорошенькимъ лицомъ
 Большою частью все молчала.
 Всякъ можетъ согласиться въ томъ,
 Что было ей довольно скучно:
 Молчанье съ скукой неразлучно.
 Представляю я въ главѣ другой,
 Читатель, новья картины.
 Дошедъ разсказа половины,
 Я смѣлой напину рукой

Рядъ пѣлый точекъ...

Романтиковъ не отступлю;
Я точки въ повѣстяхъ люблю;
Лордъ Байронъ тысячи ихъ ставилъ,
И подражатели его:
Гиро, Суметь, Викторъ Гюго,
Лишь точками извѣстны стали
И славу за вихоръ поймали.

Глава II.

Читатель, можетъ быть, дивится,
Что я такъ свѣдущъ и ученъ;
Но я всегда любилъ учиться,
И мой полковникъ, графъ Вальтронъ,
Саксонецъ, Гёте обожатель,
Быль мой паставникъ и пріятель;
Онъ колдуновъ, чертей любилъ,
И, признаюсь, ему въ угоду,
Я принялъ новую методу:
Расши-трагика бранилъ,
Не смѣлъ Вольтера звать поэтомъ,
А восхищался я Гамлетомъ
И Фауста переводилъ.
Мнѣ нужно было отступленье;
Читателю я доказалъ,
Что службы долгъ мнѣ не мѣшалъ
Любить и книги, и ученье.
Теперь къ Наташѣ я своей
Въ восторгѣ сердца обращаюсь.
Вотъ мѣсяцъ, какъ въ деревнѣ съ ней
Живу и жизнью наслаждаюсь.
Хоть снѣгъ порхаетъ по полямъ,
Мы съ нею рѣвнимся, гуляемъ,
При матушкѣ, по вечерамъ,
Романы, повѣсти читаемъ;
Старушка дремлетъ, и для насъ
Тѣмъ лучше: тысячу я разъ
У милой руку поцѣлюю;
Она въ невинности своей
Твердитъ, что я любезенъ ей;
Я веселъ, счастливъ, торжествую!
Ахъ, безъ любви пустыни свѣтъ!
Однажды утромъ мнѣ пакетъ

Приносятъ съ почты; я читаю:

«Мой другъ! Тебя увѣдомляю,
И отъ правилъ что старика ты не убилъ:
«Ему ты руку раздробилъ;
«Онъ раненъ, но въ живыхъ остался:
«Во многомъ, къ счастью, признался,
«И я въ Саратовъ буду съ нимъ.
«Съ тобой, товарищемъ моимъ,
«Увижусь къ радости сердечной.
«Твой другъ не лицемѣрной, вѣщпой

Валентинъ.»

Я доброй матери моей
Прочелъ пріятеля посланье;—
«Исполни Богъ мое желанье!»
Она сказала: «можетъ ей
«Онъ и женихъ! Не правда-ль, милой?
«Стараться будемъ всею силой,
«Чтобъ онъ Наташу полюбилъ!
«Онъ не богатъ, я это знаю,
«Но честенъ, говорятъ, и милъ;
«А честность я предпочитаю
«Богатству и чинамъ большимъ».
Я былъ въ смущеніи, недвижимъ
И не сказалъ въ отвѣтъ ни слова,
А милая была готова
Заплакать отъ такихъ рѣчей.
Но, къ счастью, капитанъ-исправникъ,
Великій краснобай, забавникъ,
На дворъ катить съ женой своей,
Большой охотницей до чтенья,
Питомицей мадамъ Жарни.
«Скорѣ чаю и варенья»,
Кричитъ старушка: «вотъ они.
«А, Петръ Ѳомичъ, прошу садиться!
«Аксинья Павловна, ко мнѣ,
«Поближе, только не чинится!
«Давно мы въ здѣшней сторонѣ
«Гостей любезныхъ не видали.
«Прошу Парфена полюбить;
«Надѣюсь, вы о немъ слышали:
«Онъ отпущенъ со мной пожить;
«Господь старуху утѣшаетъ».
И Петръ Ѳомичъ меня тотчасъ
Съ восторгомъ къ сердцу прижимаетъ,

Жена учтиво приеѣдаетъ:
 « Monsieur Храбровъ, мы ждали васъ.
 « Съ большимъ, повѣрьте, нетер-
 пѣниемъ!
 « Я слышала, что вы поэтъ!
 « Скажите, правда или нѣтъ?
 « Я очень занимаюсь чтеньемъ,
 « И романтизмъ меня плѣнилъ.
 « Недавно Ларина Татьяна
 « Миѣ подарила Калибана:
 « Ахъ, какъ онъ интересенъ, милъ!
 « Закры, Федры, Андромахи
 « Не въ модѣ болѣе у насъ;
 « Съ презрѣниемъ говорить подѣ-часъ». —
 « Что, каково », Ѳомичъ вскричалъ,
 « Умомъ хозяйка щеголяетъ?
 « Подѣлю каждую журналъ
 « Она не даромъ получаетъ;
 « Языкъ французскій ей знакомъ,
 « И розовый ея альбомъ
 « Наполненъ разными стихами,
 « Рисунками и везелями». —
 Но вотъ Наташа за столомъ
 Чай ароматный разливать.
 Франтиха съ головы снимаетъ
 Московскій щегольскою беретъ;
 « Подобнаго въ уѣздѣ нѣтъ », —
 Она съ улыбкою сказала:
 « Мадамъ Ле-Буръ шлетъ всякій годъ
 « Миѣ кучу иностранныхъ модъ;
 « По дорога несносно стала,
 « А съ ней разстаться не могу,
 « Въ большомъ я живуци кругу ». —
 Чай отпили, и почевать
 Остались гости дорогіе;
 Ихъ должно было удержатъ:
 Проѣзды осенью дурные.
 И Петръ Ѳомичъ, исправникъ нашъ,
 Хоть должною давшенько править.
 Мостовъ же вовсе не исправилъ,
 Свой наблюдая авантажъ
 Иль прибыль, говоря по-русски;

Чтобъ миѣ отъ рѣмы не отстать,
 Одно словечко написать
 Осмѣлился я по-французски.
 Ты смѣлость не почти виной,
 Читатель, благосклонный мой!

Глава III.

Пимоница мадамъ Жаринъ,
 Супругъ ея и son ami
 У насъ довольно погостили,
 И только чрезъ четыре дни
 Мы ихъ въ Саратовъ отпустили.
 Ахъ, сколько мы прочли стиховъ,
 На сцену вызвавъ колдуновъ
 Нѣмецкихъ, англійскихъ, шотланд-
 скихъ,
 Норвежскихъ, шведскихъ и лапланд-
 скихъ!
 И, въ чертовщину углубясь,
 Съ восторгомъ мы о ней читали;
 Вкусъ тонкій и въ твореньяхъ связь
 Мы еущимъ взоромъ почитали.
 Еленой *) Фаустовой быть
 Акинья Павловна желала,
 Чего-то тайнаго искала,
 И не хотѣла говорить
 О классикахъ она ни слова;
 По всей душой была готова
 Съ рогами чорта полюбить
 И всю вселенну удивить
 Рожденіемъ Эвфоріона.
 Исправникъ былъ другого тона:
 Онъ слушалъ насъ и все зѣвалъ,
 Съ старушкою въ нигетъ игралъ,
 И пушигъ ему былъ утѣшеньемъ.
 Романовъ русскихъ нѣжнымъ пѣнемъ
 Наташа забавляла насъ.
 « Ахъ, милая, какъ жаль, что васъ.
 « Мадамъ Тегиль пѣтъ не учила », —
 Вздохнувъ, франтиха говорила:
 « Въ Москвѣ я нѣла и сама,
 « Но, къ огорченью, все забыла.
 « Въ провинціи сойти съ ума

Читай «Елену», новую поэму г. Гете.

«Немудрено отъ страшной скуки;
 «Я здѣсь четвертый годъ живу,
 «Все какъ во снѣ, не на яву
 «И не беру гитары въ руки».—
 Вотъ какъ мы быстрые часы
 Съ гостями своими провожали;
 Сосѣдей клали на вѣсы
 И всѣхъ почти критиковали;
 Такъ водится: людей хвалить
 Труднѣй гораздо, чѣмъ бранить.

На святкахъ предводитель Хватовъ,
 Даетъ огромный маскарадъ
 И приглашаетъ насъ въ Саратовъ.
 Я приглашенію очень радъ;
 Но тамо милая со мною
 Мазурку будетъ танцовать.
 И легкостью, и красотою
 Всѣмъ празиться и всѣхъ пѣшпять.
 Мы съѣхались, и полковая
 На хорахъ музыка гремить;
 Приличность и порядокъ зная,
 Нашъ предводитель Неофитъ
 Ивановичъ, одѣтый Грекомъ,
 Книжницу Милову ведетъ;
 Танцующая польскій, руку жметъ;
 Онъ самымъ моднымъ человѣкомъ
 У насъ въ губерніи сльветъ,
 И, душъ двѣ тысячи имѣя,
 Жать руки можетъ не робѣя.
 Аксинья Павловна со мной
 Идетъ, жеманясь въ сарафанѣ;
 Супругъ ея, въ ямекомъ кафтанѣ,
 Съ предлинной черной бородой,
 Натану подхвативъ, тащится
 За маскарадною толпой;
 Вбѣгаетъ въ залу и кружится
 Кадриль пастушескъ, пастуховъ;
 Губернскій стражничій Батраковъ
 Является въ усахъ гусаромъ;
 Разнощикъ съ ленточнымъ товаромъ
 Смѣшные дѣлаетъ прыжки
 И дамамъ подаетъ етишки.
 Армяне, арлекины, Турки
 Тѣнятся. бѣгаютъ кругомъ.

Какой шумъ, крикъ, какой содомъ!
 Но полночь бьетъ, и вмигъ мазурки.
 Къ отрадѣ многихъ, начались.
 Я взялъ Наташу. Понеслись
 Мы съ нею вихремъ по паркету.
 Часа три посвятивъ нищету,
 Старушка мать явилась къ намъ.
 Мазурка кончилась, мы съѣли.
 Разносятъ виноградъ гостямъ
 И яблоки, и карамели,
 Оршадь и медъ, и лимонадъ,
 И пушишь, охотникамъ до рома.
 Почтенивѣйшій хозяинъ дома
 Всѣхъ угощать душевно радъ.
 Но что я вижу? Въ парикѣ
 И упираюсь на клюкъъ,
 Подходитъ маска съ длиннымъ посомъ.
 И тотчасъ къ матушкѣ съ вопросомъ.
 «Давно-ль сынокъ пріѣхалъ твой,
 «И долго-ль проживетъ онъ съ нами?
 «Какой же молодецъ собой!
 «Подай мнѣ руку, милый мой!
 «Мы были въ старину друзьями».
 И вдругъ мнѣ на ухо шепнулъ:
 «Я Валентинъ!» — и ускользнулъ.

Здѣсь Валентинъ и въ маскарадѣ
 Въ дурацкомъ рѣзвится парадѣ,
 Подумалъ я: онъ шутъ большой
 И до проказъ охотникъ вѣчно.
 Ко мнѣ онъ будетъ? Радъ сердечно:
 Онъ добрый сослуживецъ мой.
 Въ Натану влюбится? Такъ что же?
 Я въ ней увѣренъ; для нее
 Я всѣхъ милѣе и дороже,
 Открыто сердце мнѣ ее.
 Но вотъ ужъ солнца на восходѣ,
 Московскою повинуюсь модѣ,
 Пустились гости по домамъ;
 По нашимъ вороньимъ конямъ
 Ямщикъ брадастый вмигъ ударилъ
 И скоро насъ въ село поставилъ.

Глава IV.

Зима настала; снѣгъ пушистой
 Покрылъ и холмы, и луга;

И пышной Волги берега
 Освѣщены луной серебристой
 Летить на тройкѣ удалой
 Къ намъ гость доселѣ небывалой
 Князь Пустельгинъ, плеунъ лихой,
 Охотникъ псовой, добрый малой,
 Хотя не много и болтливъ.
 Гусаромъ будучи, военной
 Онъ какъ-то службы не взлюбивъ,
 Въ Московскій перешелъ архивъ.
 Богатый дядя и почтенной,
 Какимъ-то случася, ему
 Чинъ камеръ-юнкера доставилъ;
 Въ прибавокъ, старичокъ, къ тому,
 Скопчавшись, молодцу оставилъ,
 Такъ сказать, *roug la bonne bouche*,
 Въ Саратовѣ пять тысячъ душъ.
 У предводителя на балѣ
 Съ Наташей князь вальсировалъ
 И даже ей на опахалѣ
 Экспромптъ какой-то написалъ,
 Чувствительный и кудреватый,
 Изъ антологіи имъ взятый.
 Итакъ, князь Пустельгинъ у насъ:
 Счастливый для старушки часъ!
 Она въ сердечномъ восхищеньи.
 Федора и весь домъ въ волненьи:
 Чѣмъ угостить? Что подавать?
 Вотъ несуть кофе съ сухарями,
 Витушками и кренделями.
 «Прошу на гусляхъ поиграть»,
 Наташѣ матушка сказала:
 «Давно я очень не слыхала
 «Любимой пѣсенки моей:
 «Соловей, мой соловей!»
 Наташа милая запѣла
 Пріятно, просто, какъ умѣла;
 Я, блѣдный, близъ нея стоялъ
 И ноты ей перебиралъ.
 «Прелестно, *sur mon Dieu*, преле-
 стно!»
 Съ ужимкой Пустельгинъ сказалъ:
 «И Будаховъ, пѣвецъ чудесной,
 «Хотя въ столицѣ и живетъ,

«Не лучше этого поеть.»
 Потомъ, ко мнѣ подѣвъ поближе,
 «Вы были, слышалъ я, въ Парижѣ,»
 Промолвилъ онъ; «скажите намъ,
 «Чѣмъ болѣ занимались тамъ?
 «Какое Тальма въ игрѣ Ореста?
 «Пріятна ли Мепвель-Фодоръ?
 «Вы всѣхъ ихъ знали... Я-жъ ни съ
 мѣста
 «И нигдѣ не былъ до сихъ поръ;
 «Но я вояжъ предпринимаю,
 «И прямо въ Римъ. Отъ скуки здѣсь
 «Скачу я по полямъ, порскаю
 «И въ карты проигрался весь!»
 Мы послѣ вдругъ заговорили
 О новыхъ книгахъ, о стихахъ
 И модный романтизмъ хвалили.
 «Хвала Германцамъ! О чертяхъ
 «Они понятіе намъ дали!»
 Вскричалъ нашъ князь: «и доказалъ,
 «Что шабашъ вѣдьмъ и колдуновъ,
 «Мяуканье и визгъ котовъ,
 «Крикъ филиновъ и змѣй шипѣнье—
 «Прямое сцены украшенье;
 «И что «Британикъ», «Магометъ»,
 «Въ которомъ чертовщины нѣтъ,
 «Ни всей прелестной, адской свиты,
 «Несносны, скучны, позабыты!..»
 Что вижу я? Товарищъ мой,
 Романтикъ скромной, не большой,
 Къ вечернему столу явился.
 «Насилу я освободился,
 «Мой другъ Храбровъ, отъ скучныхъ
 дѣлъ.
 «Разбойникъ, атаманъ Маркель,
 «Во всемъ передъ судомъ открылся.
 «Пятнадцать лѣтъ назадъ тому
 «Случайно удалось ему
 «Ограбить барина съ женою.
 «Въ коляскѣ, позднюю порою,
 «Несчастный ѣхалъ изъ гостей
 «Съ подругой доброю своей,
 «Съ дитятей, нянею, слугою.
 «И съ грозной шайкою злодѣй

«На нихъ напалъ. Всѣ пали мертвы. «Нашелъ ее и, пораженный
 «По дочь, младенецъ двухъ годовъ,— «Младенца ангельской красой,
 «Самъ Богъ ей, видно, былъ покровъ,— «Отвезъ ее въ кровъ мирный свой...»
 «Въ живыхъ осталась, и сей жертвы «И вотъ она!» старушка закричала.
 «Всесильный не хотѣлъ принять: Паташа въ обморокъ упала;
 «Злодѣи на нее поднять Я въ трепетъ ее держалъ
 «Рукъ кровожадныхъ постыдился, И въ чувство привести старался.
 «Хотя, оставивъ подъ кустомъ, Весь домъ на помощь къ ней сбѣжался,
 «Они съ добычей удалились; А камеръ-юнкеръ усакалъ,
 «И утромъ, ѣхавши верхомъ, Увидѣвъ общее смятенье
 «Священникъ, говорятъ, почтенный И хлопоты, и огорченье.
 Подсѣжникъ, 1829 г.—Сѣверные Цвѣты на 1829 г.—Радуга на 1830 г.—
 Деница на 1830 г.

СХVIII.

КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Поэтъ-племянникъ, справедливо Русланъ, Кавказскій Пльняникъ твой
 Я названъ классикомъ тобой! Фонтанъ, Цыганы и Евгений
 Все, что умно, краснорѣчиво, Прекрасныхъ полны вдохновеній!
 Все, что написано съ душой, Они всегда передо мной,
 Миѣ нравится, меня плѣняетъ. И не для критики пустой
 Твои стихи, повѣрь, читаешь Я ихъ твержу, для наслажденья.
 Съ живымъ восторгомъ дяди твой. Тацита нашего творенья
 Латоны сына ты любимецъ, Читаетъ журналистъ иной,
 Тебя онъ вкусомъ одарилъ; Чтобъ славу очернить хулой.
 Очарователь и счастливецъ, Зонлъ достоинъ сожалѣнья;
 Сердца ты нани полонилъ Онъ позабылъ, что не вредна
 Своимъ талантомъ превосходнымъ, Граниту бурная волна.
 Всѣ мысли выражать способнымъ.
 Московскій Телеграфъ 1829 г., ч. XXVI.

СХIX.

КУМУ-ИМЕННИКУ.

Хочу любезнаго я кума подарить
 Въ день Ангела стихами.
 Да будетъ онъ хранимъ благими Небесами!
 Да мирныхъ дней его не пресѣчется пить
 Еще полвѣка или болѣ!
 Да всѣ завидуютъ его счастливой долѣ!
 Да будетъ съ нѣжною супругой онъ своей,
 Съ любезными дѣтьми и съ добрыми друзьями
 Путь жизни устилать цвѣтами!
 Вотъ искренней души моей

Надежды и желанья!
Прости, кумъ милый, до свиданья!

29 июня.

Дамскій Журналъ 1829 г., ч. XXVII.

CXX.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Товарищъ-другъ! Ты помнишь ли, что я
Еще живу въ семь мѣръ?
Что были въ старину съ тобою мы друзья,
Что я на скромной лирѣ
Бывало воспѣвалъ талантъ изящный твой?
Бывало часто я, бесѣдуя съ тобой,
Читалъ твои баллады и посланья:
Пріятныя, увы, для сердца воспоминаья!
Теперь мнѣ некому души передавать:
Съ тобою, Вяземскимъ, со всѣми я въ разлукѣ;
Мнѣ суждено томиться, горевать
И дни влачить въ страданіяхъ и скукѣ.
Гдѣ Блудовъ? Гдѣ Дашиковъ? Жизнь долгу посвятить,
Они заботятся, трудятся;
Но и въ трудахъ своихъ нерѣдко, можетъ статья,
Приходить имъ на мысль, что другъ ихъ старый живъ.
Я живъ, чтобъ васъ любить, чтобъ помнить всякій часъ.
Что васъ еще имѣю;
Благодаря судьбу, я въ чувствахъ не хладѣю.
Молю, чтобъ Небеса соединили насъ.

Москва. 9-го января 1830.

Литературная Газета 1830 г., т. I.

CXXI.

ВЪ АЛЬБОМЪ

К. Г. и Н. В. Л.***

Болѣзнию тяжкой удрученный, Подъ бременемъ и лѣтъ, и горестей
Живу для дружбы лишь одной: согбенный,
Я васъ узналъ—и полюбилъ душой. Еще блаженствую я въ участи моей:
Имѣю друзей.

Дамскій Журналъ 1830 г., ч. XXXI.

CXXII.

ВЪ АЛЬБОМЪ ДАМЪ, КОТОРОЙ ИМЯ ВѢРА.

Три добродѣтели даютъ блаженство намъ:

Любовь, надежда, вѣра:

Безъ нихъ и жизнь не жизнь чувствительнымъ сердцамъ.

Мечтанья тщетны пзувѣра.

Младенецъ лишь родится въ свѣтъ

И открываетъ вѣжды, —

Ужъ любить, вѣруетъ; надежда въ немъ живетъ.

А я теперь, увы, достигнувъ позднихъ лѣтъ,

Хотю вѣру и люблю, но жаль, что безъ надежды.

1830.

Дамскій Журналь 1831 г., ч. XXXIII.

СXXXIII.

А. С. ПУШКИНУ.

Племянникъ и поэтъ! Позволь, чтобъ дядя твой

На старости въ стихахъ поговорилъ съ тобой.

Хоть модный романтизмъ подь-часъ я осуждаю,

Но истинный талантъ люблю и уважаю.

Послание твое къ вельможѣ есть примѣръ,

Что не забыть тобой затѣливый Вольтеръ.

Ты остроуміе и вкусъ его имѣешь

И правиться во всемъ читателю умѣешь.

Пусть бѣсится, ворчитъ московскій Лабомель:

Не оставль свою прелестную свирѣль!

Пустыя критики достоинствъ не умаляютъ;

Жуковскій, Дмитріевъ тебя и чтутъ, и хвалятъ;

Крыловъ и Вяземскій въ числѣ твоихъ друзей;

Пиши и утѣшай ихъ музою своею,

Наказывай глушцовъ, не говоря ни слова,

Печатай имъ на зло скорѣ Годунова.

Творенія твои для нихъ тяжелый бичъ,

Нибуромъ никогда не будетъ нашъ Москвитчъ,

И авторъ повѣсти топорныя работы

Не можетъ, кажется, проситься въ Вальтеръ-Скотты.

Довольно и того, что журналистъ сухой

Въ журналѣ чтить себя романтиковъ главою.

Но полно! Что тебѣ парнасскіе нигмеи,

Нелѣпная ихъ брань, придирки и затѣи!

Счастливицу некогда смѣяться даже имъ.

Благодаря судьбу, ты любишь и любимъ.

Вѣнчанный розами ты граціи рукою

Вселенную забылъ, къ ней прильпясь душою.

Прелестный взоръ ея тебя животворитъ

И счастье прочное, и радости сулитъ.

Блаженствуй, но въ часы свободы, вдохновенья.

Бесѣдуй съ музами, пиши стихотворенья,

Словесность русскую, языкъ обогащай,
И вѣчно съ миртами ты лавры съединяй.

1830.

Рукопись въ Имп. П. Библіотекѣ.

ЗАПИСКИ ВЪ СТИХАХЪ КЪ КНЯЗЮ П. П. ШАЛШКОВУ.

1.

Вотъ третій день, мой кумъ-поэтъ,
Какъ въ бѣлокаменну Москву я возвратился.
Скажи, какъ безъ меня ты жить и веселился?
Что дѣлаетъ намъ модный свѣтъ?
Здоровы-ли кума и крестникъ?
О чемъ толкуетъ намъ Европы старый Вѣстникъ?
Чѣмъ занимается К(окошки)на причетъ?
Изядно ли Филисъ въ «Jean de Paris» играетъ,
И отчего любезный мой собратъ
Журнала своего ко мнѣ не присылаетъ?
Увидѣться съ тобой я сердцемъ буду радъ:
На этихъ дняхъ въ семьѣ твоей явлюся къ чаю,
А до свиданья всѣхъ васъ въ мысляхъ обнимаю.

2.

Въ день именинъ я кума поздравляю:
Здоровья, счастья и радостей желаю.
Наташѣ, граціи молодой,
Желаю жениха, и чтобъ она собой
Родителей своихъ почтенныхъ утѣшала;
Амурамъ-сыновьямъ желаю быть въ чинахъ
И въ крестникѣ своемъ увидѣть генерала.
Въ Сокольники на этихъ дняхъ
Пустьится я хочу, хотя на костыляхъ,
Китайскій нектаръ пить, бесѣдовать съ друзьями,
Но только прозой—не стихами.

3.

Любезный князь, недѣли двѣ,
Какъ чувствую я боль въ спиѣ и головѣ;
Сижу все дома и страдаю;
Къ тому-жъ и «Дамскаго Журнала» не читаю.
Любимецъ Вакха, твой солдатъ,
На водку денегъ просить,
А самъ пріятнаго журнала мнѣ не носить.
Я, право, тароватъ
И гривны дать за трудъ нимаю не жалѣю:
Потѣшить бѣднаго курьера я умѣю.
Пришлите книжку, мнѣ скорѣй,

Болящаго утѣшите!
Онъ любить васъ душою всею,
И вы словамъ его, собрать любезный, вѣрьте!

4.

Любезный Шаликовъ, прозаикъ и поэтъ,
Ты завтра прїѣзжай къ больному на обѣдъ!
Бояринъ (Соцко)въ здѣсь; прїѣдетъ онъ съ тобою.
А я вечернею порою
На Прѣсню отвезу, какъ водится, тебя:
Ты посѣщеніемъ обрадуешь меня.

5.

Не будь, любезный князь, къ пріятелю жестокъ:
Оставь несносныя газеты въ четвертокъ!
Неужель къ тремъ часамъ не будешь ты свободенъ
И наше общество увеселять способенъ?
Обѣдаетъ у насъ вельможа и поэтъ;
И ради Піэриды не молви слова: нѣтъ!

6.

О ты, играющій съ пріятностью на лирѣ!
Я къ чаю жду тебя сегодня въ семь часовъ,
А завтра мы съ тобой обѣдаемъ въ трактирѣ:
Мой милый кумъ, ты будь готовъ!
Я льщусь надеждою, что нашъ Люблинскій житель
Оставитъ для друзей прекрасную обитель
И ровно въ три часа прискачетъ въ людный садъ:
Съ любезными я быть вездѣ душою радъ.

7.

За Дамскій я Журналь тебя благодарю;
Любя твой вкусъ, талантъ, любя тебя сердечно,
Я твой подпичникъ вѣчно;
Но съ сожалѣніемъ, кумъ милый, говорю:
Ты, вѣрно, позабылъ, что завтра, въ понедѣльникъ,
Здѣсь на Руси сочельникъ.
Я въ этотъ день пощусь, скоромнаго не ѣмъ,
И на столѣ моемъ
Нѣтъ ни говядины, ни курицы, ни утки,
А щуки, караси, — и на такой обѣдъ
Собрата приглашать желанья, право, нѣтъ.
Итакъ, оставя все, и болтовство, и шутки,
Прошу я въ среду пожаловать ко мнѣ;
Обрадуешь пустытника собою,
Любящаго тебя и сердцемъ, и душою,
И преданнаго въ вѣкъ, любезный кумъ, тебѣ.

8.

Къ обѣду я вчера тебя, кумъ милый, ждалъ;
Тѣмъ болѣе, что ты журнала не прислалъ;
Я думалъ, что его ты привезешь съ собою;

Приборъ твой на столѣ стоялъ,
Но, видно, ты къ другимъ былъ увлеченъ судьбою!
Я дома всякій день, я боленъ и забытъ,

А выѣзжать еще не смѣю.
Терпѣніе — мой врачъ мнѣ часто говоритъ;
И, слава Богу, я давно терпѣть умѣю.
Пришли мнѣ свой журналъ и къ куму пріѣзжай —

Сегодня, завтра, или въ субботу,
Когда оставишь ты газетную работу.
Я радъ всегда душой! И щи. и коровой
Для милаго готовы.
Пріятель твой старинный, а не новый!

9.

Хоть я и не большой прислужникъ нынѣ моды,
Но минеральныя глотать я началъ воды;
Не знаю, будетъ-ли мнѣ польза отъ того?

Увидимъ. На обѣдъ я кума своего

Сегодня приглашаю;
А завтра на прухахъ
Порхать, какъ бабочка, онъ будетъ на цвѣтахъ.
Я къ тремъ часамъ тебя, любезный, ожидаю.

10.

О ты, котораго люблю я всей душой!
Сегодня въ шесть часовъ увижусь я съ тобою;
Бумагу привезу, горячаго наньюсь,
Потомъ въ Кремлевскій садъ съ тобою я пуцуюсь,
Иль поглазѣемъ мы на вашемъ бульварѣ.
Смотри-же, въ семь часовъ некись о самоварѣ!

11.

Вотъ, милый кумъ, процентовъ сто рублей,
А за журналъ еще рублей не присылаю;
Какъ рыба бьюсь объ ледъ; однакожь уповаю,
Что скоро получу изъ вотчины моей

И денегъ, и гусей.
Тебя-жъ я къ трапезѣ сегодня ожидаю.

12.

Сегодня у меня литературный ужинъ;
Къ обѣду не зову, а вечеромъ ты пужень.

Съ тобой знакомымъ быть желаетъ нашъ баронъ, (*)
И В(яземск)ій готовъ всёмъ сердцемъ примириться:
    Не знаетъ злобы онъ.
    А ежели случится,
    Что будетъ П(олев)ой,
Не убѣгай его, о кумъ любезный мой!
    Въ моемъ дому все будетъ ладно.
Откажешь, — будетъ мнѣ прискорбно и досадно.

13.

Опять, мой другъ, опять страданья!
Исполнить не могу сердечнаго желанья:
    Пекинскій нектаръ нить съ тобою,
Всю ночь не спалъ отъ боли несказанной
    И принужденъ сидѣть въ Басманной
    Съ поникшей головою.
Съ тобой бесѣдовать пріятно мнѣ стихами,
Но, чуръ, стиховъ моихъ въ печать не отдавать!
    Къ чему холоднымъ людямъ знать,
    Что происходитъ между нами?
Мы шутимъ, другъ друга любя,
И я пишу лишь только для тебя,
    Совсѣмъ не для судей холодныхъ,
Критиковать всегда готовыхъ и способныхъ.
Прости, не забывай больного своего!
Онъ радъ тебѣ душой, онъ твой: люби его!

14.

Не можешь ли, любезный кумъ,
    Оставить кучу думъ,
    Заботъ газетныхъ и журнальныхъ,
Веселыхъ по часамъ, а иногда печальныхъ,
    Ко мнѣ пріѣхать на обѣдъ?
    Не говори мнѣ слова: нѣтъ!
    Явись и будь со мною!
Съ любовью встрѣчу я, возрадуюсь душою.

15.

Въ день именинъ тебя, кумъ милый, поздравляю
    И, разумѣется, желаю
Отъ сердца и души тебѣ счастливыхъ дней.
    Пріятною бесѣдою твоей
    Ужо пріѣду наслаждаться,
    И съ Маргариточкой моею;

(*) Баронъ Дельвицъ.

И очень можетъ статья,
Что съ вами на бульваръ отправилюсь я гулять.
Въ седьмомъ часу меня изволь, любезный, ждать.

16.

На милое письмо я отвѣчать спѣшу:
Посланье напишу
И въ скорости его доставлю;
Еще, любезный кумъ, прибавлю,
Что въ пятницу у васъ обѣдать я готовъ,
Но только въ этотъ день Алишки именины;
Скажу безъ лишнихъ словъ:
Боюсь такой причины;
Но, кажется, сестрой я буду отпущенъ:
Алишки нѣтъ въ Москвѣ; мнѣ отлучиться можно
И съ тѣмъ бесѣдовать, люблю кого не ложно;
Иначе буду я, конечно, огорченъ.
Но, нѣтъ, надежда есть, что гость я буду вѣрный,
Покорнѣйшій слуга и другъ нелицемѣрный.

17.

О ты, съ которымъ я въ столь дружеской связи,
Мой милый! Окажи услугу:
Обѣдать пріѣзжай къ товаришу и другу,
И Вѣтника съ собой Европы привези;
Не худо притащить «Бомбайца» удалого;
Еще кого-нибудь другого,
Хоть, напримѣръ, извѣстнаго «Лгуна».
Въ деревнѣ живучи, со всѣми я разстался,
И надѣла мнѣ она;
Отъ клуба нашего я также отказался:
Въ уединеніи подагрикъ долженъ быть
И въ дружбѣ лишь одной отраду находить.

18.

Увы, мой другъ! Подагрою страдаю;
И къ огорченью моему
Нельзя уже пріѣхать къ чаю
И посѣтить моихъ и кума, и куму!
Досадно! Такъ и быть! Помочь тому невозможно:
Съ подагрою въ морозъ скакать неосторожно.
Съ слезами на глазахъ о томъ тебѣ пишу;
Ты, вѣрно, обо мнѣ, любезный, пожалѣешь:
Я знаю, ты любить умѣешь.
Твой преданный, пока еще дышу.

19.

Желая избѣжать и крика, и содома,
Сегодня, милый кумъ, обѣдаю я дома;
Съ сотрудникомъ твоимъ зову тебя къ себѣ.

Не откажите мнѣ,
И въ три часа къ обѣду вы явитесь,
А за стихи мои дурные не сердитесь.

20.

Не можно-ль, милый другъ, оставя всея заботы
И Цицианова, въ день завтрашней субботы

Откушать у меня?

Я нездоровъ; зову тебя
Съ сердечною любовью,

И въ этомъ подпишусь я кровью.
Пришли мнѣ свой журналъ, любезнѣйшій поэтъ!
У кума твоего девятой книжки иѣтъ.

21

Любезный кумъ, я не бездѣльникъ,
Но видѣться съ тобой сегодня не могу;
Сижу, повѣся носъ; невольный я отшельникъ;
Боль страшная въ спиинѣ, въ колѣнахъ; ей, не лгу!
Къ тому-жъ и дождь, и вихрь, и мокрая погода!

И для здороваго народа

Она несносна, тяжела;

Проклятая-жъ болѣзнь всея силы отняла.
Гдѣ бодрость прежняя? Гдѣ юность и веселье?

Осталось сердце лишь со мной!

Ахъ, скоро быть на новосельѣ

Назначено судьбой!

22.

Любезнѣйшій собратъ, мы завтра въ пять часовъ
Въ Остафьево поскачемъ къ другу,
Поэту милому, счастливому супругу,
Который насъ принять душою всея готовъ.

Я самъ заѣду за тобою,

И удовольствіе я тѣмъ свое удвою.

23.

Вотъ, князь любезнѣйшій, и дрожки за тобою:
Прошу пожаловать на скромный мой обѣдъ:
Супъ съ жирной гурицей, съ полдюжины котлетъ,
Жаркое, кашница... вотъ нынѣшней порою

Чѣмъ потчивать тебя могу:

Я эгоистъ — твое здоровье берегу.

24.

Итакъ, я завтра, въ среду,
 Жду къ скромному обѣду
 М(акаро)ва съ тобой.
 Радъ буду вамъ душой;
 А Г(лѣбовы)хъ не смѣю,
 Какъ васъ, любезныхъ, ждать:
 Надежды не имѣю
 Ихъ встрѣтить и обнять;
 Я, ихъ любя сердечно,
 Нерѣдко приглашалъ;
 Но, ахъ! все тщетно ждалъ:
 Имъ недосужно вѣчно.

А я, когда здоровъ,
 Быть въ домѣ ихъ готовъ.
 Итакъ, я завтра, въ среду,
 Безъ околичныхъ словъ,
 Ждать буду васъ къ обѣду.
 Нельзя-ль въ числѣ гостей,
 Чтобъ былъ сотрудникъ милый
 Газетъ, Вѣдомостей?
 Старайся всею силою,
 Кумъ и товарищъ милый,
 Привезть его съ собой.
 Слуга покорный твой.

25.

Хоть я теперь пощусь, говѣю,
 Однако-жъ не грѣшно бесѣдовать съ тобой.
 Двухъ книжекъ «Дамскаго Журнала» не имѣю:
 Пришли ихъ мнѣ, любезный мой!
 Я все, къ несчастію, въ недугѣ,
 Ногами двигаю едва;
 То грудь болитъ, то голова;
 Но, право, всякій часъ я думаю о другѣ,
 Люблю его и сердцемъ, и душой,
 Люблю чистосердечно;
 И будь увѣренъ, что я вѣчно
 Преданнѣйшій емь твой.

26.

Вотъ деньги куму за журналъ. Тутъ и подагра на бѣду.
 Вчера я ихъ не посылаю;
 Но завтра я къ обѣду жду
 Поистинѣ, не можно было:
 Тебя, собрата дорогого.
 Одинъ мой кучеръ занемогъ,
 Пришли журналъ мнѣ Полевого,
 Другой былъ пьянъ, ходить не могъ;
 И «Атеней» хочу прочесть:
 Все это голову вскружило;
 Въ нихъ доброе, быть можетъ, есть.

27.

Любезный, милый кумъ, не въ понедѣльникъ, въ среду,
 Зову тебя къ обѣду.
 Мнѣ завтра грозный врачъ микстуру предписалъ,
 Искоренить мою подагру онъ желая;
 Увижу, будетъ ли отрада мнѣ какая?
 Давно ее, увы! въ глаза я не видалъ.
 Пора мнѣ отдохнуть отъ скуки и страданья!..
 Прости, товарищъ, до свиданья!

28.

Кумъ милый, дорогой! Возьмешь ты быстрый свой полет.
Когда увижусь я съ тобой? Я радъ тебѣ вечапно.
Сегодня, какъ извѣстно мнѣ, Я дома. Охаю, вздыхаю
Обѣдаешь ты въ Тишинѣ И злой подагрою страдаю,
И кушаешь прекрасно; Но съ другомъ быть всегда
Когда-жъ на скромный мой обѣдъ желаю.

29.

Какая, милый, мнѣ услуга!
Благодарю врача, благодарю и друга!
Миронъ мой будетъ живъ!
Я не краспорѣчивъ,
Но одолженія въ вѣкъ чувствовать умѣю,
И истинно твоимъ себя назвать я смѣю.

30.

Мой милый кумъ, я боленъ
И истинно своей судьбою недоволенъ.
Ты завтра, въ пятницу, обѣдать приѣзжай:
Утѣшь отшельника больного!
Сегодня-жъ мнѣ журналъ пригнанный присылай
И напиши къ моей отрадѣ хоть два слова.

31.

Нельзя-ль, любезный, вечеркомъ
Пожаловать къ больному?
Я напою тебя чайкомъ
И буду радъ душой, какъ истинно родному.
Подагра лютая отъ ногъ не отстаетъ:
Ни днемъ, ни ночью мнѣ покоя не даетъ;
Скорблю и изнываю,
Но видѣть милаго собрата я желаю.

32.

Здорово, именинникъ мой!
Любя тебя сердечно,
Желаю, чтобъ съ тобой
Веселье жило вѣчно;
Чтобы въ кругу твоихъ друзей,
Съ супругой иждивою своей
И съ милыми дѣтьми ты жизнью наслаждался;
Чтобъ въ вѣкъ печалей ты не зналъ,
И чтобъ пріятный твой журналъ
Всѣхъ больше Вѣстниковъ въ столпцѣ раздавался.

33.

Хочу я у тебя, любезный мой собратъ,
На этихъ дняхъ напиться чаю;
Я дня не назначаю,
Но ты мнѣ будешь радъ:
Я это очень знаю.

Проценты отъ меня ты долженъ получать,
Но я прошу дней семь, или восемь подождать:
Я жду изъ вотчины оброка;
Доселѣ получалъ его я прежде срока,
А въ нынѣшнемъ году
Все измѣнилось на бѣду.
Твой милый гость пріятное далъ слово
Ко мнѣ пожаловать съ тобой.
Назначьте депъ. Я всею радъ душой
Принять пріятелей, и будетъ все готово:
И сердце, и вино:
Бесѣду веселить оно.

34.

Сегодня праздниъ Катини именины,
Зову я кума на обѣдъ;
Направь ты къ другу своей полеть,
А завтра буду я обѣдать у кузины;
Мнѣ врачъ позволилъ выѣзжать,
Но только понемногу;
Итакъ, пускаюсь я въ дорогу;
На долго-ли—не смѣю я сказать.
Надѣюсь милаго я въ три часа
Обпять.

35.

Кума-друга поздравляю;
Счастья, радостей желаю
И тебѣ, и всеѣмъ твоимъ.
Богомъ будь всегда хранимъ!

Въ семь часовъ я буду къ чаю;
Жди меня, любезный мой!
Побесѣду съ тобой.

36.

Любезный кумъ, я боленъ
И лютую судьбой своею недоволенъ;
Я муху шпанекую поставитъ принужденъ:
Въ плечо стрѣляетъ, въ шею;
Для мукъ я, видно, сотворенъ:
Ни днемъ, ни ночью я покоя не имѣю.
Что дѣлать! Такъ и быть! Терплю и не ропщу
И въ чтеніи себѣ отрады я ищу:
Еще душой я къ музамъ пламенѣю.
Пришли-жь мнѣ свой журналъ, вздохни и пожалѣй
Объ участи моеи!

37.

Намѣсто С(опцеры)хъ тебя прошу я въ среду
Пожаловать къ обѣду;
А завтра, милый кумъ, глотаю я ревень.
Я боленъ, испытываю,
Пишу въ страданьяхъ дребедень,
Но отъ души тебя и сердца обнимаю.

38.

Въ среду кума ожидаю	Позабуду все страданья
И любезнѣйшихъ гостей;	И подагру, и бѣды.
Къ сердцу васъ прижать желаю	Руку, милый! До свиданья!
Въ скромной хижинѣ моей.	До веселой середи!

39.

Не въ пятницу, а завтра, въ среду,
Я жду тебя къ обѣду;
К(урбато)вы хотятъ больного посѣтить;
Тебѣ пріятно съ ними быть,
Я это очень знаю;
И для того тебя, кумъ милый, приглашаю.

40.

Индѣкь, каплуновъ и утокъ посылаю:
Ты на здоровье кушай ихъ;
И денегъ, милый кумъ, я скоро ожидаю:
Гласъ совѣсти во мнѣ, конечно, не затихъ;
Все заплачу, какъ должно.
Душою преданный тебѣ всегда несложно.

41.

Итакъ, любезнѣйшій поэтъ, Любя тебя я всею душою;
Вновь буду въ кумовствѣ съ тобою! Скажу безъ дальнихъ словъ,
Тебѣ отказа вѣрно нѣтъ, Что я на все готовъ.

42.

Нельзя-ль, любезнѣйшій собратъ, Васъ покормить и васъ послушать,
Пожаловать откушать! А я въ подагрѣ и кричу,
Душой и сердцемъ буду радъ Но съ милымъ кумомъ быть хочу.

43.

Нашъ Лафонтенъ не будетъ за тобою.
Вотъ дрожки, милый другъ, садись и пріѣзжай!
Обѣда славнаго никакъ не ожидай;
Но вѣрь, что радъ тебѣ и сердцемъ, и душою.

44.

Вотъ, милый нашъ поэтъ, Зоветъ насъ перенлетчикъ,
На балъ тебѣ билетъ; Я за тебя отвѣтчикъ,

И въ восемь ты часовъ,
Пожалуй, будь готовъ;
Я за тобой заѣду
И пустимся въ бесѣду.
Не скучно будетъ намъ!
Ты, кумъ, увидишь тамъ

Супругу молодую,
Красавицу прямую,
Въ осьмнадцать ровно лѣтъ:
И славный, модный свѣтъ,
Я молвить, право, смѣю,
Украшлася бы ею.

45.

Любезнѣйшій мой кумъ,
Куда дѣвался умъ,
Что ты меня оставилъ
И тѣмъ болѣзни мнѣ прибавилъ?
Обѣдать завтра пріѣзжай,

Не откажи и точно знай,
Что твой собратъ всегда доволенъ,
Когда бесѣдуешь ты съ нимъ;
Онъ забываетъ, что онъ боленъ,
Одушевляемый присутствіемъ твоимъ.

46.

Нельзя-ли завтра, въ среду,
Явиться къ моему обѣду,
Кумъ дорогой?
Скучаю, что давно не вижуся съ тобой.
Что дѣласть кума? Что дѣласть мой крестникъ?
Будь завтра добрый вѣстникъ.

47.

Ѣдемъ, Ѣдемъ, кумъ мой милый! Намъ съ любовью ожидаетъ;
Я готовъ, подагрикъ хилый, Онъ тамъ счастье вкушаетъ
Ѣхать за-городъ съ тобой И достоинъ по всему:
Въ Люблино. Поэтъ-герой Чтобъ счастливилось ему.

48.

Вотъ, мой собратъ, тебѣ реестръ:
Прими по немъ гусей и утокъ;
Мнѣ это привезли изъ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ,
Куда, безъ всякихъ шутокъ,
Поѣдемъ лѣтомъ мы съ тобой.
Прошу принять подарокъ мой
И кушать съ милою кумою.
Въ четвергъ увижусь я съ тобою.

49.

Вотъ, милый кумъ, подарокъ отъ меня:
Я общанье исполняю
И добраго тебѣ коня
Съ усердьемъ посылаю.
Хотя бездѣлицей пріятно мнѣ дарить;
Пріятно мнѣ тебѣ подчасъ полезнымъ быть.

50.

Мнѣ завтра, въ пятницу, въ Соколышки пуститься
Никакъ не можно, кумь-собрать!
Въ субботу я твой гость и всей душою радъ
Бесѣдою твоей пріятной насладиться.

Пріѣду въ шесть часовъ.
Итакъ, безъ лишнихъ словъ,
Остави всея заботы,
Мы будемъ ждать субботы.

51.

Хотя сегодня понедѣльникъ,
По сжался надо мной: обѣдать пріѣзжай!
Контору скучную, газеты оставляй!
Собрату будетъ радъ подагрикъ и отшельникъ.

52.

Нельзя-ль сегодня, безъ чиновъ,
Откушать у собрата?
Я въ одиночествѣ скорблю и нездоровъ;
Приходить худо мнѣ отъ Крона-супостата.
Я жду тебя, мой милый кумъ!
Съ тобою освѣжится умъ,
И сердцу будетъ веселѣе.
Не откажи бесѣдовать со мной:
И мой обѣдъ простой
Покажется вкуснѣе!

53.

Обремененный кумъ газетною заботой,
Пожертвуй мнѣ субботой!
У Циціанова почтеннаго не будь
И къ трапезѣ моей направь свой борзый путь.
Измайловъ, нашъ собратъ, обѣдать будетъ съ нами,
И съ В(яземски)мъ я жду тебя.
Скажи ему о томъ иль прозой, иль стихами;
Обоимъ буду радъ, сердечно васъ любя.

54.

Нельзя-ли завтра, въ среду,
Пріѣхать къ моему, любезный кумъ, обѣду?
Илью Иваныча (*) съ собою пригласить;
Я не былъ у него; но лѣзя-ль не извинить
Того, который вѣчно боленъ?
Отмѣнно буду я доволенъ,

(*) Въмѣсто Ивановича: *licentia poetica. Соч.*

Когда исполнить онъ желаніе мое.
Въ тебѣ-жъ не сомнѣваюсь:
Пріѣдешь ты ко мнѣ, надеждою ласкаюсь,
Извѣстно сердце мнѣ твое.

55.

Завтра, въ среду,	Все готово:
Ты къ обѣду,	Вороны,
Другъ, явись!	Удалые
Въ легки дрожки,	Прилетятъ!...
Склавши пожки,	Отъ поэта
Ты садись!	Ждетъ отвѣта
Только слово —	Твой собрать.

56.

Любезный кумъ, товарищъ милый,
Тебя зоветь подагрикъ хилый
На скромный свой обѣдъ.
Надѣюсь— мнѣ отказа нѣтъ;
И завтра, въ пятницу, конечно,
Исполнишь друга ты желаніе сердечно.

57.

Я боленъ, милый кумъ, и никуда не ѣду;
Прошу пожаловать къ обѣду;
Кузень мнѣ посѣщать въ другой придется разъ;
Я буду ждать тебя въ обыкновенный часъ.

58.

Что вижу? Стражъ почной, могучею рукою
Схвативъ дочеръ Вакхову, на стѣзжую помчалъ.
Ни перси нѣжныя, ни щекъ ея кораллъ,
Ни черные волосы— надъ хладною душою
Ничто не дѣйствуетъ! Онъ скачетъ на конѣ
И высѣчетъ ее, какъ минтея мнѣ.

59.

Вотъ, милый кумъ, процентовъ сто рублей,
Да тридцать пять еще за твой журналъ пріятный
По дружбѣ искренней твоей
Ты извинишь, что я платилъ неаккуратно;
Не будетъ этого впередъ!
Прошу сегодня на обѣдъ,
И привези ко мнѣ М(акаро)ва съ собою;
Я боленъ, но гостямъ любезнымъ радъ душою.

60.

Нѣтъ надежды, другъ мой милой, Я поэтъ здоровьемъ хилой;
Ѣхать завтра въ Люблино. Мнѣ судьбою суждено

Взаперти сидѣть въ ненастьѣ,
Думу думать и скучать.
Быть здоровымъ—вотъ и счастье!
Кто здоровъ, тотъ ликовать
Можетъ здѣсь и безъ наслѣдства.
Что мнѣ въ немъ, когда нѣтъ средства
Съ другомъ кубокъ осушать?
23-го іюня.

Именинницамъ почтенье
И отъ сердца поздравленья;
Генерала обойми.
Мыслилъ съ добрыми людьми
Пировать. Не тутъ-то было!
Что-то сердце приуныло,
Плохо жить приходится мнѣ.
Веселся въ Люблинѣ!

61.

Что дѣлать, милый кумъ! Страдалецъ я на свѣтѣ,
И выѣхать нельзя мнѣ даже и въ каретѣ.

Ходить я не могу
И плачу, истинно не лгу,
Что вечеромъ не буду съ вами,
Моими добрыми друзьями;
Что не увижуся съ прелестною кумой,
Которую я чту душой

И очень рѣдко вижу.
На этихъ дняхъ я повстрѣчался съ ней;
И что-же? Къ горести моей,
Ее за вистъ (а вистъ, ты знаешь, ненавижу)
Изволила хозяйка посадить.
Сегодня думалъ съ нею быть:
Проклятая болѣзнь веселія лишаетъ.
Твой кумъ горюетъ, унываетъ;
О немъ, любезный, пожалѣй
И будь увѣреннымъ въ преданности моей.

62.

Нельзя-ли, милый кумъ, газетамъ поклонясь,
Сегодня у меня съ товарищемъ *) откушать?
Обоихъ я хочу и видѣть, и послушать,
А выѣхать боюсь. Какая сырость, грязь!
Какая для меня несносная погода!
Моя-жъ болѣзнь такого рода,
Что долженъ взаперти сидѣть, повѣся носъ.
Пошли, о Боже, намъ морозы!
Тогда и я возьму отвагу
И, заложивъ свою четверкой колымагу,
Пушусь по улицамъ скакать,
Пріятели, родныхъ, любезныхъ навѣщать,
Благодарить за посѣщенье.

*) Разумѣется, съ любезнымъ Александромъ Дмитріевичемъ Курбатовымъ.

Дождемся скоро мы зимы и красныхъ дней!
Покажьтесь посижу въ каморкѣ я мой...
Терпѣнѣе, милые, терпѣнѣе!

14-го ноября.

63.

Пельзля-ли, милый князь, оставить вамъ газеты?
Бо мнѣ собираются любимцы музъ—поэты,
И завтра васъ прошу на скромный мой обѣдъ.
Неужли скажете вы къ огорченью: нѣтъ?
Неужли въ четвертокъ вамъ должно быть въ конторѣ
И не участвовать въ пріятномъ разговорѣ?
Оставьте ложь. Прощу и ожидаю васъ,
А я подагрою страдаю всякій часъ.

ПРОЗА.

I.

О К А Р У С Е Л Я Х Ъ.

Благородному московскому обоюго пола сословію посвящаетъ капелерскаго карусельнаго собранія членъ Василій Пушкинъ. *Un jour, ces souvenirs auront pour nous des charmes. L'abbé Delille, traduction de*

l'Enéide, livre 1-er.

Карусели имѣютъ древнѣйшее происхожденіе. Тертуліанъ *) утверждастъ, что богиня Цирцея была изобрѣтательницею каруселей, и что она учредила ихъ въ честь Солнца, отца своего. Отъ того самаго иные думаютъ, что слово карусель происходитъ отъ *carrus solis* или *carro del sole*. Вѣроятноже всего, что карусели получили свое названіе отъ колесницъ, въ сихъ рыцарскихъ упражненіяхъ употребляемыхъ.

Карусели напоминаютъ намъ о прежде бывшихъ рыцарскихъ играхъ и поединкахъ. Французы, Англичане и Нѣмцы спорятъ между собою объ учрежденіи такъ называемыхъ турнировъ (*tournois*) и опредѣляютъ оное въ девятомъ вѣкѣ.

Древніе остатки народныхъ богатырскихъ пѣсней и сказокъ доказываютъ, что въ Россіи, также какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, такія игры и поединки существовали, и также господствовала система странствующихъ рыцарей. Вступаящимъ въ сіе званіе предлагаемы были три статьи. Рыцари клятвенно ихъ сохранять обязывались.

---

*) Известный писатель (Quintus Septimius Florens Tertulianus), родившійся въ Африкѣ, въ Карфагенѣ, принявшій христіанскую вѣру въ царствованіе императора Северія и прославившійся своимъ краснорѣчіемъ.

1) Никогда не отступать отъ добродѣтели. Преступникъ, недостойный милости Всемогущаго, лишается спокойствія душевнаго, лишается и способности къ великимъ подвигамъ.

2) Видя слабога, притѣняемаго сильнѣйшимъ, не оставлять безъ защищенія. Не помогающій ближнему не можетъ и самъ ожидать помощи.

3) Покровительствовать всегда беззащитнымъ женщинамъ, находящимся въ гоненіяхъ и напастьяхъ. Любовь умягчаетъ нравъ ратоборцевъ, могущій легко въ звѣрство обратиться.

Руководствуемые сими правилами витязи за честь себѣ вмѣняли показывать неправедныхъ и защищать слабыхъ. Насилія вельможъ, разбои и опустошенія отъ злонамѣренныхъ враговъ около 996 года при владѣннн великаго князя Владиміра Святославича, по всей Россіи распространявшіяся, заставляютъ предполагать, что онъ былъ первымъ учредителемъ рыцарскаго богатырскаго въ Россіи ордена: ибо по лѣтописямъ ни при которомъ государѣ не упоминается столько о ратоборцахъ, необычайною силою одаренныхъ. Въ дошедшихъ до насъ чрезъ изустныя преданія сказкахъ и донынѣ многіе изъ нихъ поименно прославляются. Вскорѣ сіи рыцари пресѣченныя для путешествующихъ по Россіи дороги сдѣлали опять безопасными и кроющіяся въ лѣсахъ и вертепахъ скопища злодѣевъ истребили. Къ молвѣ, разнесшейся повсюду о силѣ и отважности ихъ, по тогдашнему образу мыслей, примѣнялись чудесности духовъ, которые защитникамъ невинности благоприятствовали, и мнимое сверхъестественное могущество рыцарей распространило спасительный страхъ на всѣхъ обидчиковъ и утѣснителей.

Писатели византійской исторіи увѣряютъ, что восточные народы переняли у Французовъ искусство въ ратоборствѣ, и пѣкій иностранннй историкъ называетъ турниры поединками французскими. Намъ извѣстно только то, что Россія почти въ то же самое время, какъ начались турниры въ прочихъ европейскихъ государствахъ, то есть, въ девятомъ вѣкѣ, славилась также своими храбрыми витязями и могущими богатырями.

Мы читаемъ въ лѣтописяхъ, что въ 993 году, во время царствованія равноапостольнаго князя Владиміра, на берегу рѣки Трубежа, былъ славннй поединокъ между исполиномъ печенѣгскимъ и сильннмъ богатыремъ русскимъ Яномъ Усмовичемъ, который, схвативъ Печенѣга, приподнялъ его, ударилъ объ землю и повергъ мертва. Отъ сего поединка зависѣла участь Русскія земли. Побѣдитель, вооружася потомъ палицею, вмѣстѣ съ Владиміромъ на ужаснувшихся Печенѣговъ наступилъ. Робостью объятые полки супостатовъ побѣжали, а Россіяне, въ торжествѣ преслѣдуя ихъ, покрыли поля множествомъ убіенныхъ.

Въ самомъ началѣ турнировъ женщины не присутствовали при сихъ военныхъ увеселеніяхъ; но любовь къ славѣ искоренила въ сердцахъ ихъ врожденную робость, и онѣ потомъ брали въ оныхъ величайшее участіе.

Всѣ подвиги рыцарей были посвящены женскому полу. Каждый рыцарь носилъ любимый цвѣтъ своей красавицы, украшалъ щитъ свой ея именемъ, шлемъ—шитымъ ею покрываломъ, коньѣ—получепною отъ нея лентою или ожерельемъ; любовь, честь и слава были истинныя добродѣтели рыцарей, а поцѣлуй, данный красавицею побѣдителю, былъ величайшая для него награда.

Въ 1559 году, Генрихъ II, король французскій, потерялъ жизнь въ турнирѣ, и Французы, пораженные такимъ несчастіемъ, прекратили сіи опасныя увеселенія. Однако-жъ, годъ спустя послѣ кончины сего молодого государя, былъ въ Орлеанѣ послѣдній турниръ, на которомъ принцъ крови, Генрихъ Бурбонъ-Монпансье, упавъ съ лошади, умеръ. Духъ рыцарства исчезъ съ прекращеніемъ сихъ рыцарскихъ поединковъ, и мы видимъ только слабые остатки оного въ учрежденныхъ потомъ каруселяхъ.

Людовикъ XIV, король французскій, государь, любившій пышность и забавы, во время даннаго имъ каруселя въ 1661 году, самъ былъ начальникомъ римской кадрили. Праздникъ сей былъ, какъ сказываютъ, великолѣпнѣйшій, и на немъ присутствовали пріѣхавшіе тогда парочю въ Парижъ иностранные принцы и вельможи.

Въ 1750 году, въ Берлинѣ, братья Фридриха Второго показывали въ карусели свое искусство и проворство; но славнѣйшій изъ каруселей былъ данъ въ Россіи въ 1766 году, при началѣ царствованія блаженныя памяти Екатерины Великія. Четыре были кадрили: славянская, римская, индѣйская и турецкая.

Государыня была одѣта по-славянски. Она любила славу и народъ русскій. Одѣяніе рыцарей и дамъ было великолѣпнѣйшее. Казалось, что на случай сего торжественнаго праздника, алмазы всѣхъ четырехъ частей свѣта были собраны и привезены въ Россію. Украшенный сѣдинами фельдмаршалъ графъ Минихъ былъ главнымъ судьей рыцарей. По окончаніи ристаній и при раздаваніи преисовъ, сей достопочтенный мужъ произнесъ трогательную рѣчь, въ которой изобразилъ милости великія монархини и блаженство ея подданныхъ. «Извѣстно всѣмъ», такъ говорилъ онъ, «что не проходилъ одинъ день, который бы не показалъ знака материнскихъ попеченій пашей всемилостивѣйшей императрицы о возвышеніи славы ея имперіи, о благополучіи всѣхъ вообще ея подданныхъ и о умноженіи знаменитостъ, особливо всѣхъ благородно рожденныхъ». Потомъ, описавъ великолѣпіе каруселя и подвиги рыцарей, графъ Минихъ окончилъ рѣчь своими словами: «Что до меня принад-

ложитъ», сказалъ онъ, «то въ старости и сѣдинѣ моей, чрезъ шестьдесятъ и пять лѣтъ, подъ бременемъ службы, безъ сомнѣнія, нахожу себя древнимъ солдатомъ и старѣйшимъ въ Европѣ фельд-маршаломъ. Послѣ того, какъ я имѣлъ честь не единожды приводить россійскую армію къ побѣдамъ, за особенное почитаю себя воздаяніе и тѣмъ славлюся, знаменитыя дамы и кавалеры, что въ сей день не только я свидѣтель, но еще и главный судія вашихъ благородныхъ подвиговъ».

Лирикъ Петровъ, извѣстный по стихотвореніямъ своимъ, подпесъ императрицѣ оду, въ которой онъ воспѣлъ рыцарскія игры и блескъ двора Россійскаго. Нѣкоторыя строфы, здѣсь прилагаемыя, послужатъ къ удовлетворенію любопытства читателей.

Уборомъ дорогимъ покрыты,
Даютъ махъ кони гривъ на вѣтръ;
Бразды ихъ пѣною облиты,
Встаетъ прахъ вихремъ изъ-подъ бедръ;
На нихъ подвижники избранны
Несутся въ путь пескомъ устланной,
И кровь въ предсердіи кипитъ;
Душевный даръ изнесть на внѣшность,
Живитъ нетрепетну посѣшность,
Ихъ честь, ихъ царскій взоръ крѣпитъ.

Но что за красоты сіяютъ
Съ гремищихъ верха колесницъ,
Что рукъ искусствомъ превышаютъ
Діану и ея стрѣлицъ?
Не храбрыя-ль спартански дѣвы,
Презрѣвъ, хотятъ ихъ гнать по мхамъ?
Народныя россійски дщери,
Въ дозволенны вшедь чести двери,
Оспорить тщатся лавръ мужамъ.

Потомъ, описавъ каждаго начальника кадрилін особенно, поэтъ паконецъ восклицаетъ:

Такъ быстро воины Петровы
Скакали въ Марсовыхъ поляхъ,
Такія въ нихъ сердца орловы,
Такой чела и рукъ былъ взмахъ!
И легка членовъ преобратность,
Надъ мыслей дѣюща понятность,
Когда въ жару кровавыхъ сѣчь
Летали молніей по строю
И безошибочной рукою
Сжинали главы съ шведскихъ плечъ.
И се подвижнѣйшихъ героевъ
И дѣвъ побѣдоносный хоръ
Въ чертогъ вожди приемлютъ восвъ,
Судей избраннѣйшихъ соборъ.
Тамъ мужъ украшенъ сѣдиною
Той лавры раздаетъ рукою,
Изъ коей въ браняхъ громъ металлъ;

Луна отъ тѣхъ метаній тмилась,
Какъ прогивъ солнца ополчилась,
И понтъ волнъ черныхъ вострепелась.

Первый преісь изъ рыцарей получилъ римской кадрили полковникъ и унтеръ-штабмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ. Второй преісь получилъ турецкой кадрили подполковникъ кирасирскаго полку князь Иванъ Андреевичъ Шаховской. Третій преісь получилъ римской же кадрили конной гвардіи ротмистръ графъ Штейнбокъ. Изъ дамъ: первый преісь—ея сіятельство графиня Наталья Петровна Червышева, нынѣ вдовствующая княгиня Голицына, штатсъ-дама и ордена Св. Екатерины второго класса кавалерственная дама. Второй преісь—ея сіятельство графиня Екатерина Александровна Бутурлина, нынѣ штатсъ-дама и кавалерственная дама, супруга его сіятельства князя Юрія Володиміровича Долгорукова. Третій преісь—Анна Васильевна Лопухина.

Таковы были увеселенія Екатерины Великія! Внукъ ея, государь императоръ Александръ I, шествующій во всемъ по ея стопамъ, соизволилъ нынѣ на желаніе московскаго благороднаго общества дать публикѣ карусель, въ которомъ оно назначило учредителемъ его высокопревосходительство Степана Степановича Апраксина. Главнымъ же судьей рыцарскихъ подвиговъ нынѣ честь имѣемъ называть его сіятельство главнокомандующаго здѣшнею столицею фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича.

Въ 1784 году, во время главнаго начальства въ Москвѣ покойнаго генераль-фельдмаршала графа Захара Григорьевича Чернышева и подъ распоряженіемъ флигель-адъютанта ея императорскаго величества государыни Екатерины II генераль-маіора Ивана Николаевича Корсакова и генераль-маіора Степана Степановича Апраксина, былъ на Дѣвичьемъ полѣ довольно замѣчательный карусель. Преісы выиграли кавалеры: князь Александръ Сергѣевичъ Трубецкой, Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, Степанъ Степановичъ Апраксинъ и Василій Алексѣевичъ Хованскій.

Въ 1777 году, при королѣ шведскомъ Густавѣ III, былъ славный карусель въ Стокгольмѣ. Въ 1803 году, во время главнаго начальства въ Москвѣ покойнаго фельдмаршала графа Ивана Петровича Солтыкова, былъ также карусель подъ распоряженіемъ графа Ивана Петровича Солтыкова, князя Александра Θεодоровича Щербатова, князя Сергѣя Сергѣевича Голицына и Алексея Михайловича Пушкина. Преісы выиграли: графъ Петръ Ивановичъ Солтыковъ, Алексеѣй Михайловичъ Пушкинъ, князь Сергѣй Сергѣевичъ Голицынъ и графъ Варооломей Васильевичъ Толстой.

Нынѣшній карусель составляетъ изъ нижеслѣдующихъ особъ: Учредитель всего каруселя—Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Главный судья главнокомандующій графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Судьи: князь Юрій Володиміровичъ Долгорукой, Степанъ Степановичъ Апра-

князь, графъ Ѳеодоръ Васильевичъ Растопчинъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Бяратинскій, Николай Васильевичъ Обрѣсковъ, Ѳеодоръ Петровичъ Уваровъ, Василій Николаевичъ Чичеринъ, Александръ Алексѣевичъ Чеменскій. Главный церемонмейстеръ всего каруселя— князь Василій Алексѣевичъ Хованскій; старшій конный церемонмейстеръ— князь Александръ Ѳеодоровичъ Щербатовъ; старшій пѣшій церемонмейстеръ— графъ Петръ Ивановичъ Салтыковъ. Господа конные церемонмейстеры: князь Петръ Алексѣевичъ Хованскій, Николай Сергѣевичъ Солтыковъ, князь Александръ Сергѣевичъ Трубецкой, Аванасій Ивановичъ Юрасовъ. Господа пѣшіе церемонмейстеры: Саковнинъ, Бартеневъ, Гусятниковъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Одоевскій. Герольдмейстеръ: графъ Илья Андреевичъ Толстой. Гофмейстеръ: князь Дмитрій Евсеевичъ Циціановъ. Маршалъ каруселя: Алексѣй Александровичъ Пашковъ. При учредителѣ господа конные ассистенты: Вальцевъ, Масловъ, В. Войноловичъ, И. Войноловичъ, Лесли. Господа ассистенты главнаго церемонмейстера: Александръ Черновъ, Калининъ. Господа ассистенты гофмейстера: Степанъ Черновъ, Крыловъ. Господа ассистенты герольдмейстера: Грасъ, Протопоповъ. Главный секретарь: г. Ивановъ. Секретари: гг. Пенскій, Яковлевъ. 1-й военной кадрили шефъ: Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ. Господа кавалеры 1-й кадрили: князь Гагаринъ, Обрѣсковъ (адъютантъ генеральфельдмаршала), Мордвиновъ, Мерлинъ. 2-й кадрили шефъ: Сергѣй Ивановичъ Талбухинъ. Господа кавалеры 2-й кадрили: Нелединскій, князь Волконскій, Волковъ, Бехтѣевъ. 3-й кадрили шефъ: Дмитрій Николаевичъ Волховской. Господа кавалеры 3-й кадрили: графъ Апраксинъ, Валуевъ, князь Гагаринъ, графъ Апраксинъ. 4-й кадрили шефъ: Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій. Господа кавалеры 4-й кадрили: Шенелевъ, графъ Толстой, Демидовъ, Вишняковъ. Главный берейторъ при карусели: г. Шульцъ. Архитекторъ: г. Компорези.

Почетные члены, участвовавшіе въ заведеніи каруселя: графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чеменская, Екатерина Володиміровна Апраксина, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Валуевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Долгорукій, дѣйствительный тайный совѣтникъ Лунинъ, генераль-лейтенантъ Кноррингъ, генераль-лейтенантъ Брозинъ, генераль-лейтенантъ Гессе, сенаторъ князь Багратионъ, сенаторъ Барановъ, генераль-маіоръ Бахметевъ, генераль-маіоръ Мерлинъ, сенаторъ Левашовъ, генераль-лейтенантъ князь Шаховской, генераль-маіоръ графъ Гудовичъ, сенаторъ Нарышкинъ, генераль-маіоръ Позняковъ, сенаторъ Нелединскій, генераль-маіоръ графъ Разумовскій, тайный совѣтникъ Юшковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Демидовъ, полковникъ Дмитріевъ, бригадиръ Дурасовъ, генераль-маіоръ баронъ Корфъ, камеръ-юнкеръ князь Вяземскій, бригадиръ Псленевъ, Сергѣй Соковнинъ, Николай Масаловъ, Ѳеодоръ Масаловъ, Александръ Облязовъ.

II.

Любовь первого возраста.

Сказка на заданныя слова: *Простота, кораблекрушеніе, тертніе, для чего, равнодушіе, надежда, война, наступкомое, громъ, ручей, селеніе, ладья, торжество, обольщеніе.*

Вы желаете, милостивая государыня, чтобы я написалъ вамъ сказку, и мнѣ надобно повиноваться, ибо мнѣ пріятно исполнить волю вашу. Отъ васъ требую только не большого вниманія, а большого снисхожденія. Знаю, что вкусы различны: одни ищутъ въ сказкахъ правдоподобія и *простоты*, другіе любятъ чудесныя происшествія, привидѣнія, разбойниковъ, *кораблекрушеніе*, темницы и все, что заключаютъ въ себѣ плодовые романы г-жи Радклифъ.

Авторъ находится всегда въ большемъ затрудненіи, нежели читатель: если книга скучна, то онъ покидаетъ ее и беретъ другую, тогда какъ авторъ долженъ довести до конца то, что онъ началъ. Правда, что мы, бумагомаратели, какъ скоро потеряемъ *тертніе*, можемъ бросить въ огонь наше произведеніе, но отъ самолюбія ли, или по дѣйствию небеснаго наказанія, вмѣсто того, чтобы слѣдовать сей прекрасной методѣ, многіе писатели предають себя тишенію, и только для однихъ читателей остается удовольствіе торжественнаго всеожженія. Если сказка моя еще при началѣ будетъ имѣть несчастіе вамъ скучить, то позволяю вамъ сіе невинное удовольствіе, ибо въ лѣта ваши пріятна забава, а скука страшнѣе всего на свѣтѣ. Я начинаю. Пора, скажете вы мнѣ; но *для чего*, сударыня? Не столько ли же пріятно разговаривать съ вами, какъ и рассказывать вамъ сказки. Впрочемъ, то, что я расскажу вамъ, не сказка, но былъ, и которая до меня только какается.

Я былъ молодъ, любилъ, какъ и другіе, и въ первый разъ узналъ нѣжную склонность и сердечное влеченіе къ любезности и красотѣ женской. Я влюбился, какъ влюбляются въ молодости, то-есть, страстно. Я рѣдко видѣлъ Зюльмею (позвольте мнѣ дать ей это имя, ибо оно первое мнѣ представилось). Рѣдко видѣлъ, но видѣлъ довольно часто для того, чтобы ее боготворить и питать воображеніе тѣми прелестными мечтами, которыхъ скоро лишаемся и о которыхъ всегда сожалѣемъ.

Красавица не подозрѣвала моеѣ тайноѣ склонности. Веселая, рѣзвая, безпечная, она думала только о забавахъ своего возраста; ей было шестнадцать лѣтъ; и никогда не читая романовъ, не примѣчала ни моего смятенія, когда начиналъ говорить съ нею, ни унынія, которому предавался я въ ея присутствіи; и *равнодушіе* Зюльмеи ко мнѣ и другимъ молодымъ людямъ, ее окружавшимъ, происходило только отъ невиннаго и непорочнаго ея сердца. Иногда взгляды Зюльмеи поселялъ въ душѣ моеѣ *надежду*; но, увы! надежда недолго продолжалась, и другой взглядъ возвращалъ меня къ

неизвѣстности и печали. Молодой шестнадцатилѣтній челоуѣкъ всегда робокъ, и я не смѣлъ произнести слова любви передъ той, которую любилъ болѣе своей жизни. Нѣсколько разъ покушался выговорить его, но слово замирало на устахъ моихъ. Въ это время Русскіе вели войну со Шведами. Я ожидалъ офицерскаго чина и повелѣнія слѣдовать за арміею. Я не хотѣлъ разстаться съ Зюльмеєю, не открывъ ей любви своей; а между тѣмъ готовъ былъ уѣхать, не сказавъ ни одного слова. Каждый вечеръ безчисленное множество мыслей стекалось въ головѣ моей, и я, ложась въ постель, придумывалъ разговоръ съ Зюльмеєю, готовился говорить съ нею языкомъ сердечной нѣжности и, увидя ее, все забывалъ и только вздыхалъ и только взглядывалъ на нее въ то самое время, въ которое она всего менѣе о томъ думала, и когда взоры ея обращались въ противную сторону. Всего чаще встрѣчался я съ Зюльмеєю въ домѣ моего дяди, который чрезмѣрно любилъ меня. Онъ имѣлъ въ Москвѣ прекрасный домъ и садъ. (Вы угадываете, что Зюльмея была Москвитянка). Это было въ маѣ мѣсяцѣ. Въ одинъ вечеръ, когда мой дядя угощалъ у себя немногихъ пріятелей, я встрѣтился съ Зюльмеєю. Всѣ были въ саду. Старики и другіе гости пили чай на террасѣ, а молодые люди рѣзвились, и Зюльмея, живая Зюльмея, будучи рѣзвѣе всѣхъ подругъ своихъ, поймала прекрасную бабочку, которую всѣмъ показывала съ тайнымъ восхищеніемъ. «Ради Бога, пусти на волю бѣдпаго *насткомаго*», сказала Азема, дочь моего дяди:— «это—эмблема непостоянства, а непостоянство для меня ужасно». «А мнѣ кажется», воскликнула Зюльмея, «что бабочка—эмблема удовольствія». Эти слова, произнесенныя съ живостію, привели меня въ трепеть. Я видѣлъ въ Зюльмѣ защитницу непостоянства, сдѣлалъ невольное движеніе, которое она замѣтила, и въ первый разъ еще подошла ко мнѣ спросить, какая была причина моего движенія. «Не знаю, что со мною сдѣлалось», отвѣчалъ я, «но съ нѣкотораго времени не хорошо себя чувствую».— «Я это угадывала», вскричала Зюльмея: «нахожу, что вы печальны; я говорила о томъ Аземѣ; конечно, отъѣздъ огорчаетъ васъ?»— «Долгъ мой повелѣваетъ мнѣ явиться въ армію», отвѣчалъ я, потупивъ глаза въ землю; «съ радостію готовъ его выполнить; но возможно ли не огорчатся разлукою съ милыми для сердца людьми, и разлукою, можетъ быть, вѣчною».— «О, нѣтъ, мы еще увидимся», сказала съ жаромъ Зюльмея и скрылась какъ молнія. Азема, подслушавшая разговоръ нашъ, улыбалась, но я былъ внѣ себя; сердце мое сильно билось, щеки горѣли, и мнѣ казалось, что принятое во мнѣ участіе удовлетворяло всѣ мои желанія.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ. Едва миновалъ заставу и думалъ уже о моемъ возвращеніи, о прекрасномъ офицерскомъ мундирѣ, о крестикѣ св. Георгія, который надѣялся получить, и о томъ

впечатлѣніи, которое все это будетъ имѣть на сердце Зюльмен. Между тѣмъ въ угѣшительныхъ размышленіяхъ я и не примѣчалъ, какъ буря вокругъ меня свирѣпствовала. *Громъ* гремѣлъ надъ моею головою; молніи одна за другою сверкали; лошади, пугаясь, останавливались на каждомъ шагу, и камердинеръ мой, дрожа какъ листъ, кричалъ: «Мы погибли!» Вдругъ громовой ударъ раздробилъ древній дубъ за пятьдесятъ шаговъ отъ насъ, стоявшій передъ лѣсомъ. За нимъ послѣдовалъ проливной дождь; *ручьи* превратились въ потоки, и на бѣду переломилась ось у моей кибитки. Я принужденъ былъ тащиться пѣшкомъ до ближняго селенія. Оно стояло на берегу рѣки; надлежало переѣхать на другой берегъ. Къ счастью, нашелъ я перевозчика съ *лодкой*, а въ селеніи—недавно выстроенный опрятный домикъ и гостепріимнаго хозяина. Между тѣмъ, какъ сушилось мое платье, ибо меня насквозь промочило, я писалъ на стѣнѣ стихи и прозу въ честь Зюльмен. Увы! можетъ быть, время еще не изгладило сихъ выраженій пламенной души, которая въ первый разъ любила; время не могло переѣмнить ихъ; но тотъ, который писалъ ихъ съ такимъ удовольствіемъ, сдѣлался уже другимъ человѣкомъ. Двадцатилѣтнія печали измѣнили лицо мое и притупили мою чувствительность; и если сердце мое иногда пытается искрою чувства, то скоро печальный и холодный разсудокъ гаситъ ее и оставляетъ въ сердцѣ одни воспоминанія и сожалѣнія. Извините мое отступленіе. Иногда сказочники любятъ уклоняться отъ своего предмета, чтобы завести далѣе читателя, а мои размышленія сами собою миѣ предтаивались; они искренни и, слѣдственно, не могутъ быть излишними.

Когда буря утихла и починили мою кибитку, я отправился далѣе и въ три дни пріѣхалъ въ Петербургъ. Осенью заключенъ былъ миръ со Швеціею. Я получилъ чинъ гвардейскаго офицера; но, вмѣсто пріятной надежды возвратиться въ Москву, принялъ наложенную на меня должность, которая не позволяла мнѣ оставить полкъ свой. Великая Екатерина, которой все царствованіе было непрерывнымъ *торжествомъ*, любила торжества и праздники, и столица праздновала миръ со всѣми возможными увеселеніями. Только и говорили о парадахъ, иллюминаціяхъ, балахъ и фейерверкахъ. Разсѣяніе не мѣшало мыслямъ моимъ заниматься Зюльмеею; я то-сковалъ объ ней и въ свободныя минуты писалъ страстные къ ней письма, которыя, правда, оставались всегда въ моемъ кабинетѣ, но которыя читалъ я съ восторгомъ брату, единственному повѣренному моего сердца.

Потомъ, путившись въ блистательныя общества, я сталъ не такъ робокъ и началъ пріобрѣтать ту свѣткость, которой только научаются, можно сказать, въ обращеніи съ знатными и придворными. Всегда любилъ я поэзію и всегда ею занимался. Графъ Стр^{***},

князь Бѣл***, графы Сег*** и Коб***, княгиня Д*** и графиня Ш*** читали стихи мои съ обязательнымъ снисхожденіемъ и позволяли мнѣ участвовать въ ихъ забавахъ. Тогда въ обыкновеніи были загородные спектакли. Я игралъ комедію съ лучшими актерами, какихъ могло только произвести хорошее общество. Это образовало мой вкусъ и научило меня съ пріятностью изъясняться. Но сердце мое пылало любовью къ Зюльмеѣ, и когда встрѣчалъ я прекрасную, ловкую и любезную женщину, то всегда сравнивалъ съ тою, которая совершенно владѣла мною.

Такимъ образомъ протекли два года. Я готовился возвратиться въ Москву, какъ вдругъ узналъ, что Зюльмея вышла за господина П***. Не могу изъяснить вамъ той горести и тоски, которыя овладѣли мною. Мать моя и двѣ сестры, которыхъ любилъ я нѣжно и которыя жили въ Москвѣ, ожидали меня съ нетерпѣніемъ, и давно сердце мое желало съ ними соединиться. Я увидѣлъ ихъ, прижалъ къ своему сердцу и оросилъ слезами, пролитыми отъ радости и печали. Меня отпустили на 6 мѣсяцевъ. Я хотѣлъ воспользоваться симъ отпускомъ, чтобы посвятить себя трудамъ кабинета. Я рѣдко выѣзжалъ, ибо страшился встрѣтиться съ Зюльмеєю. Между тѣмъ главнокомандующій давалъ великолѣпный балъ на случай рожденія нынѣшняго императора. Я поѣхалъ на балъ, но противъ воли и съ нѣкоторымъ предчувствіемъ, которое оправдается, какъ вы увидите. Когда я вошелъ въ танцевальную залу, первая представилась мнѣ Зюльмея, сидящая подлѣ своей матери и пожилого, но здороваго челоуѣка, который имѣлъ въ лицѣ остроуміе и откровенность. Мнѣ не трудно было узнать въ немъ господина Н***. Я поблѣднѣлъ, остановился и, чтобы скрыть мое замѣнительство, сказалъ нѣсколько незначащихъ словъ одному изъ моихъ пріятелей, который, по счастью, стоялъ рядомъ со мною. Пришедши нѣсколько въ себя, обратилъ я взоры на Зюльмею. Красота ея меня поразила; но прежняя живость исчезла; въ чертахъ ея видно было уныніе, и, повѣрите-ли? эта мысль меня успокоила. Поблѣдивъ себя, подошелъ я къ дамамъ сказать имъ, какъ мнѣ пріятно свиданіе съ ними. Г-жа С***, мать Зюльмен, представила мнѣ своего зятя; мы раскланялись вѣжливо, но холодно, какъ новые знакомцы. Г-жа С***, великая говорунья, предлагала мнѣ тысячу вопросовъ о петербургскихъ обществахъ, говорила о замужествѣ своей дочери, о богатствѣ г. П***, не оставляя ему времени сказать мнѣ одного слова. Но всего болѣе снѣшила она пригласить меня къ себѣ и объявить, что они всѣ живутъ въ великолѣпномъ домѣ и всякую пятницу даютъ у себя балы. Это внезапное приглашеніе привело меня въ смятеніе. Я отвѣчалъ только низкимъ поклономъ. Г. П*** прибавилъ, что онъ радъ будетъ видѣть меня у себя въ домѣ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ моего отца и любить его память. Зюльмея, ничего еще не сказавъ мнѣ и во все

время сего разговора играя своею шалью съ дѣтскою безпечностію, спросила меня, наконецъ, долго ли я намѣренъ пробыть въ Москвѣ? «Уѣду черезъ три мѣсяца», отвѣчалъ я тихо и робко; «но если бы мнѣ было возможно, то уѣхалъ бы тотчасъ». — «Конечно, вы очень любите Петербургъ», говорила она, «когда вы такъ спѣшите». Вдругъ подошелъ молодой человѣкъ; она подала ему руку, чтобы идти танцовать, оставивъ меня одного съ матерью и мужемъ своимъ. Отсутствіе ея меня успокоило. Г. Н*** говорилъ со мною о прекращенной со Швеціею войнѣ, и я увидѣлъ въ немъ человѣка свѣдущаго, опытнаго и здравомыслящаго. Начались вальсы. Я всталъ съ мѣста своего, чтобы идти смотрѣть на танцующую красавицу; но, къ великому удивленію моему, она возвратилась на свое мѣсто и не вальсировала. Я свѣдалъ послѣ, что г. Н*** не любитъ вальсовъ, и что изъ повиновенія къ нему она перестала вальсировать. «Имѣю нѣчто поговорить съ вами», сказала Азема, отвѣдя меня въ сторону. — «Г-жа Н*** на васъ жалуется; вы говорили съ нею языкомъ оскорбительнымъ». — «Я, я оскорбилъ г-жу Н***! Возможно ли подумать?» — «Успокойтесь и выслушайте меня; завтра ввечеру зову на чай Зюльмею. Чтобы заставить васъ пріѣхать ко мнѣ, довольно сказать вамъ, что васъ находятъ любезнымъ и радуются свиданію съ вами». Едва договорила Азема, и я въ безпамятствѣ схватилъ и облобызалъ ея руку. Это былъ единственный отвѣтъ мой. Вскорѣ я уѣхалъ съ бала. Сколько *оболъщенныхъ* придумалъ я, возвратясь домой! То хотѣлъ, чтобы Зюльмея нашла меня веселымъ, рѣзвымъ и вѣтренымъ, то желалъ показаться ей печальнымъ и задумчивымъ, какимъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

Что сказать вамъ? За приглашеніемъ Аземы слѣдовали другія. Всякій день видѣлся я съ г-жею Н***, и любовь моя до того усилилась, что я не могъ уже скрывать ее. Наконецъ, осмѣлился открыть сердце мое, и красавица была тронута... Но я забываю, что всѣ слова прибраны, и я дописалъ заланнй мнѣ предметъ. Если нѣвинительная Зюльмея никогда не существовала, какъ то вѣроятно, ибо повѣсть не есть исторія, то по крайней мѣрѣ я представилъ себя такимъ, какимъ былъ въ молодости и не пересталъ, кажется, быть и въ теперешнихъ моихъ лѣтахъ, когда всѣ мечты исчезаютъ.

Буду доволенъ, если могъ пріятно запячь васъ; и когда вамъ случится черезъ нѣсколько годовъ найти между бумагами вашими мою бездѣлку, то она напомнитъ вамъ время нашей страннической жизни, нашихъ невинныхъ упражненій и того счастья, которое доставило мнѣ знакомство ваше. Тогда, быть можетъ, меня уже не будетъ на свѣтѣ; но при концѣ жизни назову себя рѣдкимъ счастливецемъ, если останусь жить въ памяти вашей.

Нижній-Новгородъ. 24-го апрѣля 1813 г.
Россійскій Музеумъ 1815 г., № 9.

III.

Рѣчь члена «Вотъ».

Правила почтеннѣйшаго нашего сословія повелѣваютъ мнѣ, любезнѣйшіе Арзамасцы, совершить себѣ самому надгробное отпѣваніе, но я не почитаю себя умершимъ. Напротивъ того, я воскресъ, ибо нахожусь посреди васъ; я воскресъ, ибо навсегда оставляю мертвыхъ умомъ и чувствами. Не мертвъ-ли духомъ и умомъ тотъ, который почитаетъ Омира и Виргилія скотами, который не позволяетъ переводить Тасса и въ публичномъ, такъ называемомъ ученомъ собраніи ругаетъ Горація? Не мертвъ-ли чувствами и тотъ, который прекрасныя баллады почитаетъ твореніемъ уродливымъ, а самъ пишетъ уродливыя оды и не понимаетъ того, что ему предстоятъ не рукоплесканія, но свистки и Мидасовы уши.

Нынѣ, говоря объ ухахъ Мидасовыхъ, долгомъ почитаю обратиться къ пресловутой Петербургской Бесѣдѣ. О, сколько тутъ длинныхъ ушей находится! Сколько мы въ ней встрѣчаемъ старыхъ, юныхъ, сухихъ, чреватыхъ, блѣдныхъ и румяныхъ Мидасовъ! Бесѣда Петербургская ни въ чемъ, конечно, Московской не уступаетъ, но, по моему мнѣнію, во всемъ ее превосходить.

Къ сожалѣнію моему, я исполню сердца любезныхъ Арзамасцевъ чувствительною горестію. Я возвѣщу вамъ кончину юноши, въ дѣтствѣ ума и дѣтствѣ тѣлесномъ пребывающаго, юноши достойнѣйшаго, питомца великаго патріарха Халдеевъ, утверждающаго, что тротуары должны называться ибшниками, а жареный гусъ пещинной; юноши, которому кортикъ не препятствовалъ держать въ рукѣ перо на безславіе литературы, но во славу досточестной Бесѣды.

Тщетно я силюсь, чувствомъ гнетомый (позвольте мнѣ употребить собственные слова умершаго), тщетно я силюсь изобразить все происходящее въ Бесѣдѣ. Она лишается наилучшихъ усастьхъ сочленовъ своихъ.

Тучей надъ ними гибель висить,
Туча, обрушась, варваровъ губить,
Губить ихъ глупость, губить безстыдство,
Губить ихъ уши, губить языкъ.
Тысяща поприщъ тѣлами полны,
Множеству тѣней тѣсень сталъ адъ.

Такъ точно! Они валятся какъ мухи отъ мухоморовъ, и мы здѣсь, въ почтеннѣйшемъ нашемъ собраніи, отпѣваемъ ихъ, превозносимъ и удивляемся ихъ дарованіямъ. Напримѣръ, какъ не дивиться творцу лирическаго пѣснопѣнія! Сотворить поэму, въ которой находится несчетное множество строфъ, и нѣтъ поэмы; отказать навсегда отъ Аполлона и музъ и, не смотря на то, заниматься поэзіей? Не ему-ли одному сіе предстояло? Не онъ-ли во-

спѣлъ, какъ отъ грознаго взора патріарха Халдейскаго гальское слово умираетъ на устахъ каждаго. Не ему-ли надлежало на такой предметъ сочинить оду? Изящный талантъ превозмогалъ всѣ трудности, и вмѣстѣ съ талантами возрастали и уши лирикопѣснопѣвца. Нѣтъ болѣе невиннаго умомъ и тѣломъ. Онъ лежитъ бездыханенъ.

Обратимся, слушатели, къ плачевному сему зрѣлищу. Слѣдуйте за мною въ мрачную храмину, обитую академическими сочиненіями! Горящія свѣчи, обернутыя въ «Письма Скимнина», освѣщаютъ воздвигнутый усопшему катафалкъ. «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» служитъ ему возглавіемъ, разсужденіе объ одахъ въ десницѣ его, «Бдѣнія Тассовы», похвальные слова и переводы «Андромахи», «Ифигеніи», «Гамлета» и «Китайской Сироты» лежатъ у подножія гроба. Патріархъ Халдеевъ изрыгаетъ корни словъ въ ужасной горести своей. Онъ, уныло преклонивъ сѣдо-желтую главу свою, машетъ надъ лежащими въ гробѣ «Извѣстіями Академическими» и кадитъ въ него «Прибавленіемъ» къ «Прибавленіямъ». Онъ не чувствуетъ, что тѣмъ лишь умножается печаль, скука и угрюмость друзей, хладный трупъ окружающихъ. Плодовитый творецъ безчисленныхъ и бессмысленныхъ одъ, палачъ Деспре и Расина, стоитъ смиренно надъ гробомъ и, осыпая умершаго грязью и табакомъ, бормочетъ стихи въ похвалу его. Увы! Онъ еще сплелъ ихъ до кончины несчастнаго, успѣлъ напечатать, ибо любить писать стихи, отдавать въ печать, раздастъ ихъ сотоварищамъ своимъ, и сотоварищи его не читаютъ ихъ. Секретарь Бесѣды, ничего пикогда не сочинившій и едва знающій грамотѣ, бѣснуясь, топаетъ ногами и стучитъ крючковатою тростію. Толсто-чреватый сочипитель «Липецкихъ Водъ» кропитъ ими въ умершаго и тичится согрѣтъ его овчинными шубами своими. Но все тщетно: онъ лежитъ бездыханенъ! Давно-ли я, дерзновенный, воспѣвалъ невиннаго юношу, именуя его Варягороссомъ и кумомъ славянофила? И се успе! Длинные уши его повисли, уста охладѣли, ноги протянулись. Стихотворенія пѣснопѣвца, въ которыхъ столь мало глаголовъ и столь много пустоглаголанія, останутся навсегда въ подвалахъ Глазунова и Заикина, останутся на сѣденіе стихожаднымъ крысамъ, и даже самъ патріархъ халдейскій забудетъ о нихъ!

О vanitas vanitatum, omnia vanitas!

Почтеннѣйшіе сограждане Арзамаса! Я не буду печислять подвиговъ вашихъ. Они всѣмъ извѣстны. Я скажу только, что каждый изъ насъ приводитъ сочлена Бесѣды въ содроганіе, точно такъ какъ каждый изъ нихъ производитъ въ собраніи нашемъ смѣхъ и забаву. Да вѣчно сіе продолжится! Что съ нами будетъ, если не будетъ «Извѣстій Академическихъ?» Что намъ останется дѣлать, если патріархъ Халдейскій престанетъ безумствовать въ разборѣ происхожденія словъ и принимать черное за бѣлое? Куда сокроемся мы, если

толсточреватый комикъ догадается, что комедіи его ничто иное суть какъ печать глупости, злобы и невѣжества? Какая намъ будетъ польза въ томъ, если неутомимый риэмоткачь узнаеть, наконецъ, что у козла нѣтъ свиной туши, а у голубей зубовъ, точно такъ, какъ нѣтъ здраваго разсудка въ стихахъ его; не совершенная ли бѣда для насъ будетъ, если Мидасы, оглянувшись другъ на друга, примѣтятъ, что уши ихъ еще длиннѣе похвальныхъ словъ, читаемыхъ въ прословутой ихъ Бесѣдѣ? Да сохранять насъ отъ того златовласый Фебъ и музы. Пусть сычи вѣчно останутся сычами: мы вѣчно будемъ удивляться многоплоднымъ ихъ произведеніямъ, вѣчно отпѣвать ихъ, вѣчно забавляться ихъ трагедіями, плакать и зѣвать отъ ихъ комедій, любоваться нѣжностію ихъ сатиръ и колкостію ихъ мадригаловъ. Вотъ чего я желаю, и чего вы любезнѣйшіе товарищи, должны желать непрестанно для утѣшенія и чести Арзамаса.

1816.

Русскій Архивъ 1876 г., кн. I.

IV.

Замѣчанія о людяхъ и обществѣ.

Горестъ, которую никому открыть не можно, есть величайшая. Многіе изъ насъ готовы на совѣты, рѣдкіе на услуги.

Въ обществѣ добрыхъ людей сердце всегда бываетъ на просторѣ; ты при нихъ можешь быть самимъ собою и не опасаться ни кривыхъ толковъ, ни язвительныхъ насмѣшекъ.

Ничій просить малаго; но ты, подавая ему милостыню, дѣлаешь для себя многое.

Не говори съ Ликастомъ: онъ тебя слушаетъ съ небреженіемъ, или лучше сказать, онъ и не слышитъ рѣчей твоихъ. У него въ головѣ совѣмъ другое! Онъ думаетъ объ обѣдѣ, на который онъ отозванъ; объ игрѣ, которая его въ тотъ вечеръ ожидаетъ, а совѣмъ не о тебѣ. Ты ему лишь только докучаешь своими вопросами и разсужденіями. Говори съ людьми умными, вѣжливыми; ихъ бесѣда всегда пріятна, и ты имъ не въ тягость.

«Тартюфъ» и «Мизантропъ» превосходише всѣхъ нынѣшнихъ трилогій. Не опасаясь гнѣва модныхъ романтиковъ и не смотря на строгую критику Шлегеля, скажу искренно, что я предпочитаю Мольера—Гете и Расина—Шиллеру. Французы перенимали у Грековъ, и сами сдѣлались образцами въ драматическомъ искусствѣ.

Что вы думаете о новой поэмѣ Козлова? — Ничего, я стиховъ не читаю. А о сочиненіяхъ въ прозѣ Жуковского? — Я прозы не люблю.

На этихъ дняхъ ты былъ у Розаліи; она приняла тебя учтиво, ласково, и ты нашелъ ее любезною. Вчера ты втрѣтился съ нею на балѣ у княгини Д.... Она тебя не узнала и не хотѣла поклониться съ тобою. Что тому причиною? Сухая бездѣлица. Розалія,

будучи дома, не жемаптся; па балѣ—дѣло совсѣмъ другое. Столько разпыхъ предметовъ ее тамъ занимаютъ! У тебя же нѣтъ ни богатаго мундира, ни знаковъ отличія; ты въ отсавкѣ и одѣтъ просто. Чему удивляться, что въ многолюдномъ собраніи тебя модная дама не примѣтила? Довольно и того, что она тебя примѣчаетъ, когда ты бываешь въ гостяхъ у ея мужа; инья и того не дѣлаютъ и дѣлать не хотятъ.

Видѣли ли вы италіанскую оперу Семерамиду? — Видѣлъ, по для меня четвертая часть Русалки гораздо забавнѣе; къ тому же знатоки говорятъ, что и музыка оперы Русалки несравненно лучше.

Любовь — прелесть жизни, дружба — утѣшеніе сердца. О нихъ говорить много, но рѣдкіе ихъ знаютъ.

Атеизмъ есть совершенное безуміе. Взгляни па солнце, на лупу и звѣзды, на устройство вселенной, на самого себя, и скажешь съ умиленіемъ: есть Богъ!

Какая выгода быть добрымъ? Злые благоденствуютъ, добрые угнетены судьбою.—Ты забылъ, что сіи послѣдніе наслаждаются первѣйшимъ благомъ въ жизни—чистою совѣстью.

Клеонъ всегда занятъ. Каждое утро у него въ домѣ настоящая ярмарка. Побѣжай къ нему, и ты найдешь его окруженнаго пѣсельниками, барышниками, цыганамъ. Въ гостиной у него сидитъ виртуозъ на балалайкѣ и играетъ вариации; въ другой комнатѣ торговка раскладываетъ платки и шали. Разносчикъ изъ Охотнаго ряда является съ устрицами, оффиціантъ подаетъ кулебяку и лимоны. Хозяинъ торгуетъ у Бойцова лихаго иноходца и отдастъ за него четверку вороныхъ лошадей, медвѣжью шубу и старинную золотую табакерку. Дѣло сдѣлано: Клеонъ въ восторгѣ. Съѣзжаются приятели, пѣсельники кричатъ, цыгане пляшутъ, и шампанское льется рѣкою. Прекрасно, весело! Но сохрани Боже быть частымъ собесѣдникомъ Клеона! Ты всегда возвратишься отъ него съ шумомъ въ головѣ и съ пустою въ сердцѣ.

Вотъ прекрасная молитва одного мусульманина: «Господи, яви милость свою надъ злыми, ибо ты все сдѣлалъ для добрыхъ, сдѣлавъ ихъ добрыми!»

1826.

Литературный Музеумъ на 1827 г.

П И С Ь М А.

I.

Н. М. Карамзину.

28-го іюня 1803 г. Берлинъ.

Пишу къ вамъ съ сердечнымъ удовольствіемъ, любезный Николай Михайловичъ. Вы увѣрены, конечно, сколь много почитаю и

<http://rcin.org.pl>

люблю васъ; а я увѣренъ, что мое письмо будетъ вамъ пріятно. Путешествіе мое благополучно; я ѣду тихо, но покойно. Въ Ригѣ жилъ пять дней. Этотъ городъ мнѣ понравился чрезвычайно. Я осматрѣлъ ратушу, бібліотеку, домъ Черноголовыхъ (Schwarzhäupter); гулялъ въ саду Фитингофа, провелъ цѣлыя сутки въ деревнѣ богатаго господина Гая, банкира моего. Жители въ Ригѣ богаты, а женщины любезны; говорятъ всё по французски и очень обходительны. Въ первый день пріѣзда моего въ Ригу я пошелъ искать домъ господина Гая; долго не находилъ его: вижу прекрасную женщину, сидящую подъ окномъ, съ книгою въ рукахъ. Она догадалась, что я пріѣзжій; позвала меня очень учтиво и спросила, кого мнѣ надобно. Мужъ ея вышелъ, пригласилъ къ себѣ, и я очутился въ домѣ богатаго купца Эльснера. Жена его, или лучше сказать грація, читала ваше путешествіе; натурально, что я говорилъ о васъ; сказала, что васъ знаю, что вы меня любите, что на канунѣ отъѣзда моего я провелъ цѣлый день съ вами. Г. Эльснеръ далъ мнѣ письмо къ брату своему въ Парижъ; онъ самъ недавно отсюда возвратился; очень знакомъ съ Сиссомъ, съ Франсуа де-Нешато и со многими другими учеными людьми. Въ Данцигѣ я видѣлъ великолѣпную соборную церковь. Картина Страшнаго Суда достойна примѣчанія: только я удивляюсь воображенію живописца Ван-Эйка. Архангелъ Гавріилъ держитъ вѣсы и вѣситъ грѣшниковъ: кто тяжелъ, тотъ и грѣшенъ; того и тащитъ сатана крюкомъ въ адъ. Блаженные, идущіе въ рай, чрезвычайно другъ на друга похожи и что-то не такъ веселы, какъ бы имъ быть надлежало; но краски живы, и нѣкоторыя фізіономіи чрезвычайно хорошо изображены; а особливо нашей брата, грѣшниковъ. Порокъ, видно, во всемъ легче представить, нежели добродѣтель! Въ Данцигѣ есть собраніе на подобіе нашего Англійскаго клуба. Банкиръ мой, господинъ Пельтръ, меня туда пригласилъ съ собою; я читалъ газеты и разговаривалъ съ Пельтромъ о нашей литературѣ. Путешествіе ваше ему очень извѣстно, но похвального слова онъ еще не имѣетъ.

Въ Берлинѣ я живу очень пріятно. Господинъ Алопеусъ, министръ нашъ, человекъ умный и благосклонный. Господинъ Коцебу былъ у меня, и я третьяго дня у него ужиналъ; подарилъ ему портретъ вашъ, и онъ благодарилъ меня чрезвычайно. Вчера я видѣлъ въ первый разъ Ифланда: актеръ безподобный, и какихъ я конечно, видалъ мало. Онъ играетъ такъ натурально, такъ хорошо, что я, хотя по-нѣмецки знаю плохо, но понималъ все. Актрисы здѣсь также очень хороши: Унцельманъ, Миллеръ и пр. Я сидѣлъ въ ложѣ у Коцебу; играли его новую комедію Die Pagen-Streiche, которая еще неизвѣстна въ Россіи. Сегодня я званъ на вечеръ къ господину Мерта, здѣшнему книгопродавцу; ученому и любезному человѣку. Въ Берлинѣ я видѣлъ всё рѣдкости,

все, что достойно любопытства: дворець, въ которомъ всего болѣе мнѣ полюбилась картина Ангелики Кауфманъ—Иисусъ; арсеналь, оперный домъ, католическую церковь, фарфоровую фабрику, королевскую библіотеку. Фасадъ опернаго дома прекрасенъ; но великолѣпнѣйшее зданіе въ Берлинѣ, зданіе, которое прославляетъ царствованіе Фридриха-Вильгельма, — ворота Бранденбургскія, построенныя на подобіе аѳинскихъ Пронилеевъ, всего болѣе прельщаютъ глаза путешественника. Паркъ есть обыкновенное гулянье здѣшнихъ жителей. Въ немъ построено много прекрасныхъ домиковъ, куда собираются пить кофе, пиво, лимонадъ и курить табакъ. Лучшій домъ принадлежитъ славному Ифланду. Я тамъ гулялъ и провелъ цѣлый вечеръ съ нашимъ священникомъ Иваномъ Борисовичемъ Чудовскимъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о васъ и сказывалъ мнѣ, что вы у него пили чай въ Дрездепѣ. Я живу въ Hôtel de Russie; просыпаюсь и вижу липовую аллею; вижу берлинскихъ красавицъ съ корзинками въ рукахъ, которыя прогуливаются и работаютъ. Знатныхъ господъ теперь въ городѣ мало. Вдовствующая королева въ Фреенвальдѣ: мѣсто пріятное и извѣстное своими банями.

За хозяйскимъ обѣдомъ я познакомился съ однимъ Полякомъ, господиномъ Бернаки, который любитъ русскій языкъ и читаетъ русскія книги. Онъ мнѣ сообщилъ польскія басни, и я перевелъ одну, которую вамъ посылаю.

Сейчасъ я возвратился изъ института глухихъ и нѣмыхъ. Г. профессоръ Этке есть истинный другъ человѣчества. Одно нѣмого спросили при мнѣ, что такое Россія? — «Великая имперія». — Какъ называютъ императора Россійскаго? — «Александръ». Профессоръ сказалъ ему мое имя; онъ тотчасъ написалъ: Пушкинъ. Я былъ тронуть до слезъ. Кто любитъ добро, долженъ любить и почитать такихъ людей, каковъ Этке. Они дѣлаютъ честь роду человѣческому. Оттуда ѣздилъ я въ Hôtel de Charité, домъ сумасшедшихъ: зданіе огромное, и которое находится подъ надзираніемъ славнаго Гуфланда. Лучше и пріятнѣе видѣть несчастныхъ нѣмыхъ, которые, посредствомъ искусства, перестаютъ быть несчастными, нежели вѣчныхъ страдальцевъ.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. X.

II.

Н. М. Карамзину.

12-го сентября 1803 г. Парижъ.

Желаніе мое исполнилось, любезный Николай Михайловичъ, я въ Парижѣ и живу пріятно и весело. Каждый день вижу что-нибудь новое и каждый день наслаждаюсь. Сегодня поутру ходилъ я слушать славнаго метафизика Сикара. Онъ говоритъ хорошо, но слыш-

комъ плодovито. Ученикъ его, Масье, удивилъ меня своими отвѣтами. На вопросъ: что такое Богъ? — «Солнце вѣчности», отвѣчалъ онъ: «душа вселенной, отецъ отцовъ, причина причинъ, машинистъ природы». — Маленькая дѣвочка лѣтъ одиннадцати, глухая и нѣмая отъ рожденія, читала вслухъ стихи и выговаривала довольно чисто; только monde (свѣтъ) она иначе сказать не можетъ, какъ mo-de, и на каждомъ словѣ должна непремѣнно останавливаться. — Сикаръ чрезвычайно самолюбивъ; онъ доказывалъ, что аббатъ де л'Епе во многомъ ошибался. J'ai trouvé le verre, сказалъ однажды ему сей почтенный человѣкъ: c'est à vous à faire des lunettes (я изобрѣлъ стекло, а вамъ остается сдѣлать очки.)

Каждую среду объѣду у г. Балка съ здѣшними учеными и успѣлъ уже со многими познакомиться. Дюсизъ и Бернарденъ-де-Сен-Пьеръ — добрые и милые люди; послѣдній очень старъ и дряхль, но еще пріятель умомъ. Арно, авторъ трагедіи «Марія», человѣкъ съ отмынными дарованіями. Виже уменъ и довольно любезенъ, но такъ много о себѣ думаетъ, такъ много говоритъ, что наконецъ проклинаешь и умъ его, и любезность. Мерсье-ничто иное, какъ сумасшедшій: онъ недавно сочинилъ сатиру, въ которой ругаетъ какъ можно болѣе астрономію, Ньютона, Бюффона и пр. Я вышишу изъ нея нѣсколько стиховъ, чтобъ дать вамъ идею о цѣломъ сочиненіи:

Les constellations je les ai dans ma poche;
Le globe de la terre est toujours à la broche,
Sous les yeux du soleil, ce beau dindon rôti
D'un si large bienfait n'est pas seul investi.
Tournez également, succulentes planètes! etc.

На сихъ дняхъ я былъ у госпожи Жанлисъ. Она принимаетъ хорошо, говоритъ умно и просто. — «Я рѣдко вижусь съ авторами», сказала она мнѣ: «люблю ихъ читать, а не быть съ ними». Госпожа Жанлисъ ненавидитъ философію, вздыхаетъ о прошедшемъ и пишетъ романы въ ожиданіи будущаго. Она всѣмъ недовольна, а болѣе всего, кажется мнѣ, старостью.

Въ прошедшее воскресенье, въ день блаженнаго Августина, славный ораторъ, аббатъ де-Булонъ, говорилъ проповѣдь. Многіе утверждаютъ, что онъ не хуже Массильона. Я слушалъ его съ удовольствіемъ; но признаюсь, что всего болѣе поражало меня умиленіе Французовъ, которые недавно жгли церкви и гнали священниковъ. Ораторъ говорилъ о пользѣ религіи, о монастырскихъ учрежденіяхъ, о должномъ почтеніи въ пастырямъ церкви и пр. Я самъ думаю, что Боссюэтъ, Фенелонъ, Массильонъ достойнѣе любви Вольтера и Дидерота; одни были истинные друзья человѣчества; другіе желали отнять у насъ единственное утѣшеніе—вѣру.

Кто хочетъ видѣть совершенную красавицу, тотъ долженъ идти въ музей Наполеона и смотрѣть на прелестную Венеру Медицисъ. Я согласенъ съ Дюпати, что въ ней все Венера. Въ той же залѣ по-

ставлена славная группа Лаокоона и величественный Аполлонъ Бельведерскій. Антиной также достоенъ удивленія. Онъ задумался; кажется, что меланхолія запечатлѣла уста его. Въ другой залѣ представляется взору славная Венера Капитолійская. Многіе знатоки предпочитаютъ ее Венерѣ Медицисъ; но я не знатокъ и люблю то, что болѣе дѣйствуетъ на мое сердце.

Французы ласковы и любятъ иностранныхъ. Красавиць вездѣ много, но должно признаться, что нигдѣ нѣтъ столько любезныхъ женщинъ, какъ во Франціи. Все нимфы и граціи! Госпожа Рекамье мила, добра, но совсѣмъ не такъ хороша, какъ говорятъ объ ней. Здѣсь продаютъ ея портреты, и когда она показывается въ обществѣ, то всѣ бѣгутъ и толпятся вокругъ ея. Мужъ ея принялъ меня очень хорошо. Вчера я у него обѣдалъ, а госпожа Рекамье предложила мнѣ мѣсто въ ложѣ своей. У нихъ въ домѣ познакомился я съ славною актрисою Дюшеноа, которая чрезмѣрно дурна лицомъ, но играетъ въ трагедіяхъ прекрасно. Вы знаете мою страсть къ спектаклямъ и можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ бываю въ парижскихъ! Изъ здѣшнихъ многихъ гульбищъ самое пріятнѣйшее есть Фраскати... Тамъ встрѣтился я съ нашею московскою знакомкою, любезною госпожею Вайлеръ, которой подлинное имя есть Дюкре де Вильнёвъ. Она и мужъ ея чрезмѣрно обрадовались такой нечаянной встрѣчѣ.

Мы были въ Сень-Клу представлены первому консулу. Физиономія его пріятна, глаза полны огня и ума; онъ говоритъ складно и вѣжливо. Аудіенція продолжалась окопо полчаса. Тамъ, въ большой залѣ, стоитъ картина, изображающая Федру съ Ипполитомъ. Она есть славное произведеніе живописца Гереня. Федра сидитъ подлѣ Тезея; мечъ Ипполитовъ въ ея рукахъ, на блѣдномъ лицѣ ея изображается любовь и отчаяніе. Ипполитъ кажется говорить:

«Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon coeur». Расинъ, увидѣвъ эту картину, конечно, обнялъ бы Гереня отъ всего сердца. Насъ представляли также и госпожѣ Бонапарте, которая принимаетъ всѣхъ съ величайшею любезностью.

Не буду вамъ говорить о Версаліи, великолѣпномъ ея дворцѣ и садахъ, которые вы знаете. Подобно вамъ, я гулялъ въ Трианонѣ и наслаждался пріятнымъ вечеромъ. Тамъ, гдѣ все украшалось нѣкогда присутствіемъ Маріи-Антуанеты, видны теперь меланхолическія развалины! Рестораторъ живетъ въ ея комнатахъ. Трианонскія воды обратились въ дуга; гдѣ прежде ловили рыбу, тамъ косятъ сѣно. Гротъ, хуторъ, хижина существуютъ и нынѣ, но все близко къ разрушенію.

Le Journal des Débats и l'Observateur Français любопытнѣе всѣхъ прочихъ журналовъ. Жоффрау заступилъ здѣсь мѣсто покойнаго Фрерона: ругаетъ и критикуетъ Вольтера, Жанъ-Жака и др.

Онъ пишетъ очень умно и забавно, и всё читаютъ съ удовольствіемъ его журналъ, даже и враги его. Издатель Французскаго Наблюдателя также пишетъ пріятно и всегда старается противорѣчить сопернику своему Жоффрау. Прочіе журналы здѣсь въ совершенномъ забвеніи.

Нынѣшній вечеръ провелъ я съ аббатомъ Сикаромъ. Онъ разсуждалъ о безсмертіи души, и мнѣ казалось, что я бесѣдую въ Афинахъ съ Платономъ.— «Атеисты и матеріалисты не чистосердечны», сказалъ Сикарь: «они сами увѣрены, что мы имѣемъ шестое чувство, которое управляетъ прочими. Глазъ, напримѣръ, видитъ, а душа различаетъ и говоритъ: это дерево, столъ, цвѣтокъ и пр. Думать—есть говорить съ собою внутреннимъ словомъ, *parole interieure*, а говорить—есть думать вслухъ. Даръ слова происходитъ непосредственно отъ Бога». — Виже спорилъ съ Сикаромъ объ одномъ грамматическомъ правилѣ; наконецъ, согласился съ нимъ, обнялъ его и сказалъ: «*Mon ami, je suis un Grammatiste, mais vous êtes un Grammairien*».

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. XI.

III.

Князю П. А. Вяземскому.

14-го декабря (1812 г.) Нижній-Новгородъ.

Наконецъ, любезнѣйшій князь, я дождался письма твоего. Оно меня сердечно обрадовало, въ чемъ я думаю ты и не сомнѣваешься. Поздравляю тебя съ сыномъ. Да будетъ онъ со временемъ твоимъ другомъ и утѣшителемъ!

Я вижу изъ письма твоего, что ты грустишь о Москвѣ, но какъ и не грустить о кормилицѣ нашей? Другой Москвы не будетъ, и часъ-отъ-часу разореніе столицы намъ будетъ чувствительнѣе. Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя библіотека,—все сгорѣло. Я ничего вынести не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности. Что дѣлать? Я благодарю теперь Бога, что Онъ освѣнилъ цѣлкомъ своимъ храбрымъ нами войска, поражающія бѣгущаго злодѣя. Аттила нашего вѣка покрылъ себя вѣчнымъ стыдомъ, и бѣдствія наши ни малѣйшей не принесли ему пользы.

Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ-Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша. Вотъ завидное состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь. Алексѣй Михайловичъ, однофамилецъ мой, кричитъ громче и куритъ табакъ болѣе прежняго. Онъ съ утра до вечера играетъ въ карты и выигралъ уже тысячъ до восьми. Я довольно часто бываю здѣсь у Бибиковыхъ и у Архаровыхъ. Кокоскинъ пишетъ изъ Ярославля, что онъ переводитъ «Федру». Читаль-ли ты подражаніе его пророку Аввакуму? Знаешь-ли ты, что Батюшковъ входитъ въ военную

службу и будетъ адъютантомъ у Алексѣя Николаевича Бахметева? Блудова и Сѣверина я ни мало не виню: они служатъ въ дипломатическомъ корпусѣ и если поѣхали въ чужіе края, то поѣхали не по пустякамъ. Баклуши бить, право, скучно: я это и по себѣ знаю.

Посылаю тебѣ стихи мои къ жителямъ Нижняго-Новгорода. Три первые куплета тебѣ извѣстны. Вотъ и послѣдніе. Не знаешь ли ты чего о Жуковскомъ? Пишетъ ли онъ къ тебѣ и здоровъ ли онъ? Прости, любезнѣйшій. Я тебѣ повторяю то же: надѣйся и мужайся! Богъ милосердъ!

Русскій Архивъ 1866 г.

IV.

А. С. Пушкину.

(17-го апрѣля 1816 г. Москва).

Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю, чтобъ *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дождика въ четвергъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ муза моя стала очень лѣнива, и ее тормозить надобно, чтобъ вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любить и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ въ началѣ мая отправляется въ Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужать къ твоему добру и, можетъ быть, къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многого ожидаемъ. Скажи Ломопосову, что не похвально забывать своихъ пріятелей; онъ написалъ къ Вяземскому предлинное письмо, а мнѣ и поклона нѣтъ. Скажи, однако, что хотя я и пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно. Ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно. Прости, другъ сердечный! Будь здоровъ, благополученъ, люби и не забывай меня!

Вотъ эпиграмма, которую я сдѣлалъ въ Яжелбцахъ*): Сходство съ Шихматовымъ и хромымъ почталіономъ.

Шихматовъ! Почталіонъ! Какъ не скорбѣть о васъ?

Признаться надобно, что участь ваша злая:

У одного нога хромая,

А у другого хромъ Пегасъ.

Складчина. С.-Пб. 1874.

V.

Н. И. Гнѣдичу.

(Начало августа 1816 г. Москва.)

Благодарю сердечно любезнаго Николая Ивановича за прекраснѣйшую критику. Багюшковъ истинно отгадалъ въ одну минуту,

*) Въ Яжелбцахъ мы нашли почталіона хромого, и Вяземскій мнѣ эту задалъ эпиграмму.

что вы авторъ столь справедливыхъ и остроумныхъ замѣчаній. Онъ боленъ, но душою здоровъ и пишетъ стихи неподобные. Что до меня касается, я вовсе ничего не дѣлаю, «молчу и слушаю другихъ». Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто воздвигъ сего кандидата Бесѣды пресловутой? Ради Бога, освободите насъ отъ нелѣпостей и не слушайте Батюшкова. Пишите, браните и наказуйте! Должно вратью сдѣлать конецъ! Крылову отъ меня усердный поклонъ. Тургенева мы ждемъ нетерпѣливо, и ждемъ много новаго и пріятнаго. Кажется мнѣ, что я съ музами и Петербургомъ простился навсегда или по крайней мѣрѣ на долго. Нѣтъ ни воображенія, ни денегъ. *Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel.* Цѣлую Омира или Омера и поручаю себя въ его дружбу. Василий Пушкинъ.

Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 391.

VI.

Н. И. и О. С. Павлицевымъ.

2-го февраля 1828 г. Москва.

Любезные друзья, Николай Ивановичъ и Ольга Сергѣевна! Молю Бога, чтобъ Онъ благословилъ васъ, и чтобъ вы были счастливы совершенно. Я васъ поздравляю отъ искреняго сердца и увѣренъ, что во всякое время вы будете стараться быть утѣшеніемъ вашихъ родителей. Поручая себя въ вашу любовь, остаюсь преданный вамъ и любящій васъ дядя Василий Пушкинъ.

Л. Н. Павлицевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. М. 1890, стр. 48.

VII.

М. П. Погодину.

29-го іюня (1828 г. Москва.)

Милостивый государь мой Михаилъ Петровичъ! Исполняю вашу просьбу и посылаю вамъ томъ сочиненій Дюсиза, въ которомъ находится «Отелло»; но это не переводъ, а подражаніе Шекспиру. Сдѣлайте одолженіе, возвратите мнѣ мою книгу поскорѣе. Я вамъ признаюсь чистосердечно, что мнѣ пріятно услужить вамъ, но я не всѣмъ книги мои повѣряю; онѣ составляютъ единственное мое удовольствіе. Очень сожалѣю, что я совсѣмъ забытъ вами и что никогда васъ не вижу.

Съ истиннымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь пребыть, милостивый государь мой, покорный вашъ слуга Василий Пушкинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

СТИХИ.

I. Басни и сказки.

VII (стр. 4.) Басня эта переведена съ польскаго (см. стр. 146 настоящаго изданія).

VIII (стр. 12). Въ другой редакціи эта басня напечатана въ «Трудахъ Общества любителей россійской словесности» 1817 г., ч. 9 и въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1825 годъ.

XXXIV (стр. 24). Пушкинъ видѣлся съ Батюшковымъ въ концѣ августа 1818 г., когда послѣдній находился въ Москвѣ предъ своимъ отъѣздомъ за границу. По поводу сказки Пушкина И. И. Дмитріевъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, отъ 30-го сентября 1818 г. говоритъ: «Старый Пушкинъ читалъ уже мнѣ начало сказки, почерпнутой изъ собранія французскихъ сказокъ; но онъ совершенно обрусилъ ее, назвавъ одного изъ рыцарей Печенѣгомъ, а другого—Кіевскимъ княземъ». (Соч. И. И. Дмитріева, изд. редакціи журнала «Сѣверъ», т. II. стр. 234). Сказка эта была читана Пушкинымъ 7-го декабря 1818 г. въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности.

XXXV (стр. 26). Эта сказка, хотя и переведена съ французскаго, но заключается въ себѣ нѣсколько оригинальныхъ строкъ (стр. 30), въ которыхъ Пушкинъ осмѣиваетъ Шишкова подъ именемъ Башкира и кн. Шаховскаго подъ именемъ брюхастаго стиходѣя. Въ шуточной поэмѣ Пушкина «Опасный Сосѣдъ» находятся, между прочимъ, слѣдующія строки, относящіяся къ Шаховскому:

Двѣ гости дюжія смѣялись, разсуждали
И «Стерна Поваго» какъ диво величали:
Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдеть!

Послѣдняя строка заключается въ себѣ ѣдкую иронию, если вникнуть какого рода читательницы восхищались произведеніемъ князя Шаховскаго. Эта же сказка переведена прозою Жуковскимъ и напечатана въ Вѣстникѣ Европы 1809 г., ч. XLVII, № 19.

II. Разныя стихотворенія.

X (стр. 49). Стернь нашъ — Карамзинъ.

XI (стр. 50). Михайлъ Тарханіотъ, прозванный Марулліемъ († 1500 г.), былъ родомъ Грекъ, но писалъ на латинскомъ языкѣ. Онъ сочинялъ гимны и эпиграммы, изданные въ 1532 году. Образцомъ для вольнаго подражанія служила Пушкину піеса подъ заглавіемъ: «Epirarhium Augae».

XII (стр. 50). Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ († 1800 г.) былъ въ родствѣ съ Пушкиными. Его родной братъ, Осипъ Абрамовичъ, былъ женатъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочь которой, Надежда Осиповна, въ 1796 году вышла замужъ за Сергѣя Львовича Пушкина, родного брата Василія Львовича.

— (стр. 51.) Christian Cai Lorenz Hirschfeld, родился въ 1769 г. † 1792 г., профессоръ Кильскаго университета. Его сочиненія: 1) Land-leben. Bern. 1767; 2) Der Winter. Eine moralische Betrachtung. Leipzig. 1767; 3) Theorie d. Gartenkunst. Leipzig. 1775—1785; 4) Von der Gast-freundschaft. Eine Anleitung für die Menschheit. Leipzig. 1777.

ХIII (стр. 52). Посланіе относится къ Сергѣю Львовичу Пушкину, который тогда находился въ Петербургѣ, служа въ л.-гв. Егерскомъ полку. Въ 1798 году онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Москву.

ХVII (стр. 55). Французскимъ оригиналомъ этой піесы воспользовался впоследствии и А. С. Пушкинъ для одной изъ своихъ эпиграммъ на Надеждина (1829 г.).

ХХIII (стр. 60). Переложеніе въ стихи ирмоса, который поется въ Великую Субботу на утрени.

ХХIV (стр. 60). Кассія (Кассіана, Икасія) жила въ началѣ IX в., при Византійскихъ императорахъ: Теофилѣ и Михаилѣ. Отказавшись отъ супружества съ Теофиломъ, она удалилась отъ общества и построила монастырь Икасію. Кассіана извѣстна составленіемъ многихъ стихирь и другихъ церковныхъ пѣснопѣній. Переложенный Пушкинымъ стихирь поется въ среду на 7-й недѣлѣ великаго поста.

ХХIX (стр. 62). Ипполитъ Теодоровичъ Богдановичъ, авторъ поэмы «Душенька», скончался въ Курскѣ 6-го января 1803 г.

ХХХ (стр. 62). Піеса эта, переведенная съ французскаго, появилась первоначально въ «Другѣ Просвѣщенія», а затѣмъ была напечатана въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г. и въ Амфіонѣ 1815 г. Первые двѣ редакціи, по замѣчанію самого переводчика, отличались неисправностями и пропусками.

ХХХVII (стр. 66). Елисавета Васильевна Хераскова, жена Михаила Матвѣевича скончалась въ сентябрѣ 1807 г.

ХLIII (стр. 68). Ольга Прекрасная — героическая опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. С. Н. Глипки. Музыка Кашина. Представлена въ первый разъ 14-го января 1809 г.

ХLIV (стр. 68). Эти пѣсни находятся въ одномъ изъ рукописныхъ масонскихъ сборниковъ, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ: «Hymnes et cantiques pour la R. □ des Amis Réunis à l'O. de St.-Petersbourg. A Jerusalem l'an 5810 (1810 г.) de Z. V. Z.» Третья пѣсня, въ которой Пушкину принадлежитъ только приведенное заключеніе, сочинена Дальмасомъ.

ХLVII (стр. 70). Дюмарсе — одинъ изъ первыхъ французскихъ грамматиковъ ХVIII в.

— Поэма громкая — Петръ Великій, соч. кн. С. А. Шихматова.

— Пиндаръ нашихъ странъ — Ломоносовъ.

— Балдусъ — А. С. Шишковъ.

— (стр. 71). Аристъ — Шишковъ.

ХLVIII (стр. 72). Это стихотвореніе, вмѣстѣ съ посланіемъ къ Жуковскому, было издано въ 1811 году, въ Петербургѣ, отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ «Два посланія», съ слѣдующимъ «предувѣдомленіемъ» автора: «Первое изъ сихъ посланій» (къ В. А. Ж.) напечатано было въ 12-мъ номерѣ «Цвѣтника» 1810 г. и было причиною происшествія весьма страннаго въ нашей словестности. Всѣмъ извѣстна польза, истекающая изъ сего рода дидактическихъ сочиненій: древніе и новые писатели употребляли оныя для исправленія пороковъ, или переходя отъ общаго къ частному, для направленія на прямой путь въ словесности молодыхъ, неопытныхъ авторовъ. Важная и благородная цѣль сочиненій сихъ всегда была достоинно уважаема. Кто бы подумалъ,

что въ наше просвѣщенное время будутъ презирать ихъ, подражанія онымъ называть «модными посланіями» и, что всего хуже, отвѣчать на нихъ непозволительными личностями? Въ одномъ «присовокупленіи», читаномъ, какъ увѣряютъ, въ Академіи (въ чемъ, однако-жъ, я весьма сомнѣваюсь), г. сочинитель говоритъ слѣдующее: «Сіи судьи и стихотворцы въ посланіяхъ своихъ зываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Оукидидамъ, затвердя одни только имена ихъ и, что всего удивительнѣе, научась благочестію въ «Кандидѣ» и благоправію и знаніямъ въ парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества и, обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о наукахъ и просвѣщеніи».

Risum teneatis, amici? И я, вмѣсто того, чтобы сердиться на такую нескладицу, хотѣлъ бы лучше самъ посмѣяться ей отъ добраго сердца; но обвиненія, относящіяся до нравственности и вѣры, слишкомъ важны. Я долженъ былъ опровергнуть оныя и, кажется, исполнилъ сіе во второмъ посланіи, къ Д. В. Дашкову, равномерно навлекшему на себя учтивою критикою гнѣвъ новѣйшихъ нашихъ Славянъ».

— (стр. 73). Старослѣвъ — Шишковъ.

— Подъ рѣчами безъ плана разумѣется «Разсужденіе о краснорѣчїи Священнаго Писанія», Шишкова.

— Подъ томами, написанными на древняго Бояна, Пушкинъ разумѣетъ обширный коментарій на «Слово о полку Игоревѣ», напечатанный Шишковымъ въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, издаваемыхъ Россійской Академіей» (1805 г.).

І (стр. 74). Павелъ Николаевичъ Приклонскій, директоръ московскихъ театровъ, былъ авторомъ нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ. Онъ и братъ Василія Львовича, Николай Львовичъ, были женаты на Измайловыхъ.

ІІ (стр. 75). И. И. Дмитріевъ говорилъ, что эти стихи напоминаютъ ему колодника, который подъ окномъ проситъ милостыню и обращивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, которые дразнятъ его (Р. Архивъ 1866 г., ст. 243). Профессоръ Московскаго университета Г. И. Фишеръ, бывшій въ Нижнемъ-Новгородѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, положилъ эти стихи на ноты, которыя и приложены къ № 16-му Вѣстника Европы за 1815 годъ.

ІІІ (стр. 77). Это посланіе, написанное во вкусѣ Грессе, было сочинено въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда Пушкинъ ѣздилъ въ 1814 году. Въ немъ авторъ упоминаетъ, между прочимъ, объ Аристархѣ-гонителѣ, то есть, о М. В. Милоновѣ, который осмѣивалъ Василія Львовича въ своихъ сатирахъ (см. Соч. К. Н. Ватюшкова, т. III, стр. 185).

— (стр. 78). Пѣвецъ милыхъ ларъ — Ватюшковъ, написавшій въ 1811 году стихотвореніе «Мои пенаты», которое самъ авторъ сближалъ съ пѣсней Грессе: «La Chartreuse».

ІІV (стр. 78). Маргарита Аполлоновна Волкова (1786 † 1859), приводя это стихотвореніе въ письмѣ къ В. И. Ланской отъ 23-го февраля 1814 г., замѣчаетъ: «Ты, конечно отгадываешь, что это Пушкинъ жалуется, что слишкомъ рано появился на свѣгъ Божій. Меня особенно насмѣшилъ куплетъ о танцахъ, потому что я нарочно, елико возможно, ускорила темпъ въ экоссеизѣ, танцую съ Пушкинымъ на балѣ у Вяземскихъ. Бѣдаяжка такъ запыхался, до того усталъ, что мнѣ жалко было на него смотрѣть».

ІІV (стр. 80). Эти куплеты напечатаны еще въ «Маякѣ» 1842 г., т. I, и въ Сборникѣ студентовъ Петербургскаго университета, вып. I. С.-Иб. 1857.

LX (стр. 80). Упоминаемые Пушкинымъ стихи Карамзина—«Освобожденіе Европы и слава Александра I», напечатанные въ 1814 году въ Москвѣ и Петербургѣ.

— (стр. 82). Федоръ Федоровичъ Кокочкинъ, управлявшій въ послѣдствіи московскимъ театромъ и предсѣдательствовавшій въ Обществѣ любителей російской словесности, былъ любитель литературы и записной театраль.

LXVI (стр. 84). Эта піеса была напечатана въ Москвѣ отдѣльной брошюрой въ 1815 году и въ собранія стихотвореній Пушкина не вошла.

LXVII (стр. 85). Гашпаръ — герой комической поэмы кн. Шаховскаго: «Расхищенные Шубы». Этимъ именемъ Арзамасцы прозвали самого автора, котораго Пушкинъ осмѣялъ въ «Опасномъ Сосѣдѣ».

LXIX (стр. 87). Графъ Толстой — Федоръ Ивановичъ, прозванный Американцемъ, о которомъ любопытныя свѣдѣнія сообщаются въ VIII томѣ сочиненій кн. П. А. Вяземскаго.

— Князь Гагаринъ — Сергій Ивановичъ, въ послѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта, извѣстный агрономъ. Былъ женатъ на Варварѣ Михайловнѣ Пушкиной, сестрѣ Алексѣя Михайловича Пушкина.

— Ржевскій — Павелъ Алексѣевичъ, сынъ извѣстнаго масона и писателя А. А. Ржевскаго.

— Вѣра Федоровна Вяземская — жена кн. П. А. Вяземскаго.

LXX (стр. 88). Почтенный Лафонтенъ — И. И. Дмитриевъ.

— Пушкинъ — Алексѣй Михайловичъ.

LXXV (стр. 91). Стихи эти были напечатаны въ 1819 году, въ Москвѣ, отдѣльной брошюрой и не вошли въ собранія стихотвореній Пушкина.

— Княгиня Н. П. Голицына (la princesse moustache), рожденная гр. Чернышова, была замужемъ за кн. Владимиромъ Борисовичемъ Голицынымъ.

LXXVII (стр. 92). Анжелика Каталани (1779 † 1849), знаменитая пѣвица, посѣтила Петербургъ и Москву въ 1820 году. На послѣднемъ концертѣ, 25-го іюля, Пушкинъ поднесъ ей свое четверостишіе.

LXXXVII (стр. 94). Это стихотвореніе было написано Пушкинымъ на экземплярѣ его сочиненій, изданныхъ въ 1822 году и поднесенныхъ кн. Шаликову.

XCIV (стр. 96). Князь Сергій Алексѣевичъ Голицынъ скончался въ 1824 году.

XCVI (стр. 97). Піеса эта написана на смерть Анны Львовны Пушкиной, сестры Василя Львовича, скончавшейся въ ноябрѣ 1824 года.

XCVIII (стр. 98). Въ 1824 году, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, съ паденіемъ министерства кн. Голицына, вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу.

C (стр. 99). Эта элегія, предназначавшаяся для альманаха «Звѣздочка», была напечатана въ «Литературномъ Музеумѣ» на 1827 годъ.

CI (стр. 100). Эта пѣсня была напечатана въ «Альбомѣ сѣверныхъ музъ» на 1828 г., безъ имени переводчика. Также предназначалась для «Звѣздочки», изданіе которой не состоялось по случаю ареста А. А. Бестужева и К. Θ. Рылѣва.

CVI (стр. 101). Трагедія Софокла «Филоктетъ» была переведена съ греческаго И. П. Мартыновымъ и напечатана въ 1825 году.

СХІV (стр. 104). Коппъ — содержатель ресторана.

— А. М. Пушкинъ, имѣя сценической талантъ, участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ.

СХVІІ (стр. 110). Калибанъ — дѣйствующее лицо въ драмѣ Шекспира «Буря». Извѣстно, что романтики высоко цѣнили Шекспира.

СХVІІІ (стр. 113). Тацитъ нашъ — Карамзинъ.

СХІХ (стр. 113). Кумъ — кн. П. И. Шаликовъ.

СХХІІІ (стр. 115). Лабомель — французскій критикъ, извѣстный по нападкамъ на него Вольтера. Въ слѣдующихъ строкахъ Пушкинъ намекаетъ на Н. А. Полевого, враждебно относившагося къ А. С. Пушкину. Послание къ А. С. Пушкину — послѣднее произведение Василія Львовича, какъ значитъ въ автографѣ И. П. Библиотеки. Оно было препровождено авторомъ къ племяннику при слѣдующей запискѣ: «Je vous envoie mon épître avec des corrections que je viens d'y faire. Dites-moi, mon cher Alexandre, si vous en êtes content? Je veux, que cette épître soit digne d'être adressée à un charmant poète comme vous et nargue des imbécilles et des envieux».

III. Записки въ стихахъ къ князю П. И. Шаликову.

1 (стр. 116). Федоръ Федоровичъ Кокоскинъ съ 1823 по 1831 г. управлялъ московскими театрами и съ 1827 по 1830 годъ предсѣдательствовалъ въ Обществѣ любителей россійской словесности.

— Филлисъ-Андріе — французская пѣвица; съ 1802 г. находилась на петербургской сценѣ, но посѣщала иногда и Москву.

— Жанъ Парижскій — комическая опера, которая въ 1819 г. была переведена съ французскаго кн. Шаликовымъ.

2 (стр. 116). Наташа — дочь кн. Шаликова.

3 (стр. 116). Упоминаемый журналъ — «Дамскій Журналъ», издававшійся Шаликовымъ въ 1823—1833 гг.

4 (стр. 117). Сонцовъ — Матвѣй Михайловичъ, мужъ Елизаветы Львовны, сестры Василія Львовича.

5 (стр. 117). Упоминаемыя газеты — «Московскія Вѣдомости», редакторомъ которыхъ съ 1812 г. былъ кн. Шаликовъ.

— Вельможа и поэтъ — И. И. Дмитріевъ.

6 (стр. 117). Люблинскій житель — Александръ Александровичъ Писаревъ, боевой генералъ и писатель. Съ 1825 по 1830 г. былъ попечителемъ Московскаго университета и предсѣдателемъ Общества любителей россійской словесности. Люблино — его помѣстье, въ семи верстахъ отъ Москвы.

12 (стр. 119). Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій постоянно и жестоко осмѣивалъ Шаликова въ своихъ эпиграммахъ и шуточныхъ стихотвореніяхъ. Къ Н. А. Полевому Шаликовъ враждебно относился потому, что въ «Московскомъ Телеграфѣ», который издавался Полевымъ, видѣлъ соперника «Дамскому Журналу». По этому случаю, книжки послѣдняго наполнялись грубыми, неприличными выходками, направленными не только на журналъ Полевого, но и на личность его.

17 (стр. 120). Бомбаецъ — сокращенное прозвище «Московскаго Телеграфа», который былъ осмѣянъ Воейковымъ подъ именемъ англійскаго журнала «Бомбайская Каланча» («Славянинъ» 1828 г., ч. VIII, № 42, стр. 108). Подъ «Лгуномъ» разумѣется журналъ «Галатея», въ 1829—1839 гг. издававшійся С. Е. Райчемъ, въ которомъ Шаликовъ также видѣлъ своего литературнаго соперника и журналъ его называлъ въ печати «журналомъ ошибокъ и вранья» («Дамскій Журналъ» 1829 г., ч. XXVII, № 29, стр. 43).

20 (стр. 121). Говорится, вѣроятно, о князѣ Д. Д. Циціановѣ, съ которымъ Шаликовъ былъ очень близокъ.

24 (стр. 122). Макаровъ — Михаилъ Николаевичъ, одинъ изъ плодотвѣтнѣйшихъ московскихъ литераторовъ, сотрудникъ «Дамскаго Журнала».

— Глббовыхъ было двое: Александръ Петровичъ и братъ его Дмитрій Петровичъ († 1843), заурядный стихотворецъ, сотрудничавшій между прочимъ, въ журналѣ Шаликова.

26 (*стр. 122*). Атеней — журналъ, издававшійся въ 1828—1830 гг. профессоромъ Московскаго университета М. Г. Павловымъ.

39 (*стр. 125*). Курбатовы — Петръ Александровичъ, директоръ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, и Александръ Дмитриевичъ, упоминаемый Пушкинымъ въ предослѣдней запискѣ.

43 (*стр. 125*). Нашъ Лафонтенъ — И. И. Дмитриевъ.

53 (*стр. 127*). Измайловъ — Владиміръ Васильевичъ, писатель карамзинской школы.

58 (*стр. 128*). По поводу этого экспромпта Шаликовъ замѣчаетъ: «Поэтъ увидѣлъ эту сцену изъ окна и тотчасъ написалъ сіи стихи при гостяхъ, бывшихъ на этотъ разъ у поэта».

«Записки» Пушкина были напечатаны въ Москвѣ отдѣльною книжкою въ 1834 году, съ слѣдующимъ предисловіемъ издателя, кн. П. И. Шаликова: «В. Л. Пушкинъ приобрѣлъ извѣстность поэта, любовь читателей, ласки свѣта и дружбу короткихъ знакомцевъ: вотъ мысли, побудившія меня издать сіи записки, не важныя по своему содержанію, относящіяся единственно ко мнѣ, но пріятныя для воспоминаній о чловѣкѣ, который своимъ житейскимъ простосердечіемъ уподоблялся Лафонтену болѣе, нежели кто-либо изъ нашихъ баснописцевъ. Какъ же не желать, чтобъ сохранилось все, что ни относится къ дарованію и характеру подобнаго автора! Не скрываю и собственныхъ чувствъ: для меня лестны его записки, имѣющія въ глазахъ моихъ еще и ту цѣну, что онѣ — суть экспромпты; къ нимъ присовокупляю и нѣкоторые изъ своихъ отвѣтовъ».

Въ настоящемъ изданіи эти отвѣты опускаются, но число записокъ Пушкина пополнено еще четырьмя (60, 61, 62, 63), напечатанными въ «Дамскомъ Журналѣ» 1825—1827 г. (ч. XI, XIII, XX) и въ «Русской Старинѣ» 1888 г. (т. LVII). Изъ содержанія записокъ Пушкина видно, что стихотворная переписка друзей началась въ двадцатыхъ годахъ и продолжалась до самой смерти Василя Львовича.

ПРОЗА.

I (*стр. 130*). Было напечатано въ Москвѣ отдѣльною брошюрой въ 1811 году.

III (*стр. 141*). Мидасъ — Фригійскій царь, бывший судьей на музыкальномъ состязаніи Пана съ Аполлономъ. Отдавъ предпочтеніе первому, онъ получилъ отъ Аполлона ослиныя уши.

— Великій патріархъ Халдеевъ — А. С. Шишковъ.

— Юноша съ кортикомъ — князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, морякъ, пользовавшійся особеннымъ покровительствомъ Шишкова.

— Лирическое пѣснопѣіе — поэма кн. Шихматова «Петръ Великій», изданная въ 1810 году.

— (*стр. 142*). «Письма Скиммина» — сочиненіе О. П. Львова, изданное въ 1813 году. Львовъ былъ членомъ Бесѣды.

— «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» — сочиненіе Шишкова.

— «Тассовы Бдвінія» переведены съ итальянскаго Шишковымъ.

— Трагедіи Расина: «Андромаха» и «Иеигенія» переведены гр. Хвостовымъ.

— «Гамлетъ» переведенъ С. И. Висковатовымъ.

— Трагедія Вольтера «Китайскій Сирота» переведена кн. Шаховскимъ.

— Прибавленіе къ прибавленіямъ — намекъ на Шипкова, который издавалъ обыкновенно различныя прибавленія къ своимъ сочиненіямъ.

— Палачъ Дебрео и Расина — гр. Хвостовъ, который перевелъ, между прочимъ, «Науку о стихотворствѣ» Буало-Дебрео.

— Секретарь Бесѣды — Соколовъ, однофамилецъ секретаря Россійской Академіи.

— (стр. 143). Толсточреватый комикъ — кн. Шаховской.

— Неутомимый риелоткачъ — гр. Хвостовъ, писавшій, между прочимъ, и нелѣпыя басни. — Стихотворенія, въ которыхъ мало глаголовъ — намекъ на оригинальное свойство стиха кн. Шихматова, который избѣгалъ въ своихъ произведеніяхъ риетъ на глаголы.

— Называя членовъ Бесѣды сычами, Пушкинъ указываетъ этимъ на свою басню «Сычи», въ которой изображена борьба просвѣщенія съ невѣжествомъ.

П И С Ь М А.

I (стр. 145). Похвальное слово — Екатеринѣ II, напечатанное Карамзиннымъ въ 1802 г.

— Алопеусъ, Максимъ Максимовичъ (род. 1748 † 1822 г.) былъ дважды посломъ въ Пруссіи: въ 1790—1796 гг. и въ 1802—1808.

— (стр. 146). Упоминаемая басня — Соловей и Чижъ.

IV (стр. 150). Письмо это служить отвѣтомъ на стихотвореніе А. С. Пушкина: «Желаніе», въ которомъ гр. Хвостовъ названъ «непокойнымъ» стихотворцемъ.

— Ломоносовъ — Сергѣй Григорьевичъ, лицейскій товарищъ А. С. Пушкина.

V (стр. 150—151). Въ «Сынѣ Отечества» 1816 г. (ч. XXX, № 24) и въ «Вѣстникѣ Европы» того же года (ч. LXXXVII, № 9) былъ напечатанъ П. А. Катенинымъ вольный переводъ Бюргеровой «Леноры», подъ заглавіемъ «Ольга». По поводу этого перевода въ «Сынѣ Отечества» (ч. XXXI, № 27) появилась анонимная критическая статья, принадлежавшая Гнѣдичу, который неодобрительно отозвался о переводѣ Катенина. За послѣдняго вступился А. С. Грибоѣдовъ, напечатавшій въ «Сынѣ Отечества» (ч. XXXII, № 16) статью: «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: «Ленора». Въ этой статьѣ Грибоѣдовъ осмѣялъ Гнѣдича, а мимоходомъ задѣлъ и Жуковскаго, который еще раньше Катенина передожилъ на русскій языкъ балладу Бюргера.

VI (стр. 151). Письмо это написано по поводу выхода замужъ родной племянницы Василя Львовича, Ольги Сергѣевны Пушкиной, за Николая Ивановича Павлицева.

24158

<http://rcin.org.pl>

120

cy

BIBLIOTEKA IBL

F. 24117

F. 24155

F. 24156

F. 24158

F

24.117
24.155-24.156
24.158